

Тамерлан

Пришло время намаза аср¹⁸³: и на той и на другой стороне богадуры стали на молитву. Еще аср не был окончен, как со стороны врагов послышался шум: они возобновили нападение. Мы с амиром Хусайном бросились на врагов и многих из них убили и ранили. Конь Хусайна пал, и ему пришлось пересест на коня своей жены, Дильшат-ага¹⁸⁴; ее я посадил на коня своей жены, сестры амира Хусайна. Мы вдвоем с амиром Хусайном яростно действовали пращами¹⁸⁵ и перебили много неприятельских воинов.

Бой кончился. Тугуль-богадур, отчаявшись, остался в степи, а мы продолжили путь; потери в бою с обеих сторон были отчаянные: у нас осталось в живых всего лишь семь человек, а у Тугуль-богадура — пятьдесят.

Во время пути нас нагнали оставшиеся в живых пятьдесят воинов Тугуль-богадура; дальше мы двигались с трудом, отстреливаясь от более сильного врага, который наседал на нас сзади. Двигаясь таким образом медленно вперед, мы достигли наконец Хорезма; наши враги скрылись, как только мы пришли туда.

[Приключения в пути Тимура и его спутников]

Вскоре по дороге нам попался колодезь; у одного пастуха нам удалось купить двух баранов, и мы подкрепили пищей свои силы. В одном месте мы остановились отдохнуть на два дня. Тут с нами случилось несчастье: к нашему маленькому отряду присоединились три пеших попутчика, и они-то на одном из ночлегов украли у нас трех коней — потеря очень чувст-

Автобиография Тимура

вительная: из-за кражи коней моя жена и сестра вынуждены были продолжить путь пешком.

[Приключения Тимура в стране туркмен]

Через несколько переходов¹⁸⁶ мы достигли страны туркмен. В одном уединенном месте нам повстречались туркмены; они приняли нас за воров¹⁸⁷ и напали на нас. Мы были со всех сторон окружены неприятелем; женщин, которые были с нами, пришлось поставить позади себя и защищать силою оружия. К нашему счастью, совершенно неожиданно среди туркмен оказался сайид Мухаммед-Ходжа, воспитанный при мне и в юности служивший у меня. Мухаммед-Ходжа избавил нас от неминуемой гибели; он сразу узнал меня, бросился к моим ногам и молил простить его сородичам оскорбление, которое они причинили нам, не зная, кто мы. Он рассказал своим сородичам, что перед ними — амир Тимур, правитель Мавераннахра. Туркмены постарались загладить свою невольную вину: угощали нас в течение трех дней, затем дали нам на дорогу съестных припасов, снарядили для нас десять провожатых¹⁸⁸, и мы двинулись дальше.

[Тимур и его жена проводят пятьдесят дней в темнице туркменского амира Али-бега Джаны-Курбаны]

Через три дня мы достигли местности Махмудия; здесь мы сделали остановку на несколько дней, мы рассчитывали,

Тамерлан

что, может быть, некоторые спутники, которые от нас отстали по пути, догонят нас тут.

Между тем туркменский амир Али-бег Джаны-Курбаны получил весть, будто я пришел в землю туркмен и остановился в местности Махмудия с враждебными намерениями. По его распоряжению отряд туркмен ночью напал на нас; туркмены перевязали всех нас и в таком виде доставили к амиру Али-бегу Джаны-Курбаны. Али-бег ни о чем не спросил нас, а просто отдал приказание своим людям посадить всех нас в тюрьму.

Я сам и моя жена, сестра Хусайна, провели в темнице пятьдесят мучительно долгих дней. Когда я вышел из тюрьмы, я твердо решил и дал обещание Аллаху, что никогда не позволю себе бросить кого-либо в тюрьму, не разобрав как следует дела.

[Тимур размышляет о свободе]

В глубоком отчаянии, в тюрьме, я рассуждал так:

Лучше совершить безумный поступок — вырваться, чего бы это ни стоило, из стен темницы и биться снаружи за свободу; если я освобожусь, тем исполнится мое желание; если моя попытка не будет успешна, я наверное буду убит; мертвого меня похоронят вне тюрьмы — на вольной земле; значит, так или иначе нужно сделать безумную попытку — так или иначе выбраться на вольный свет.

[Тимур выбирается на свободу]

Я обещал стражам щедрую награду за помощь в побеге из темницы; некоторые из них согласились помочь мне и дали

Автобиография Тимура

мне меч. С этим оружием в руках я бросился на тех стражей, которые не согласились помогать мне в бегстве, и сам обратил их в бегство. Я слышал вокруг себя крики: «Бежал, бежал!», и мне вдруг стало стыдно за свой поступок.

Я отправился сейчас же прямо к амиру Али-бегу Джаны-Курбаны и рассказал ему, что пришлось мне преодолеть, чтобы выбраться из темницы; он почувствовал уважение к моей доблести и был пристыжен. Как раз в это время Али-бег Джаны-Курбаны получил письмо от своего брата, амира Мухаммед-бега Джаны-Курбаны; он писал:

«Ты бесчеловечно и несправедливо поступил с амиром Тимуром, нанес ему тяжелое оскорбление. Я посылаю амиру Тимуру богатые дары, прошу тебя непременно передать их ему; затем советую тебе, чтобы загладить несколько свою вину,— выпросить у Тимура прощение, посадить на своего коня и отпустить его».

Амир Али-бег Джаны-Курбаны исполнил точь-в-точь все, о чем писал ему Мухаммед-бег Джаны-Курбаны. Вскоре я выехал оттуда в сопровождении двенадцати всадников и направился в Хорезмскую степь.

[Новые приключения Тимура в стране туркмен]

Через двенадцать дней пути я остановился. В этой местности кочевали туркмены, которые опять приняли нас за воров и напали на нас. Чтобы разогнать их, я вступил с ними в бой; среди туркмен, как и в прошлый раз, нашелся знакомый мне человек, Ахмад; во времена моего могущества он нахо-

Тамерлан

дился при мне и получил от меня много милостей. Теперь Ахмад в свою очередь помог мне: он сумел успокоить своих сородичей, и из туркмен ко мне присоединилось пятьдесят человек.

В это самое время ко мне присоединился Мубарак-шах-Юзбаши¹⁸⁹ со многими воинами и подарками, а из Хорасана ко мне пришло еще двести всадников да большой отряд пеших воинов.

[Тимур превращается в странствующего монаха, идет к своему народу и сорок восемь дней тайно проживает в Самарканде у своей сестры Туркан-ага]

Хусайн, амир Хорезма, и Заин-эд-дин, амир Себзеварский, нашли, что место, где мы стоим лагерем, выбрано очень неудачно. Мне не раз было предсказано, что я буду великим владыкой; поэтому я не терял надежды снова овладеть Мавераннахром. Я решил немедленно послать в Кешь двести всадников, а сам рассчитывал отправиться к своему народу и набрать там воинов.

Я направил из Бухары в Кешь двести всадников, а сам надел платье каляндара¹⁹⁰ и пошел к своему народу. Курчи-Тимургар, один из моих сторонников, узнал о моем прибытии и тотчас же явился ко мне в сопровождении сорока воинов. Я посвятил его в свои думы и планы, а потом послал его самого и его людей в Кешь; притом я строго-настрого приказал Тимургару, как только до него дойдет весть, что я захватил Самарканд, немедленно явиться ко мне.

Из среды моего народа за мной последовала тысяча человек; с ними я ночью вошел в Самарканд и приютился у своей

Автобиография Тимура

сестры, Туркан-ага. В ее доме, не выходя никуда целых сорок восемь дней, я тайно совещался с людьми, полезными для задуманного предприятия, и успел запастись оружием в необходимом количестве.

Мы готовились начать войну против воинов Джете, но наши враги, как нам сообщили, узнали от жителей Самарканда, что мы тайно проживаем в городе. Я счел опасным оставаться в Самарканде и отправился из города в окрестности Кеши, тут я остановился на несколько дней; впрочем, и здесь нельзя было долго оставаться; я взял с собой пятьдесят богадуров и с ними отправился в сторону Хорезма.

[Тимур добывает себе коней и пропитание]

По дороге мы встретили табун лошадей; поговорив с табунщиками, мы узнали, что кони принадлежат подвластным мне людям; мы очень легко уговорили хозяев табуна уступить нам коней, и я распределил их между пешими воинами моего отряда. Двигаясь вперед, мы переправились через реку Джайхун и в местности Ачиги прожили целый месяц, охотой добывая себе пищу.

[К Тимуру собираются его сторонники.

Захват Карибыза в Кандагаре]

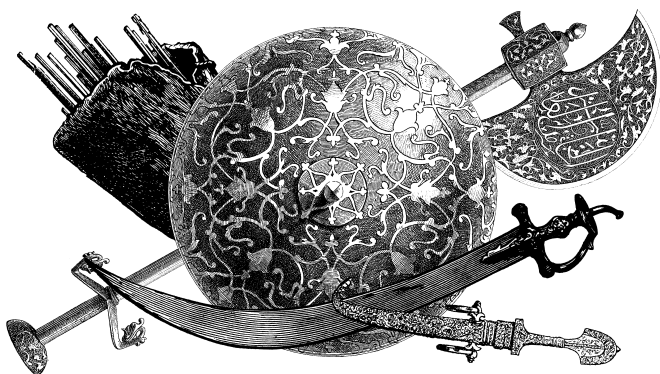
В это время Мубарак-шах Санджарский, сайид Хусайн Хорасанский и Заин-эд-дин, амир Себзеварский, присоеди-

Тамерлан

нились ко мне; у меня теперь собралось до тысячи всадников. С общего согласия мы подошли ночью при звуках труб к городу Карибызу в Кандагаре; я послал к правителю Карибыза, Мир-Магды, посла, чтобы щедрыми обещаниями склонить Мир-Магды к сдаче нам города. Мир-Магды польстился на мои обещания и вышел из города мне навстречу¹⁹¹ со своими сторонниками. Я принял его торжественно, с подарками, и предложил ему роскошное угощение. Мир-Магды остался очень доволен мною. В эту ночь Карибыз по воле Аллаха подчинился мне.

[Тимур успешно воюет в Сеистане]

Вскоре амир Хусайн пришел ко мне униженно просить прощения, я разделил дань с Карибыза пополам¹⁹² и уступил одну половину амиру Хусайну. Я прожил несколько времени в Карибызе. Однажды ко мне неожиданно прибыло с богатыми дарами посольство владетеля Сеистана¹⁹³; он просил меня заключить с ним союз и помочь ему в большом предприятии. Я же выжидал удобного случая отнять Кандагарскую область у гурийцев¹⁹⁴.

Мне исполнилось тридцать пять лет

Владелец Сеистана, амир Малик-Махмуд, враждовал со своими соседями; побежденный, он бежал из своей страны; он просил меня помочь ему и предлагал в подарок несколько крепостей в Сеистане. Я стал советоваться с амиром Хусайном; мы договорились, что он один, без меня, с отрядом моих воинов отправится в Сеистан и поможет амиру Малик-Махмуду Сеистанскому.

Через день после выступления амир Хусайн прислал мне с гонцом известие, что амир Баграм-Джалаир¹⁹⁵ восстал против него; если я тотчас же сам не поспешу к своим воинам, он один не выполнит задуманного предприятия. Я немедленно двинулся к амиру Хусайну и близко подошел к Сеистану.

Тамерлан

Амир Малик-Махмуд Сеистанский с богатыми дарами вышел мне навстречу и оказал мне радушное гостеприимство. Амир Малик-Махмуд дал торжественную клятву служить мне верой и правдой до конца своих дней¹⁹⁶. Я видел его искренность и преданность и решил помочь ему.

В руки врагов амира Малик-Махмуда Сеистанского перешло семь крепостей. На одну из этих крепостей я напал врасплох ночью. Я повел приступ одновременно со всех четырех сторон; целые сутки шел жестокий бой; в конце концов я овладел крепостью. Там хранилось большое количество хлеба в зерне; это стало нашей добычей. Амир Хусайн, не спрашивая меня, по своему усмотрению разделил всю добычу между своими воинами. Я сделал вид, что не обращаю на это никакого внимания, словно я не принимал никакого участия в захвате крепости!

Я назначил амира в захваченную крепость и немедленно двинулся дальше к другой крепости. Воины и население этой крепости вышли из крепостных стен и упорно сопротивлялись моим воинам; мне пришлось приложить немало усилий, чтобы снова загнать их в крепость. Большая часть моих богадуров быстро влезла на вал; запертые в крепости жители увидели, что они в безвыходном положении, и сдались, крича при нашем приближении: «Аль-аман, Аль-аман!»¹⁹⁷. Амир Хусайн разделил между своими богадурами добычу, взятую во второй крепости, опять не спрашивая у меня согласия. Я простил амиру Хусайну и эту вину.

Теперь мы двинулись к третьей крепости. На этот раз нам пришлось иметь дело с почти неприступными укреплениями.

Автобиография Тимура

ниями; я спешил своих всадников и ночью окружил крепость со всех сторон. Воины и население спали крепким сном; я приказал богадурам запасться камандами¹⁹⁸ и двинуться на штурм. Благодаря камандам мои богадуры легко взобрались на крепостную стену. С рассветом я приказал трубить в трубы и сам лично, призвав имя Аллаха, бросился с воинами на крепость. Очень быстро все мое войско вошло в крепость, и мы овладели ею. Когда я оканчивал утреннюю молитву («субх»), ко мне связанными привели жителей крепости, взятых в плен при штурме; в этой крепости нам тоже досталась богатая добыча. Амир Хусайн получил весть о моей удаче и лично прибыл поздравить меня с захватом неприступной крепости; слух о моей блестящей победе прошел по всему Сеистану.

[Тимур ведет борьбу против амира Малик-Махмуда Сеистанского; в бою он получает две раны]

В это время амир Малик-Махмуд Сеистанский получил известие: жители и воины остальных четырех крепостей выражали желание без сопротивления сдать крепости амиру Малик-Махмуду Сеистанскому. Они писали:

«Если амир Тимур овладеет всеми крепостями, то он и тебя лишит Сеистана и нас истребит».

Амир Малик-Махмуд был согласен с жителями и тайно ночью удалился от меня и ушел в Сеистан. Население крепостей и другие жители Сеистана решили общими силами напасть на меня.

Тамерлан

До меня дошла весть, что мне угрожает нападение сеи-станцев. Я разделил всех воинов на три части¹⁹⁹: амир Хусайн с одной частью богадуров составлял мое правое крыло, другую часть я расположил слева, а сам, предводительствуя третьей частью, составил средину боевого порядка. В первый ряд я поставил стрелков, за стрелками расположились воины, вооруженные копьями.

Бой был упорный. Я сам с двенадцатью богадурами очутился в самой гуще бившихся; именно тогда в меня попало две стрелы: одна — в ногу, другая — в правый локоть. Разгоряченный боем, я и внимания не обратил на то, что ранен; опомнился только тогда, когда с помощью Аллаха мне удалось опрокинуть врагов и обратить их в беспорядочное бегство.

[Тимур лечит свои раны]

После боя я отправился в сторону Гармуза. Я оставался там некоторое время и лечил свои раны. Амира Хусайна я послал с двумястами всадниками в сторону Бакланата. Амир Хусайн овладел Бакланатом и все заботы направил на то, чтобы приобрести побольше богатства; он забросил все дела управления страной, все богадуры были страшно злы на него. Ахунд-бег с воинами Джете напал на амира Хусайна; тот был разбит в бою и бежал в селение Шарку. Меня возмущали до глубины души действия амира Хусайна. Правда, мои раны к этому времени совершенно зажили, но я ничего не мог сделать, чтобы исправить его ошибки; все мои богадуры были рассеяны по разным местам; возле себя я мог собрать только сорок всадников.

Автобиография Тимура

[Тимур собирает своих вассалов в долине Арсаф]

Я призвал к себе Тимур-Ходжу-Углана, взял амира Магдибега с сорока всадниками, которые все были из знатных родов, собрал помимо того решительно всех воинов (включая и своих телохранителей), какие только могли за мною следовать, поднялся с ними в горы Мызд и там стал на стоянку. Вскоре и Сиддык-Барлас с отрядом воинов явился ко мне на помощь; он прежде служил мне, совершил со мною ряд походов; ему было очень приятно вновь служить мне. Вместе с ними я двинулся в долину Арсаф²⁰⁰.

Амир Хусайн прислал мне письмо; он выражал желание присоединиться ко мне, но просил прислать ему для этого воинов. Я отрядил Сиддык-Барласа с сорока всадниками на помощь амиру Хусайну, а сам двинулся дальше.

По дороге я увидел впереди черное пятно; опасаясь неожиданно наткнуться на врага, я выслал вперед разведчиков. Вскоре разведчики совершенно успокоили меня: шел на помощь мой старый соратник Кыранджи-богадур с сотней всадников. Я принес благодарность Аллаху за помощь в такую опасную минуту.

Мы достигли долины Арсаф. По дороге нам встретился тигр; я мысленно загадал: если мне удастся убить этого тигра, значит, меня ждет удача во всех предприятиях, какие задуманы; я пустил стрелу и наповал убил тигра. Мы остановились в долине Арсаф на возвышенности. Я занимался охотой; охота обеспечивала нам продовольствие в продолжение всей нашей долгой стоянки в долине Арсаф.

Тамерлан

Мы поджидали амира Хусайна, который должен был здесь присоединиться к нам; мои воины расположились на берегу большой реки. Однажды вечером, при лунном сиянии, я сидел на горе один. Когда пришло время ложиться спать, я стал на ночную молитву и затем скоро уснул. Во сне я услышал голос, говоривший:

— Терпение — ключ к радости!

Я проснулся в хорошем расположении духа, счастливый виденным сном. Я огляделся кругом и заметил, что со стороны Балха к нам приближается какая-то толпа людей. Я ни слова не сказал своим воинам и один вышел вперед, навстречу приближавшимся всадникам.

Я спросил, чьи это воины. Какова же была моя радость услышать в ответ, что это приближаются воины амира Тимура, которого они и разыскивают в степи. Меня отвели к начальникам, и я вновь увидел давно и хорошо мне известных амиров Кутлук-Ходжу-Барласа, Сайф-эд-дина Никудерийского и Тунг-богадура. При моем появлении все они сошли с коней, припали к моему стремени²⁰¹ и плакали от радости, что видят меня живым. С ними вместе и с их богадурами я присоединился к своему отряду и устроил большое пиршество.

[Шир-Баграм возвращается к Тимуру]

Вскоре со стороны Мерва к нам подошел еще отряд. Мы опасались, что на нас надвигаются враги, но тревога оказалась напрасной: это Шир-Баграм, который оставил меня, теперь возвращался ко мне, он устыдился своей измены и спе-

Автобиография Тимура

шил присоединиться со своими воинами к моему отряду; он молил простить его измену, забыть все старое. Я радушно принял его, сделал угощение на славу и примирился с ним, как будто между нами никогда ничего не происходило. Шир-Баграм ожидал заслуженной казни. Я же, напротив, подарил ему золотой венец и шапку, усыпанную драгоценными камнями; я даже опоясал его своим поясом, — его радость не поддается описанию!

В долине Арсаф мы несколько дней пировали и веселились по случаю возвращения Шир-Баграма.

[К Тимуру присоединяются новые союзники]

Четыре дня спустя к нам прибыл Хаджи-Барлас и амир Хусайн с двумястами воинами. Мы были очень довольны, что нам удалось собраться вместе.

На общем совете мы решили двинуться походом на воинов Джете. Я отрядил Шир-Баграма с богадурами к Ильчи-Бугай-Сальдуру, правителю крепости Дуладжун, — просить его присоединиться к нам.

Шир-Баграм явился к Ильчи-Бугай-Сальдуру и передал наше желание. Ильчи-Бугай-Сальдур отвечал:

— Я давно дружен с амиром Тимуром и рад был бы служить ему, но я не могу сейчас изменить Ильяс-Ходже: он дал мне крепость Дуладжун, он слишком сильно доверяет мне.

Так Ильчи-Бугай-Сальдур отказался служить мне; все-таки около трехсот всадников от него перешло служить ко мне.

Тамерлан

Вскоре мы оставили место нашей стоянки и перешли на другое. Правители Кундуза и Бадакшана²⁰², Али и Махмуд-шах-Кабули, присоединились ко мне с большими отрядами войск, я их принял, щедро одарил и устроил богатое угощение.

[Тимур производит рекогносцировку против войск Джете]

Как было решено на общем совете²⁰³, я выделил двести всадников под предводительством Тикиш-богадура и отправил их в сторону Балха²⁰⁴; кроме того, я послал Тамук-богадура с поручением разведать и принести мне точные сведения, что делается в стране Джете. Отряд Тамук-богадура постигло страшное несчастье: при переправе через реку Термез все воины с оружием и продовольствием погибли в волнах реки — ни один богадур не возвратился к своей семье; сам Тамук-богадур каким-то чудом уцелел и принес мне весть о несчастье. Он сообщил, что на нас движется шеститысячное войско Джете; его отряд оказался не и силах хотя бы сколько-нибудь приостановить движение полчища; правда, несколько воинов Джете были убиты, но остальные безнаказанно грабили окрестности Термеза. Получив такие вести, я немедленно двинулся со своими воинами к Термезу и остановился на берегу реки Джайхун.

Тикиш-богадур наконец возвратился ко мне; он был счастливее Тамук-богадура и привез с собой богатую добычу. Тут же я получил грамоты от амира Сулеймана, Джагуй-Барласа, амира Мусы, амира Джелал-эд-дина и амира Хинду-шаха;

Автобиография Тимура

они узнали, что я пришел в долину Арсаф и стал лагерем; недовольные Джете, они решили присоединиться ко мне с тысячей всадников, которые были в их распоряжении; они пришли к берегам реки Термез и выслали вперед амира Тугуль-буга, чтобы получить через него верные сведения о том, где я стою лагерем.

[Амиры хакана Туклук-Тимура и Ильяс-Ходжи наступают на Тимура]

Как раз в это время амир Сайид-ибн-Айгу, Менгли-Буг, владетель Дуладжуна, и Хайдор Андхойский, по приказанию Ильяс-Ходжи и хакана Туклук-Тимура, с шестью тысячами всадников двинулись против меня. Они овладели окрестностями Термеза и Балха; население Балха вынуждено было переправиться через реку Джайхун и стать под мою защиту.

Через три дня утром три амира Ильяс-Ходжи с шестью тысячами всадников остановились на противоположном берегу реки Джайхун, приговаривая напасть на нас; только река разделяла нас.

[Тимур поучает амиров Ильяс-Ходжи любить человеческий род и отказаться от войны²⁰⁵]

Я снарядил Тимур-Ходжу-богадура послом к нашим врагам; я поручил ему убедить наших врагов отказаться от враждебных действий против меня:

Тамерлан

«Все люди, населяющие землю, составляют как бы одно тело, одно целое; если кто нападает на других и причиняет беду, это равносильно тому, если бы человек стал рубить собственное тело; значит, всякие враждебные действия друг против друга лишены всякого смысла, война не нужна».

Эти слова, переданные моим посланцем, сильно подействовали на врагов: они отказались от намерения напасть на меня. Так я без всякого кровопролития примирился с врагами и двинулся с воинами обратно.

[«Злонамеренные люди» разрушают миротворческую идиллию Тимура]

Через день после моего ухода несколько злонамеренных людей сумели убедить моих неприятелей, что было бы позорно возвращаться, не дав мне боя. Враги совершенно неожиданно переправились через реку Джайхун и стали выстраиваться в боевой порядок, чтобы напасть на меня. Я оглянулся на свое войско — его было мало, а противник числом воинов значительно превосходил нас; зато мое войско состояло из отборных храбрых богадуров; я не смутился малочисленностью своих сил и был очень бодро настроен, вспомнив слова Корана:

«Сколько раз небольшие ополчения побеждали бесчисленные полчища по изволению Аллаха». (*Коран, II сура, 250 аят*).

Я понимал глубокий смысл этих слов так: и немногие с помощью Аллаха могут одолеть гораздо сильнее противника.

Автобиография Тимура

[К Тимуру подходят в критическую минуту новые союзники]

До вечера сражение не начиналось. Вечером я собрал на совет всех своих союзников; мы решили ночью врасплох напасть на воинов Джете; малое число наших воинов все время вызывало у нас опасения.

Ночью мы заметили, что к нам приближаются три отряда воинов. Нам пришла в голову мысль, что это враги наши начали нападение, и мы приготовились как следует встретить их; наши страхи скоро рассеялись: амиры Сулейман, Джагуй-Барлас и Муса взбунтовались против Джете, отложились от хакана Туклук-Тимура и Ильяс-Ходжи и с тысячью пятистами всадников²⁰⁶ двигались к нам на помощь. Мы приняли их с большой радостью и устроили торжественную встречу. Я воздал хвалу Аллаху за чудесную помощь в такую опасную для меня минуту!..

[Тимур одерживает блестящую победу над войсками Джете]

Вскоре Менгли-Буг, владетель Дуладжуна, амир Сайид-ибн-Айгу и Хайдор Андхойский с тремя отрядами воинов стали наступать на нас. В моем распоряжении находилось всего-навсего три тысячи воинов; я разделил их на шесть частей. Располагая воинов в боевом порядке, я поставил впереди ряд стрелков, а за ними ряд воинов, вооруженных пиками и мечами. Эти две части моих воинов с раннего утра вступили

Тамерлан

в бой и дрались до позднего вечера; в этот день ни одна из сторон не имела решающего успеха; оба отряда — и мой, и вражеский — одинаково выбились из сил.

В моем распоряжении оставалось, однако, еще две трети воинов, совершенно не утомленных; с этими силами я ночью, врасплох, напал на врага, который был истомлен боем предшествующего дня. Мои воины быстро ринулись на врага с криками: «Алла-яр!»²⁰⁷ при звуках труб, с боем барабанов. Три раза я производил натиск без всякого успеха, наконец четвертый, решающий натиск положил конец сражению: победа осталась за мной. Мы обратили неприятеля в паническое бегство, заняли его стан, забрали большое количество оружия и всякого добра. Я принес хвалу Аллаху, пославшему победу над более сильным врагом.

Преданные мне люди пришли поздравить меня с блестящим успехом.

[Аль-Хакк-богадур и Мир-Кичик-бег врасплох нападают на воинов Тимура]

Весть о нашей победе быстро дошла до Ильяс-Ходжи. Он тотчас же приказал Аль-Хакк-богадuru и Мир-Кичик-бегу немедленно с большим числом воинов двинуться против меня. Это было для меня полной неожиданностью; я узнал о грозящей мне опасности, отправил амира Хусайна правителем в Балх, а сам покинул место стоянки, переправился через реку Джайхун и расположился станом в степи. Мои стражи

Автобиография Тимура

не ожидали нападения и уснули богатырским сном; вдруг со стороны неприятеля к нам быстро приблизился большой отряд воинов. Палатки моих воинов, расположенные поодаль от центра стана, были немедленно разграблены, а воины, спавшие в палатках, разбежались по степи. Я сам с окружавшими меня богадурами стал яростно действовать стрелами; нам удалось отбить натиск врага и не допустить его подойти ближе. Я видел, что со стороны реки неприятеля не было, и приказал немедленно переправить на противоположную сторону реки все наши палатки и имущество — все было быстро исполнено. Вслед за имуществом и я сам на лодке переправился на другой берег Джайхуна.

[Войска Джете после месячной стоянки на противоположном берегу Джайхуна уходят без боя. Тимур торжествует победу]

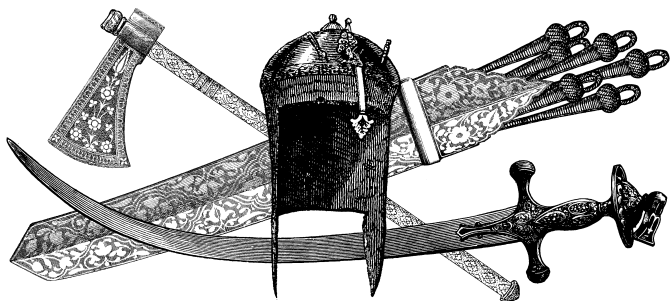
Здесь я выбрал удобное место для лагеря, укрепил его и простоял с воинами целый месяц. Войска неприятеля тоже целый месяц простояли на противоположном берегу реки.

Через месяц мы заметили, что неприятельский стан опустел: воины Джете ушли с места стоянки, — нужно думать, к себе в свои улусы. Тогда я со своими воинами победоносно двинулся в сторону Балха²⁰⁸ и быстро достиг местности Хульм²⁰⁹. Амир Хусайн устроил нам здесь торжественную встречу; я провел в этой местности целых десять дней среди пиров и развлечений.

Тамерлан

[Тимур приходит к намерению отнять у Джете все города Турана]

Здесь у меня созрел план отнять у Джете все города Турана. Посоветовавшись с амиром Хусайном, мы двинулись в сторону Бадакшана и скоро пришли в местность Кундуз. В это время ко мне присоединились два отряда воинов из племени узбеков, всего численностью до тысячи всадников. С таким количеством воинов я поспешил ночью подойти к Бадакшану; я опасался, что население узнает о нашем приближении и успеет привести укрепления в боевой порядок. Но как только я подошел к местности Танан, правители Бадакшана с подарками вышли мне навстречу. Я взял у них до двух тысяч всадников, чтобы усилить свой отряд, и отправился в Джилян; там я рассчитывал набрать еще больше воинов, а потом уже двинуться против Джете.

Мне исполнилось тридцать шесть лет

В местности Джилян я взял с собой главу амиров с воинами и двинулся в местность Кульмак, где и сделал остановку.

Амир Хусайн втайне желал мне зла, но не решался открыто выступить против меня. Чтобы повредить мне, ослабить мои силы, он затеял ссору с Пулад-Бугаиром и добился того, что Пулад-Бугаир расстался со мной и ушел в свою сторону.

[Тридцатитысячное войско Джете нападает на Тимура]

Между тем на меня надвинулось огромное войско Джете во главе с амирами Мир-Кичик-бегом, Тимурин-Тукланом,

Тамерлан

Сарык-богадуром, Сангум-богадуром, Туклук-Ходжой и Куч-Тимуром. С ними же двигались на меня вместе с отрядом в двадцать тысяч всадников амиры, служившие прежде мне: Туклук-Сальдур и Кай-Хисрау-Джиляны. Из всего полчища противники выделили шесть тысяч всадников и расположили в один ряд, чтобы начать бой.

Я слышал в этот день, что общее число выставленных против меня воинов Джете достигает тридцати тысяч человек; у меня же, за исключением войска амира Хусайна (на верность его я никогда не мог вполне рассчитывать!), было всего шесть тысяч воинов; как видно, я был примерно в пять раз слабее неприятеля. Я загадал по Корану, и мне открылся аят:

«Сколько раз небольшие ополчения побеждали бесчисленные полчища по изволению Аллаха» (*Коран, II сура, 250 аят*).

Прочитав это место Корана, я вполне успокоился.

[Удачный бой Тимура с шестью тысячами всадников Ильяс-Ходжи]

Шесть тысяч всадников Ильяс-Ходжи начали наступление на моих воинов.

Я не принял здесь боя и отступил с воинами в сторону Джиляна. Враги подумали, что я отступил из страха перед ними, и не стали преследовать меня; преспокойно остались на месте и не приняли никаких мер предосторожности против меня. Я сделал четыре фарсанга²¹⁰ вперед, потом повернул назад и увидел, что неприятель беспечно отдыхает и совсем

Автобиография Тимура

не ждет моего возвращения; тогда я внезапно напал на врага. Кай-Хисрау-Джилянны и Туклук-Сальдур неожиданно перешли на мою сторону, и мы вместе дважды набрасывались на врага; скоро обратили его в самое дикое бегство; с криками: «Аль-ферар, аль-ферар!»²¹¹ вражеские воины рассеялись в разные стороны; многих беглецов мы захватили в плен; лишь тем, у кого были хорошие кони, удалось ускакать и присоединиться к главному отряду Ильяс-Ходжи.

Настала ночь; амир Хусайн со своими воинами отодвинулся от берега реки и пошел по направлению к Джилянну. Враги наши несколько успокоились и не решались преследовать нас: они видели, что у меня достаточно сил оказать им самое серьезное сопротивление.

[Тимур применяет хитрую тактику в борьбе с войсками Джете]

Из боя с войсками Джете я извлек богатый опыт: стало ясно, какой тактики лучше держаться в борьбе с громадными отрядами неприятельских воинов: открытой силой их очень трудно победить; лучше всего сначала отступить, как будто в испуге перед численным перевесом неприятеля, а потом, когда удастся убедить врага в своей мнимой слабости, усыпить его бдительность,— неожиданно произвести решительный натиск на неприятеля.

Новую тактику мне очень скоро пришлось применить.

Я поставил против неприятеля у каменного моста амира Муайяд-Арлада, Кара-богадура и Ирак-богадура, сам с от-

Тамерлан

борными богадурами поднялся на возвышенность, приказал остановиться там и разбить палатки; на вершине горы я велел разложить как можно больше костров.

Войдя в свою палатку, я стал на молитву; потом, не знаю, во сне или наяву, я услышал голос, говоривший мне:

— Тимур! Поздравляю тебя с победою.

Я очень был рад этим словам.

После утренней молитвы Ильяс-Ходжа ушел со своими воинами под бой барабанов. Некоторые амиры советовали мне броситься преследовать Ильяс-Ходжу, но я догадывался, что его движение — только хитрая уловка с тем, чтобы заставить меня сойти с возвышенности, где стояли мои богадуры; я отдал приказ всем оставаться на своих местах и никуда не двигаться.

Я угадал правильно; врагам не удалось заставить нас сделать по-своему; наоборот, им самим пришлось вернуться и начать бой в самых невыгодных условиях у подошвы горы; мы с возвышенности поражали пращами воинов, стоявших на равнине значительно ниже нас; у Ильяс-Ходжи было перебито и ранено много богадуров. С наступлением ночи бой прекратился.

[Ночной бой с войсками Ильяс-Ходжи]

Ночью я собрал на совет своих амиров; мы решили, что для нас теперь невыгодно стоять неподвижно на горе, а гораздо лучше сойти вниз и вступить в бой с неприятелем у подошвы горы: если нам посчастливится в бою, то мы достигнем

Автобиография Тимура

своей цели (рассуждали мы); если же не посчастливится, мы все-таки передвинемся отсюда в другую сторону.

Я приказал воинам двигаться сомкнутыми рядами в полной тишине и ночью напал на войско Ильяс-Ходжи со всех четырех сторон. Произошел жаркий бой, дело дошло до рукопашной. В самый разгар боя я встретился с Ильяс-Ходжой и насмешливо пожелал ему: «Счастливого пути!» Не одержав над нами верха, воины Ильяс-Ходжи, отстреливаясь, ушли в свой лагерь и расположились там. Я также покинул поле сражения, последовав за войском Ильяс-Ходжи, и расположился вокруг города. В это время ко мне присоединился и амир Хусайн со своим отрядом.

Ильяс-Ходжа собрал на совет своих амиров; пристыженные поражением и бегством, они собрались в полном унынии, со слезами на глазах; на общем совете они решили биться со мною до тех пор, пока не победят меня или сами не будут перебиты до последнего человека.

[Смерть хакана Туклук-Тимура. Ильяс-Ходжа покидает поле битвы для устройства своих дел]

Порешив так, Ильяс-Ходжа приготовился к бою; совершенно неожиданно прискакало несколько гонцов с вестью о смерти хакана Туклук-Тимура. Ильяс-Ходжа должен был немедленно позаботиться о своем вступлении на престол отца.

Новый хакан поспешил отправиться к умершему отцу. Он приказал амирам, которые оставались в крепости, дер-

Тамерлан

жаться до его прихода; сам обещал вернуться, как только закончит со своими делами. Я решил убить Ильяс-Ходжу, соединился с амиром Хусайном и двинулся с воинами вслед за Ильяс-Ходжой.

[Воины Тимура разбивают у Кеши воинов Ильяс-Ходжи]

В это время, как я узнал, Ильяс-Ходжа послал в Кешь своего наместника с воинами.

Каждые два-три дня от Ильяс-Ходжи уходило по отряду воинов и присоединялось ко мне. Богадуры, переходившие ко мне, подтверждали весть, что Ильяс-Ходжа послал в Кешь своих воинов.

Я, со своей стороны, послал в Кешь воинов и амиров: Сулеймана, Сайф-эд-дина Никудерийского, Джагуй-Барласа, Баграм-Джалаира и Джелал-эд-дина — отразить нападение отрядов Ильяс-Ходжи. Нужно было ввести в заблуждение врага относительно численности моих воинов; я приказал своему отряду, двигаясь по дороге, как можно больше пылить. Вблизи Кеши воины моего отряда привязали ветки деревьев к хвостам своих коней, чтобы произвести побольше пыли, и поскакали по направлению к городу. Наступление моих богадуров вызвало в Кеши полную панику среди воинов Ильяс-Ходжи; они не оказали ни малейшего сопротивления моим богадурам и сразу же ударились в бегство.

Через неделю мои воины вернулись с богатой добычей.

Автобиография Тимура

Вскоре Суль-Умар-Баян-Сальдур присоединился ко мне с семью отрядами; прибыл также Шир-Баграм, просил у меня прощения, поздравил с блестящей победой. Я устроил большой пир в честь их прихода.

[Воины Тимура одерживают блестящую победу над воинами Ильяс-Ходжи, берут в плен многих его амиров]

Вскоре мне пришлось выступить в поход со своими воинами: Ильяс-Ходжа собрал большое войско, чтобы напасть на меня. Во главе своих воинов он поставил Мир-Кичик-бега, Искандер-Углана и амира Сайфа. Я загадал по Корану, какая участь меня ожидает: мне открылось, что я должен победить врагов; я был очень рад этому и принес благодарность Аллаху за помощь.

Я пришел в местность Баш-Арыги. Я оставил там амира Хусайна, приказал ему все время быть настороже, чтобы враги, когда будут приближаться, в первую минуту не могли оценить нашей силы. Я разделил своих воинов на семь частей и расположился в таком порядке, как располагаются на перелете журавли; так я дошел до местности Кий²¹².

В это время Мир-Кичик-бег производил разведку с большим отрядом своих воинов и встретился со мной. Я загадал по Корану, что меня ожидает, мне открылся аят:

«Мы украсили небо, ближайшее к этому миру, светилами; мы поместили их тут для отражения демонов, для которых мы приготовили адский пламень» (*Коран, XVII сура, 5 аят*).

Тамерлан

Я обрадовался и двинул своих воинов навстречу воинам Мир-Кичик-бега. Отряд за отрядом подходили мои остальные воины на помощь передовым.

Сражение затянулось надолго; в моем войске произошло замешательство; тогда я поспешил сам присоединиться к воинам с избранными богадурами. Лишь только я подошел, войско Мир-Кичик-бега обуял страх. Вслед за мной вступили в бой со стороны неприятеля Искандер-Углан, амир Юсуф и амир Хамид. Я со своими богадурами пролил немало крови: в рукопашном бою мы немилосердно рубили врагов мечами. Во время боя конь Мир-Кичик-бега упал под ним, и нам удалось захватить его в плен; чтобы освободить Мир-Кичик-бега, амир Юсуф и амир Хамид со страшным ожесточением напали на нас. Один пеший воин с такой силой ударил коня амира Хамида, что конь упал, и амир Хамид был взят в плен. Амир Юсуф повернул коня и вскачь бросился назад; по пути его стремя зацепилось за стремя встречного всадника; амир упал и также попал в наши руки. Искандер-Углан бежал и присоединился к воинам Ильяс-Ходжи.

Я был крайне доволен одержанной победой, въехал на гору и начал собирать разбросанных здесь и там по полю битвы воинов в одно место. Войско мое быстро собралось, и я с удвоенной силой бросился на отряд Ильяс-Ходжи. Я снова одержал верх; я уже собирался схватить самого Ильяс-Ходжу, как на помощь к нему прискакал Искандер-Углан; он сам попал в плен, а Ильяс-Ходже удалось бежать. Мы бросились в погоню за Ильяс-Ходжой.

Автобиография Тимура

В моем войске не было ни одного богадура с пустыми руками; мы захватили очень много пленников, коней, оружия и имущества. Я приказал привести к себе всех пленников, чтобы переговорить с каждым из них сообразно с его положением. Я принес Аллаху благодарность за победу, мне посланную, и перешел с войсками и добычей в местность Кар, где и остановился. Я разрешил своим воинам праздновать победу: пировать и веселиться.

[Тимур беседует с пленными амирами Ильяс-Ходжи и великодушно отпускает их на свободу]

Через день по приезде в Кар я велел привести к себе взятых в плен амиров Ильяс-Ходжи.

Прежде всего я обратился к Мир-Кичик-бегу, похвалил его за верность своему хану и старался всякими посулами склонить к переходу на мою сторону; он не согласился подчиниться мне. Такую же похвалу я воздал амиру Хамиду; затем я выразил свое удивление подвигу Искандера-Углана, что он пожертвовал собой из-за Ильяс-Ходжи.

Я стал спрашивать пленных амиров, как они объясняют мои победы над их более сильным войском. Они отвечали: слава о моей непобедимости внушает такой неотразимый страх воинам моих врагов, что каждый мой удар по силе действия равняется тысяче обыкновенных ударов.

— Какой же казни я должен подвергнуть вас? — спросил я пленных амиров.

Тамерлан

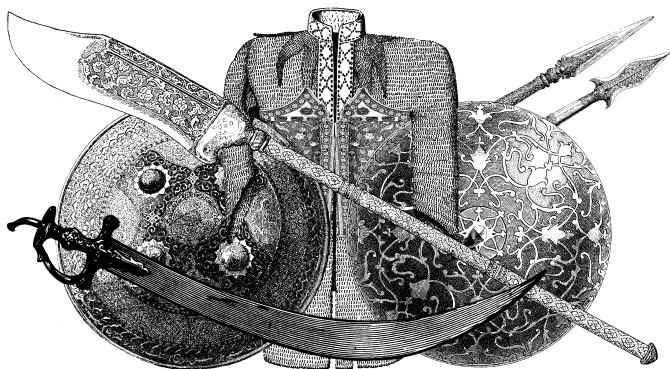
— Конечно, мы заслужили казнь, но в стране Джете найдется немало людей, которые своим долгом сочтут отомстить за своих родичей²¹³; если ты отпустишь пленников, слава о твоём великодушии привлечет к тебе многих: они подчинятся тебе только за то, что ты так милостиво относишься к пленникам; ты сам знаешь, что лучше: мстить или прощать, — говорили мне пленники.

Я снова попробовал заманчивыми посулами склонить их к переходу на мою сторону; они так и не согласились; я убедился в их непоколебимости, преданности своему повелителю. Я дал щедрые подарки, освободил их и других пленников и отправил всех к Ильяс-Ходже.

[Тимур захватывает Самарканд]

Вскоре я получил весть, что Ильяс-Ходжа пришел на берег Сайхуна у Ходжента. Я немедленно двинулся туда с воинами, но не нашел там Ильяс-Ходжи. Амира Сайф-эд-дина Никудерийского и амира Джагуй-Барласа я послал овладеть Самаркандом, а сам стал охотиться и постепенно тоже приблизился к Самарканду. Множество моих родичей и вассалов вышли мне навстречу со словами: «Истинное дело совершилось».

Я остановился в Самарканде и разослал собирать оставших по дороге воинов.

Мне исполнилось тридцать семь лет

**[Амир Хусайн чинит козни Тимуру, делает ханом
Мавераннахра Кабуль-шаха]**

Племена Джете сами по себе, без всякого моего подстрекательства, начали враждовать между собой и возмутились против своего хана. Я желал быть единовластным правителем и решил вмешаться в дела Джете.

Но в это же время я получил нехорошие вести: амир Хусайн тайно действует во вред мне, сговаривается с главами племени Тумны насчет того, что ханом следует сделать не меня, а Кара-Джой-Джагатай-хана. Я написал письмо амиру Хусайну, что, по моему мнению, достоинство хана может полу-

Тамерлан

чить только тот, кто много и счастливо воевал и кто уничтожил врагов Мавераннахра. Амир Хусайн не обратил никакого внимания на мое письмо, а по сговору с главами племени Тумны отыскал внука Джагатай-хана, Кабуль-шаха, который жил в полной бедности, и сделал его ханом. Я пришел в Кешь и оставался там.

[Амир Хусайн испытывает страх перед нашествием войск Джете и унижается перед Тимуром]

Когда наступила весна, распространились упорные слухи, что мятежники Джете с большим количеством воинов собираются напасть на Мавераннахр. Амир Хусайн в страхе поспешил собрать на совет преданных ему амиров; они порешили: воевать с воинами Джете без моего участия — немыслимая вещь. Находясь в безвыходном положении, они обратились ко мне с просьбой.

Амир Хусайн писал, что он — мой верный друг, но свою дружбу он докажет потом; он не будет больше поступать, как раньше, — уверять в своей преданности, писать об этом; он догадывается о моем к нему расположении по расположению, которое сам чувствует ко мне.

О просьбе амира Хусайна узнал и воспитатель Кабуль-шаха. Он сейчас же умертвил Кабуль-шаха, поспешил прийти ко мне и предложил принять его на службу. Я пришел к выводу: только очень дурной человек мог решиться убить сво-

Автобиография Тимура

его повелителя, такого человека следует за гнусное злодеяние наказать самым достойным образом.

Я отослал его к родственникам убитого Кабуль-шаха, чтобы они отомстили злодею так, как он этого заслуживает.

[Тимур собирается идти войной на Джете. Рекогносцировка. Диспозиция войск Тимура]

Потом я собрал много воинов, сообщил амиру Хусайну, что собираюсь идти войной на Джете, и отправился защищать пути через Сайхун.

Всего у меня набралось до семи тысяч воинов, которых я разделил на семь частей. Я послал гонца к амиру Хусайну; он скоро присоединился ко мне и расположился со своими воинами вблизи моего лагеря. Я разослал лазутчиков разведать о положении дел в войске Ильяс-Ходжи. Шпионы донесли мне: Ильяс-Ходжа со всеми своими воинами остановился в местности Бад. Правым и левым флангами его воинов командуют Сангин-богадур и Хаджи-бег; сам Ильяс-Ходжа с избранными богадурами занимает центр.

Ильяс-Ходжа на разведку выслал вперед Кипчак-богадура. Я в свою очередь выслал на разведку Аль-Джой-Ту, султана Толканского, Шир-Баграма, Пулад-Бутаира, амира Пархат, и Малик-богадура под общим командованием Кутлуш-Саланджи-Арлада. Начальниками своих флангов²¹⁴ я назначил Саз-Буга и Тимур-Ходжу, а сам с избранными богадурами занял центр. Амир Хусайн перешел реку. Я высказал

Тамерлан

мнение, что нам обоим следует с двух сторон одновременно напасть на войско Ильяс-Ходжи; амир Хусайн не согласился со мной: по его мнению, нам совсем не следовало делить своих сил пополам; убедить его не было никакой возможности: волей-неволей мне пришлось подчиниться ему.

[Удачный бой Тимура с войсками Ильяс-Ходжи расстроен амиром Хусайном]

Вскоре перед нами появились воины Ильяс-Ходжи. Я смутился, когда увидел значительное превосходство неприятельских сил над моими; по своему обычаю, я загадал по Корану; мне открылся аят:

«Аллах уже помогал вам во многих битвах» (*Коран, IX сура, 25 аят*).

Прочитав этот аят, я получил уверенность в успехе. В это время передовые отряды с обеих сторон вступили в бой. Со стороны неприятеля Хаджи-бег смял воинов Саланджи-богадур и бросился на отряд амира Хусайна; с первого же натиска воины амира Хусайна поддались и разбежались в разные стороны. Я молил Аллаха послать побольше твердости в бою остальным моим амирам и богадурам.

В это время амир Шамс-эд-дин со своим отрядом тоже направился в сторону отряда амира Хусайна. Я со своими богадурами напал неожиданно на амира Шамс-эд-дина²¹⁵, смял его и прогнал к отряду Ильяс-Ходжи. Удар был настолько силен, что произвел панику среди воинов Ильяс-Ходжи.

Автобиография Тимура

Амиру Хусайну я послал приказание, чтобы он поскорее двигался на соединение со мной: неприятель напуган, следует теперь же напасть на него; легче победить и обратить в бегство неприятеля, который приведен уже в расстройство. Амир Хусайн без всякой причины не исполнил моего распоряжения и не пришел, хотя я не менее десяти раз посылал к нему гонцов. Стало ясно, что амир Хусайн изменяет мне; тогда я отступил и остановился; воины неприятеля были крайне измучены и тоже отступили. Всю эту ночь я ни на минуту не слезал с коня. Амир Хусайн присоединился ко мне, когда удобность в нем миновала, когда удобный момент был уже упущен. Мы поставили с четырех сторон сторожевые посты и под их прикрытием спокойно провели ночь.

[Ядачи. Воины Ильяс-Ходжи не выдерживают натиска Тимура]

Настало утро. После заклинаний ядачи²¹⁶, который был у неприятеля, пошел сильный дождь, он сильно затруднял нам движение. Несмотря на дождь, я приказал трубить в трубы и со своими богадурами начал бой. Вскоре нам удалось поймать ядачи, который накликал дождь, и убить его; дождь сейчас же перестал. Я с такой стремительностью и силой бросился со своими воинами на неприятеля, что он не в силах был выдерживать натиска: воины Ильяс-Ходжи разбежались в разные стороны. Мои воины их преследовали, я с двумя тысячами всадников остановился на месте и приказал играть музыкантам.

Тамерлан

[Амир Шамс-эд-дин наносит поражение войнам Тимура. Рассуждение Тимура о вреде двоевластия на поле битвы]

Вдруг совершенно неожиданно на нас напал с несметными полчищами воинов амир Шамс-эд-дин, глава амиров. Я тотчас же послал ему навстречу тысячу всадников. Бой продолжался целый день без перерыва до наступления темноты. Посланная мною тысяча всадников погибла вся целиком от бесчисленных врагов. Я получил весть о гибели отряда и понял, что больше продолжать бой невозможно; в эту же ночь я отступил по направлению к городу Кешь. Вот какая неудача постигла нас только потому, что амир Хусайн упрямо не захотел последовать моему совету — напасть на Ильяс-Ходжу сразу с обеих сторон! Как ясно, что двоевластие во время боя всегда пагубно отражается на исходе сражения. Так подтвердилась поговорка, что «две головы рогатых баранов нельзя сварить в одном котле»!

[Амиры Тимура терпят поражение от Кепек-Тимур-богадура, главы амиров Джете]

Амир Хусайн перешел Джайхун и со своими родичами, а также с близкими амирами остановился на берегу реки, рассчитывая бежать в Индустан, если воины Ильяс-Ходжи двинутся в его сторону. Амир Хусайн приглашал и меня последовать его примеру, но я наотрез отказался: я рассчитывал набрать сначала побольше воинов и потом уже с большим успехом произвести нападение на воинов Ильяс-Ходжи.

Автобиография Тимура

Вскоре я собрал два отряда. До меня дошли вести, что амиры Джете пришли с большим числом воинов и расположились в горах Самарканда. Я отделил тогда три отряда под началом Тимур-Ходжи-Улана, Аббас-богадура и Чадырджи-богадура и приказал им напасть внезапно на воинов Джете. За первыми тремя отрядами я отправил еще два под началом Дауд-Ходжи и Хинду-шаха; два отряда должны были составлять резерв для передовых отрядов. Задние отряды скоро догнали передовые, но те своей трусостью нагнали страх, уничтожили всякую уверенность в победе и в двух задних отрядах: Дауд-Ходжа и Хинду-шах с позором повернули обратно.

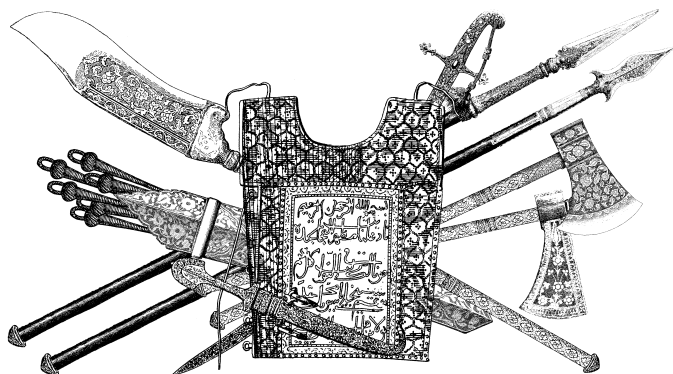
Скоро я получил весть об их неудачах. Бежавшие амиры были очень смущены своим поражением. На пути они встретили только Кепек-Тимур-богадура, главу амиров Джете, бились с ним, потерпели неудачу, бежали и по одиночке вернулись ко мне. Я собрал рассеявшихся воинов, двинулся в сторону Балха и остановился на берегу реки Джайхун. В этом месте ко мне присоединилось много богадуров: Кепек-хан, Туман и Ильчи-Бугай-Сальдур с большим количеством воинов пришли ко мне.

[Самарканд терпит бедствия от войск Джете, жестоких холодов и моровой язвы]

К нам пришла весть, что войска Джете взяли и разграбили несколько городов. Встревоженный этим, я переправился через реку Джайхун. В это время я получил известие из Самарканда, что туда тоже явились враги. В Самарканде не было

Тамерлан

крепости; жители перегородили улицы и, укрепившись таким образом, ждали, что я с моими воинами приду к ним на выручку. Я немедленно двинулся к Самарканду с тысячью всадников. По дороге до нас дошли еще более печальные вести: неприятель со всех сторон обложил Самарканд; там стоял жестокий холод и свирепствовала моровая язва. Я двинулся быстрее и нашел жителей Самарканда в самом ужасном состоянии. Я не стал сам много заниматься Самаркандом, а оставил там для боев с войсками Джете амира Джагуй-Барласа, амира Сайф-эд-дина Никудерийского, Ак-Буга, Ильчи-Бугай-Сальдура, а сам отправился в сторону Баклана. Туда ко мне явился и амир Хусайн. Из Баклана я перешел в Карши, чтобы там провести зиму. Я решил дать отдых всем своим воинам: распустил их по домам и приказал вновь собраться ко мне на будущую весну к празднику Науруз²¹⁷.

Мне исполнилось тридцать восемь лет

Город Карши носил также название Кепек-хан-магмурассы²¹⁸; я распорядился построить вокруг города стену и укрепить ее; построил внутри города много красивых зданий²¹⁹. Наступила весна. Я собрал своих воинов и, посоветовавшись с амиром Хусайном, направился к Самарканду. Вблизи Самарканда мы разбили палатки и расположились большим станом.

[Жадность амира Хусайна]

Амир Хусайн был вместе со мной, но втайне он завидовал моим успехам в боях; поэтому, когда я собирался идти

Тамерлан

на Самарканд, амир Хусайн вдруг стал взыскивать с моих амиров все, что они истратили, хотя всю дань амиры тратили на воинов. Этот поступок амира Хусайна так возмутил меня, что в припадке гнева я хотел убить его; но в это время мне пришел на память аят из Корана:

«Старайтесь заслужить прощение Аллаха и обладание раем, обширным, как небеса, и назначенным тем, которые боятся Аллаха, тем, которые дают милостыню как при достатке, так и при нужде, которые умеют укрощать гнев свой и которые прощают людям, их оскорбляющим» (*Коран, 111 сура, аят 127 и 128*).

И я отказался от своего злого умысла.

Я послал письмо амиру Хусайну, высказал, что не нахожу ничего предосудительного в том, что он добивается получения своей доли добычи, и послал ему верблюдов и коней. Моя жена, сестра амира Хусайна, Аль-Джой Туркан-ага, послала брату в подарок много скота, имущества и драгоценностей; амир Хусайн все это взял с жадностью. Я послал ему много денег, он тоже все их взял, не зная предела своим желаниям; он оставался все время недоволен тем, что имеет. Мои амиры ненавидели амира Хусайна за такую жадность и скупость.

Когда войска Джете нападали на города Мавераннахра, амиры истратили много денег, чтобы привести в порядок крепости перед приходом врагов. Амир Хусайн из скупости несправедливо обвинил некоторых амиров в излишних тратах; они доказывали свою правоту, ссылаясь на мой приказ о постройке крепостей. Во время борьбы с воинами Джете амир

Автобиография Тимура

Хусайн из корысти притеснял многих жителей Самарканда. Поступки амира Хусайна вызывали страшное негодование жителей Самарканда; жители старались всячески настроить меня против амира Хусайна, я же всеми силами старался не нарушать правил дружбы по отношению к родичам.

[Тимур пытается всеми средствами доказать свою приязнь к амиру Хусайну и убедиться в его расположении к нему]

В то же время враги амира Хусайна настроили против него некоторых его богадуров и направили их ко мне. Я несколько раз приказывал им возвратиться к амиру Хусайну и повиноваться ему, но они меня не послушались. Я написал амиру Хусайну и просил его простить этих изменников и взять их к себе; амир Хусайн на мое предложение не согласился.

Амир Муса и Али-Дервиш-Джалаир, зять, но враг амира Хусайна, всячески старались утвердить во мне вражду к нему: они написали письмо, что намереваются убить амира Хусайна. Мои враги, желая повредить мне, написали амиру Хусайну подложное письмо от имени моей жены, где сообщалось, будто я замышляю убить амира Хусайна.

Он прислал мне это письмо, но я сейчас же дал ему знать, что это письмо подложно. Я желал еще убедительнее доказать амиру Хусайну, что не питаю к нему зла, и послал к нему амира Мусу и Али-Дервиш-Джалаира, но они по дороге бежали в сторону Ходжента.

Тамерлан

Бегство двух амиров, кажется, должно было окончательно убедить амира Хусайна в подложности письма, будто бы посланного ему моей женой, но амир Хусайн не придавал ровно никакого значения и этому доводу; я все более и более убеждался, что он настроен против меня и желает мне только зла.

[Силлогизмы Шир-Баграма]²²⁰

Я продолжал все-таки по-дружески относиться к амиру Хусайну; однако я спросил однажды амира Шир-Баграма, что он думает об отношении ко мне амира Хусайна. Тот откровенно отвечал: для него не подлежит никакому сомнению — амир Хусайн из зависти желает мне зла. Я просил Шир-Баграма привести мне доказательства в пользу его мнения.

Удостовериться в искренности амира Хусайна, ответил Шир-Баграм, очень легко.

Если амир Хусайн расположен ко мне, он должен милостиво отнестись и к тому, кто служит у меня; нужно написать амиру Хусайну просьбу о прощении всех, кто раньше служил амиру Хусайну, а теперь служит мне; если амир милостиво отнесется к просьбе о прощении, значит, и ко мне он дружелюбно расположен; если, наоборот, он не помилует тех, кто обращался к нему с просьбой, значит, он и мне желает зла.

Сказано — сделано: сам Шир-Баграм и некоторые другие амиры написали просьбу о прощении и послали ее амиру Хусайну. Тот разорвал просьбу и сказал, что он не только никогда не согласится простить изменников, но и от души рад был бы их истребить.

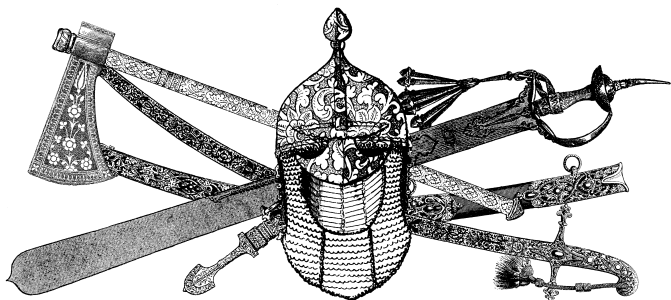
Автобиография Тимура

[Шир-Баграм изменяет Тимуру и переходит на сторону амира Хусайна]

Когда мне сообщили про эти слова амира Хусайна, я решил покончить с ним и тотчас же послал Шир-Баграма и Адиль-богадура в область Джилян, чтобы они собрали там и привели ко мне воинов. Шир-Баграм собрал много богадуров и укрепился в Сатруни и Каите²²¹. В это время амир Хусайн стал льстивыми посулами склонять Шир-Баграма изменить мне и вновь перейти на службу к нему. Амир Хусайн в конце концов добился своего. Когда я узнал об измене Шир-Баграма, я написал ему такое письмо:

«Презренный! Ты сам поссорил меня с амиром Хусайном, ты зажег огонь, от которого сам сгоришь и будешь растоптан».

Так в конце концов и случилось. После этого я послал к Ходженту Аббас-богадура и амира Джагуй-Барласа; они поняли, что ссора между мною и амиром Хусайном не может окончиться примирением, и решили остаться там; я об этом узнал.

Мне исполнилось тридцать девять лет

[«Перелеты» амиров от Тимура
к амиру Хусайну и обратно]²²²

Когда я двигался от Карши к Самарканду и сделал один переход, амир Сулейман и Чадырчи бежали от меня и присоединились к амиру Хусайну. Вскоре умер амир Хызр-Ясаури. Тогда Али-Дервиш-Джалаир, Ильяс-Ходжа, Махмуд-шах бежали от амира Хусайна и присоединились ко мне.

В то же время вернулись из Ходжента и тоже пришли ко мне амир Джагуй-Барлас, Аббас-богадур и Баграм-Джалаир.

Я прибыл в Самарканд. Жители очень просили меня назначить им правителя, какого я только пожелаю. Я назначил Кара-Хинду. Когда я ушел из Самарканда, я узнал, что пра-

Автобиография Тимура

витель, которого я назначил, — индус душой, — изменил мне и перешел на сторону амира Хусайна!

[Смерть жены Тимура, Аль-Джой Туркан-ага]

В это время я был сильно потрясен печальным известием: моя жена Аль-Джой Туркан-ага, сестра амира Хусайна, скончалась. Я вспомнил тогда аят Корана:

«Те, которых коснется беда, восклицают: «Мы во власти Аллаха и к нему возвратимся!» (Коран, II сура, 151 аят).

Амир Хусайн, услышав о смерти своей сестры, тоже был очень огорчен. Со смертью моей жены прекратилось и наше родство с амиром Хусайном: между нами не осталось ничего, кроме вражды и ненависти.

[Тимур готовится к борьбе с амиром Хусайном]

После совещания со своими амирами я стал собирать воинов, чтобы напасть на амира Хусайна. Я молил Аллаха словами:

«Он — лучший из защитников, и на него можно полагаться».

Я вышел из Карши и прежде всего послал амира Сайф-эд-дина Никудерийского с отрядом воинов вперед, в Джехань, чтобы разведать о намерениях амира Хусайна.

Вскоре я получил весть от амира Сайф-эд-дина: мой враг тайне собирал воинов для борьбы со мной, действуя с большою хитростью; амир Сайф-эд-дин настойчиво советовал мне быть осторожным и бдительным.

Тамерлан

Я двинулся в город Кахлака; в это время пришло письмо от амира Хусайна; он настойчиво желал заключить со мной самый тесный союз, и не на словах только, а «вполне искренно». Амиры Ясура очень опасались амира Хусайна; они узнали про письмо, решили, что мы скоро помиримся, и задумали бежать. Я прослышал про их намерение и на глазах у них разорвал письмо амира Хусайна; мои амиры убедились, что отныне один только меч может решить наше дело; мой поступок, как мне сказали после, очень понравился всем.

Амир Хусайн узнал, что я не собираюсь с ним мириться, и отступил.

Я вернулся в Карши.

[Амир Хусайн ложной клятвой на Коране пытается захватить в плен Тимура]

Через несколько дней амир Хусайн выслал вперед Шир-Баграма, а потом двинулся сам; у него было хитрое намерение; он пришел в Учъ-Ганы и сделал остановку; я находился в Хырасе. В это время ко мне явился казначей амира Хызра и принес Коран; на этом Коране, по его словам, амир Хусайн дал клятву никогда не враждовать со мною; если он позволит себе хоть что-либо сделать во вред мне, тогда он будет моим пленником. Посол добавил, что амир Хусайн очень желает для большей убедительности повторить свою клятву в моем присутствии; он просит меня повидаться с ним в долине, которая принадлежала Мир-Кичик-бегу.

Автобиография Тимура

В долине, где предполагалась наша встреча, амир Хусайн позаботился приготовить засаду для меня — два отряда воинов, чтобы захватить меня в плен, если я туда приду. Я догадался, что и клятва, и приглашение — не больше как хитрость со стороны моего врага; чтобы не восторжествовало коварство амира Хусайна, я в свою очередь тоже расставил в разных местах степи отряды своих богадуров.

Между тем от амира Хусайна пришло известие, что он направляется в долину без войска, в сопровождении лишь самых приближенных к нему ста богадуров; он меня просит довериться ему и так же, как и он, идти в долину без воинов.

Посреди долины, писал мне амир Хусайн, есть хорошее место; там мы встретимся. Я чуял хитрость амира Хусайна и вступил в долину с тремястами всадников, а амир Хусайн взял с собою до тысячи всадников. Я издали заметил амира Хусайна, который двигался мне навстречу, и остановился. Тайно поставленные Хусайном амиры и отряды воинов напали на меня; скрытые для моей защиты воины бросились тогда с двух сторон и вступили в бой с врагами. Удар моих богадуров был настолько силен, что воины амира Хусайна не выдержали даже первого натиска и в страхе обратились в бегство. Мои богадуры с яростью преследовали воинов амира Хусайна и многих перебили и ранили. Беглецы направились к знамени своего повелителя; тот был совершенно уверен, что я буду взят в плен его войсками, и спокойно поджидал, когда меня, связанного, приведут к нему. Велико было изумление амира Хусайна, когда он увидел, что его воины

Тамерлан

со всех сторон бегут; только теперь он понял, что его замысел против меня потерпел полную неудачу.

Гнев его обрушился на Шир-Баграма!

[Амиры Тимура дают торжественную клятву никогда не изменять ему]

Таким образом я остался победителем, вернулся в Карши и, довольный успехом, там отдыхал. Но и в Карши я не терял своего врага из виду; прилагал все усилия, чтобы получать точные вести о том, что делает амир Хусайн. Я собрал всех своих амиров и сказал им торжественное слово:

— Кто из вас будет служить мне верой и правдой, пусть будет уверен, что я буду обращаться с ним, как с братом; я всегда делил поровну между вами всю добычу; так же буду поступать и вперед. Кто из вас не чувствует доверия и преданности ко мне, пусть лучше немедленно покинет меня.

Все амиры уверяли меня в своей преданности, поклялись мне в верности, и каждый собственной рукой подписал следующее: «Мы дали великое обещание никогда не покидать амира Тимура. Аллах — наш свидетель; если мы изменим своему слову, пусть Аллах жестоко покарает нас за это».

Таким образом я убедился в преданности моего войска.

Я двинулся в Бакан, чтобы подчинить себе племя санджар. До меня дошли вести, что амир Хусайн послал около двенадцати тысяч всадников, под предводительством амира Мусы и амира Малик-богадура, для захвата города Карши и для преследования меня. Я не знал, что и предпринять, подкрепил

Автобиография Тимура

обещанием наград бодрость духа моих воинов и продолжал двигаться к санджарам; этому племени я наперед дал знать, что иду к ним. Санджары раньше получили от меня много милостей, а потому из благодарности поспешили выслать мне навстречу отряд в тысячу всадников и богатые подарки; некоторых из моих амиров они пригласили в свою столицу и угостили.

На некоторых своих амиров я все-таки не мог вполне положиться, не чувствовал полной уверенности в их преданности. Когда весть о моем недоверии, — я его не слишком скрывал, — дошла до этих амиров, они пришли ко мне с Кораном и с мечами²²³ и сказали:

— Если ты веришь в нашу клятву, то вот — Коран; если же ты хочешь убить нас, то вот — меч.

Я принял их очень милостиво и убедился в их преданности. Это были: амир Джагуй-Барлас, Абгу-Тимур, амир Сары-Бугай, амир Баграм-Джалаир, амир Муайяд-Барлас, амир Сайф-эд-дин Никудерийский, амир Аббас, Хасан-богадур, Ак-Буг, амир Муайяд-Арлад, Ак-Тимур-богадур, амир Ильчи-Бугай-Сальдур, Кипчак-богадур, Махмуд-шах-Бухари.

Так все они еще раз убедили меня в своей верности, и я спокойно двинулся к санджарам.

[Воины амира Хусайна занимают Карши. Тимур хитрит, чтобы отвоевать Карши и достойно наказать амира Хусайна]

Я сделал уже четыре дневных перехода, когда военачальник амира Хусайна, Хинду-шах, занял Карши и дал об этом

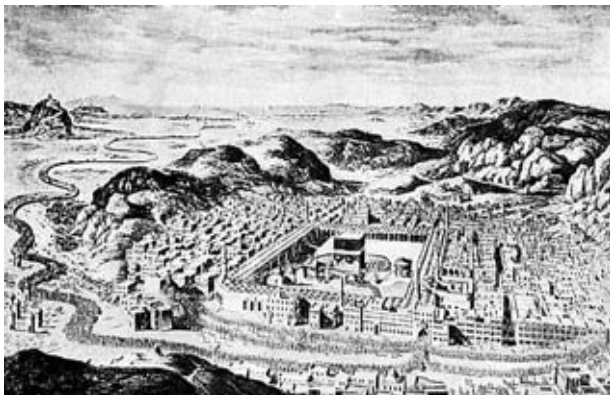
Тамерлан

знать амиру Хусайну. Эта весть возмутила меня до глубины души. Я решил покончить со злодеем и распустил слухи, будто отправляюсь в Хорасан; на самом же деле я отправил к санджарам те войска, которые считал худшими, а сам с отборными богадурами двинулся в другую сторону и остановился у колодца Исаака²²⁴; там пробыл некоторое время. Воины, отставшие по дороге, успели к нам присоединиться. Оттуда я отправился в Бахан, чтобы обмануть врагов. Я ненадолго остановился на берегу Джайхуна, а затем перешел реку. Когда весть о моей переправе через Джайхун дошла до Карши, то и воины и амиры Муса и Хинду-шах успокоились. Я пробыл там два дня, пока все мои воины не перебрались через реку.

Отсюда я послал грамоты в Герат и Мухаммед-бегу Джаны-Курбаны. Одного надежного богадура я выслал в Хорасан — успокоить его жителей, а сам степной дорогой пришел в Шураб, где и остановился на два месяца; там я занялся охотой. В Герат и Мухаммед-бегу Джаны-Курбаны я послал богатые подарки. Вскоре я получил оттуда ответные грамоты с выражением безусловной преданности мне; вместе с грамотами мне было прислано очень много подарков; все эти дары я поделил между своими воинами.

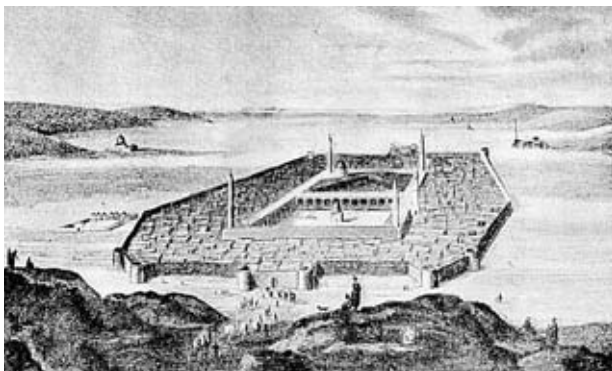
[Караван из Хорасана в Карши]²²⁵

В это время мимо нас из Хорасана в Карши проходил большой караван. Когда караван приблизился к моему отряду, то начальник каравана, опасаясь с нашей стороны грабежей и насилия, явился ко мне с богатыми дарами. Я стал расспра-

Вид Мекки.

Ohsson. Tableau General de l'Empire Ottoman. Paris, 1790

Вид Медины.

Ohsson. Tableau General de l'Empire Ottoman. Paris, 1790

Тамерлан

шивать его о Хорасане и узнал от него, что население, услышав о том, что я тудадвигаюсь, было очень радо и возносило благодарность Аллаху. Начальник каравана просил меня дать ему провожатого и таким образом оградить караван от нападения моих воинов. Я отдал приказание, и караван благополучно проследовал в Карши. Амир Муса и амир Хиндушах расспросили начальника каравана, что я делаю, и решились идти вдогонку за мной на Хорасан.

[Тимур в сопровождении трехсот сорока избранных богадуров выступает, чтобы отнять Карши у амира Хусайна]

В Карши амир Муса оставил своего сына, а сам с семью тысячами воинов дошел до местности Ниммург, где и остановился. Отсюда амир Муса написал письмо амиру Хусайну с просьбой о подкреплении. Амир Хусайн выслал отряд в пять тысяч воинов; они, нисколько меня не опасаясь, расположились в местности Рашун и пировали там, не принимая даже необходимых мер предосторожности. Я разведал про это и решил врасплох напасть на них; для этого дела я отобрал триста сорок богадуров, лично мне известных своей храбростью.

Перед выступлением я, как всегда, загадал по Корану, и мне открылся аят:

«В этот день верующие возрадуются победе, одержанной с помощью Аллаха; он помогает, кому хочет, он — могуч, милосерден» (*Коран, XXX сура, 3 и 4 аят*).

Автобиография Тимура

С этими тремястами сорока богадурами я собрался в поход. Когда я вышел из своей палатки, мои амиры восторженно меня приветствовали. В числе амиров, отобранных мною, были: амир Муайяд-Арлад, амир Дауд-Барлас, амир Джагуй-Барлас, женатые на моих сестрах, Суюр-Гитмишь-Углан, амир Сары-Бугай, Хасан-богадур, амир Сайф-эд-дин Никудерийский, Аббас-богадур Кипчакский, Ак-Тимур-богадур, Махмуд-шах-Бухари.

Прежде всего ко мне обратился с приветствием амир Муайяд-Арлад, и я принял это за предзнаменование помощи Аллаха²²⁶. Потом высказал свое приветствие Тугуль-богадур, и я возложил свои упования на милость Аллаха²²⁷. В это же время я загадал по Корану, и мне открылся аят:

«Аллах поможет тому, кто полагает на него упование; Аллах ведет свои определения к доброму концу» (*Коран, XV сура, 3 аят*).

Когда я прочитал эти слова, я ободрился в душе и почувствовал в себе уверенность в том, что задуманное мною предприятие несомненно будет успешным. Я переправился через Джайхун и двинулся в местность Азсанат.

По дороге в Карши я поставил сторожевые отряды, загородил дорогу таким образом, чтобы никто не мог пройти незамеченным. Я сделал несколько переходов и приблизился к городу Саркенду. Амир Джагуй-Барлас пришел ко мне и сказал, что, по его мнению, следует здесь остановиться и подождать, пока соберутся отставшие по дороге воины. Я согласился и приостановил движение моего отряда.

Тамерлан

[Тимур в одиночку глубокой ночью производит разведку укреплений Карши]

Чтобы остановка не прошла даром, я приказал готовить крепкие штурмовые лестницы. Сам я, ничего не говоря войску, с сорока богадурами, тихо, пользуясь темнотою ночи, пробрался к крепости Карши. Ров оказался полон воды, но нам удалось найти крепкий мост для перехода через ров. Здесь я оставил сопровождавших меня богадуров, отдал своего коня моему верному конюху Абдулле, один пошел к крепостным воротам и постучал рукой; никто мне не отвечал. Я убедился, что все население и воины, защищавшие крепость, спят богатырским сном, даже сторож у крепостных ворот и тот уснул. Благодаря такой беспечности я имел полную возможность хорошо ознакомиться с расположением всех укреплений Карши, узнал все входы и выходы и определил места, где всего удобнее поставить штурмовые лестницы. Таким образом я разузнал все, что мне было нужно, сел на коня и вернулся в свой стан.

[Ночной совет амиров Тимура; похвала храбрости Тимура]

Я собрал всех амиров на совет и подробно объяснил им расположение крепости, которую нам предстояло штурмовать. Все амиры, когда узнали, что все сведения о крепости Карши добыты мною лично, что я ночью один ходил на разведку к крепости, удивлялись моей храбрости; некоторые из них даже осуждали меня за мое ночное предприятие, связанное с такою опасностью для жизни.

Автобиография Тимура

[Захват крепости Карши богадурами Тимура]

Я выделил из своего отряда сорок воинов для присмотра за конями, а сам, верхом на коне, с тремястами пеших храбрецов, вооруженных мечами и пращами, двинулся к Карши, соблюдая самую строгую тишину. Все мои богадуры перешли по крепостному мосту, быстро расставили штурмовые лестницы и по ним скоро проникли в крепость. К моему удивлению, никто в крепости не проснулся. Я послал нескольких богадуров занять крепостные ворота. Каждого из привратников, которые просыпались при приближении богадуров, они немедленно убивали, но все-таки крики стражей будили население крепости. Тогда я приказал затрубить во все трубы и бить во все барабаны; невероятный шум произвел на сонных жителей такое впечатление, как будто внезапно разразилось землетрясение; все пришли в неописуемый ужас, а воины, защищавшие крепость, попрятались в дрова и солому.

Начальник крепости Карши, сын амира Мусы, Мухаммед-бег, увидел, что перевес на нашей стороне, сошел с крыши внутрь дома и там заперся; мы подожгли этот дом; все выбегавшие оттуда были взяты в плен и доставлены ко мне. Наконец привели и Мухаммед-бега, сына амира Мусы: передо мной стоял очень молодой юноша, почти мальчик, я дивился его храбрости и обошелся с ним, как с родным сыном. Я пощадил все население Карши, а добычу разделил поровну между всеми своими богадурами.

Тамерлан

[Тимур располагает своих богадуров для обороны крепости Карши]

Я расположил своих богадуров по укреплениям крепости Карши; к воротам Хызар приставил амира Сары-Бугая, амира Сайф-эд-дина Никудерийского, Дауд-Барласа и Муайяд-Арлада; Сюр-Гитмишь-Углана, амира Аббаса, Хасан-богадура и Ак-Буга я поставил у других ворот по стенам крепости; остальных своих богадуров я расположил по крепостным башням.

[Амир Муса ведет осаду Карши; удалые подвиги амиров Тимура]

Я пожаловал своей милостью все семейство амира Мусы и отправил к нему всех членов его семьи, взятых в плен. Амир Муса, как только до него дошли вести о захвате мной крепости Карши, вместе с Малик-богадуром собрал до двенадцати тысяч храбрых всадников и двинулся по направлению к Карши, чтобы отобрать у нас крепость.

С двенадцатитысячным войском амир Муса осадил меня в Карши. Я вызвал амира Муайяд-Арлада с сорока всадниками и Ильчи-Бугай-Сальдура тоже с сорока всадниками и послал их вечером в субботу произвести нападение на амира Мусу. Они навели ужасную панику на воинов амира Мусы, будто волки напали на стадо баранов; из посланных мною богадуров некоторые, правда, были избиты и ранены, зато в неприятельском отряде они очень многих перебили, ранили, захватили многих пленников, которых и привели ко мне. В чис-

Автобиография Тимура

ле пленников оказался и Шадраван-богадур. Я решил оказать ему гостеприимство, принял его с почетом, устроил ему угощение; я предоставил на его усмотрение возвратиться к амиру Мусе или же остаться у меня. Шадраван-богадур пожелал остаться служить мне.

Через три дня я послал Ак-Тимура к амиру Мусе в Шадраван. Он храбро напал на воинов амира Мусы. Ему удалось отбить у врагов и привести ко мне до ста коней. Кенджебогадур с двумястами всадниками, заняв одни ворота, находился за стеной. Ильчи-Бугай-Сальдур и Ак-Тимур-богадур с шестьюдесятью всадниками перекинули через ров дощатый мост, вышли из крепости, перебили пращами и изрубили до тысячи двухсот неприятельских воинов.

[Подвиг Гази-Буган-богадура]

В это время на помощь неприятельскому отряду прибыл Тага-Бугай-богадур, а я со своей стороны выслал на помощь моим воинам Биргуджи-богадура. Оба отряда с такой стремительностью и отвагою бросились в бой, что все, видевшие сражение, не могли удержаться от удивления и одобрения.

Во время боя произошел замечательный случай: из рядов неприятеля вышел известный своей храбростью и непомерной силой узбек и замахнулся, собираясь ударить тяжелой палицей по голове Гази-Буган-богадура, но Гази-Буган-богадур сам схватил руки узбека вместе с палицей, заложил их ему за спину и в таком виде привел его в крепость, как птицу, которую держат за оба крыла. Все, кто видел этот поединок²²⁸,

Тамерлан

говорили, что Гази-Буган-богадур совершил подвиг, напоми-
навший подвиги древних богатырей Рустема²²⁹ и Исфенди-
ра²³⁰; все неприятельские воины пришли в испуг и укрылись
за ров, но и там их преследовали мои воины и выгнали их отту-
да. Амир Муса и Малик-богадур с испугу спрятались в садах.

Тугуль-богадур с двумястами всадниками напал на отряд
моих богадуrow и потеснил их. Я заметил, что мои богадуры
отступают, приказал трубить в трубы и сам бросился к ним
на помощь; увидев меня, оробевшие было богадуры снова всту-
пили в бой и перебили много врагов между стенами. На Иль-
чи-Буга и Тугуль-богадура мои воины бросились с мечами
через пролом в стене. Оба они со своими отрядами бежали.
Амир Баграм-Джалаир и Маджур Хорасанский кинулись
за ними в погоню; первый из них почему-то принял Маджура
Хорасанского за моего врага и убил его.

[Тимур отбивает от стен Карши амира Мусу]

Амир Муса, не зная, что предпринять, послал на ворота
Хызар отряд в пять тысяч воинов. Четыре тысячи воинов под
личным предводительством амира Мусы напали на меня;
я сначала мог противопоставить нападающим только до ста
всадников, но они не могли справиться с превосходящим не-
приятелем; чтобы помочь моим воинам, я сам открыл стрельбу.
Один из брошенных снарядов очень удачно попал в самого
амира Мусу; он так испугался, что сейчас же бежал в свою
страну с семитысячным отрядом.

Автобиография Тимура

Пять тысяч неприятельских воинов, которые под предводительством Малик-богадура бились у ворот Хызар с амиром Сайф-эд-дином Никудерийским и амиром Сары-Бугаем, после нескольких стремительных ударов моих богадуров тоже обратились в бегство; Малик-Бауд следовал за ними; спасшиеся бегством неприятельские воины присоединились к амиру Мусе. Они были до того перепуганы, что оставили в степи Арзу-Малик-агу, дочь Баязид-Джалаира, жену амира Мусы. Я обрадовал ее своею милостью и отослал к одному шейху. Мы преследовали неприятеля до Кызыл-тога.

[Тимур отправляет своих богадуров овладеть Бухарой]

Затем я собрал на совет всех амиров; с общего согласия решено было зимовать; это нашли выгодным и бухарские амиры; я возвратился в Кешь, потому что город был обильно снабжен съестными припасами и хорошо укреплен. В сторону Бухары я отправил отряд под предводительством Махмуд-шах-Бухари и приказал овладеть городом.

Войска амира Хусайна, бежавшие от Карши, слышали, что амир Хусайн их проклял, устыдились, выбрали своим предводителем амира Мусу и в количестве десяти тысяч человек под предводительством десяти амиров двинулись по направлению к Бухаре, чтобы захватить ее. Я послал против них правителя Герата, Малик-Хусайна, который знал мое великодушие.

Тимурлан

[Тимур отправляется в Мавераннахр]

Жители Мавераннахра настойчиво призывали меня к себе. Я внял этим просьбам и решил отправиться туда. Я оставил вместо себя при воинах моего старшего сына, Мухаммед-Джехангира, а аталыком²³¹ к нему назначил Мубарак-шаха. Я задал по Корану, и мне открылся аят:

«Кто уповает на Аллаха, тому он — довольство; Аллах совершит свое дело».

Я очень обрадовался этим словам. Я переправился через Джайхун и был в нерешительности, куда мне лучше направиться: в Самарканд или Бухару.

[Тимур отбивает от Карши воинов из отряда амира Мусы]

В это время ко мне пришла весть, что большое количество воинов из отряда амира Мусы сосредоточилось близ Карши; поэтому я туда и направился. Я быстро напал на врагов, обратил их в бегство, взял в плен амиров Кайсара и Урды-шаха и овладел богатой добычей, которую и разделил между своими воинами.

[Тимур ведет бой в степи Кузы с Хинду-шахом и амиром Сулейманом]

Прослышав про мою победу, Хинду-шах и амир Сулейман бежали с пятью тысячами всадников и собрались в зара-

Автобиография Тимура

нее намеченном месте, чтобы подготовиться к предстоящему бою с моими воинами. Я узнал об их приготовлениях и решил внезапно напасть на них. Я разделил всех своих воинов на семь частей. Шейх-Али-богадура и амира Джагуй-Барласа я выслал на разведку, начальниками отдельных частей моего отряда я назначил Дауд-Барласа, Сары-Джой-богадура, Хинду-шаха, Ильчи-богадура, Али-Ясаури и Махмуд-шаха. В это время ко мне пришло известие, что мои враги, собравшись вместе, сами решили напасть на меня. Я стал также собирать моих воинов и готовить их к бою в степи Кузы. Наконец мы издали увидели, что к нам приближаются неприятельские отряды.

Я заметил, что враги идут несколькими отрядами, и приказал вступить в бой моим передовым отрядам, которые находились на правом и левом флангах; на поддержку им я выслал еще много воинов. Бой был кровопролитный и продолжался с утра до вечера. Я сам с несколькими богадурами без страха ринулся в бой. С помощью Аллаха мне удалось рассеять моих врагов, как дым. Я взял много пленников и овладел большим количеством оружия. Я горячо благодарил Аллаха за дарованную мне победу. Мои воины преследовали беглецов и многих врагов захватили в плен.

[Пленник Тимура, Аль-Джой-Ту, султан Толканский]

Среди пленников оказался Аль-Джой-Ту, султан Толканский. Увидав меня, он сказал, что из благодарности он был

Тамерлан

предан амиру Хусайну и служил ему, а теперь он готов служить мне с такой же преданностью, если я того пожелаю.

— Если же ты не пожелаешь принять меня к себе на службу, — добавил он, — и находишь нужным казнить меня, то пусть так и будет.

Я поспешил ободрить Аль-Джой-Ту и хвалил его храбрость. Некоторые из моих амиров советовали мне убить Аль-Джой-Ту, но я не согласился, а напротив, обласкал его, назначил его начальником отдельного отряда, пожаловав ему грамоту. Он был в восторге от моего великодушия. Впоследствии Аль-Джой-Ту, султан Толканский, оказал мне столько важных услуг, что невозможно всех их перечислить.

Таким образом я прогнал воинов амира Хусайна.

[Чакыр-богадур занимает Самарканд; успешный бой Тимура с воинами Чакыр-богадура]

Чакыр-богадур занял Самарканд; чтобы задержать его там, я выступил по направлению к Самарканду. Я написал письмо Чакыр-богадuru, в котором приглашал его добровольно подчиниться мне. Я обещал ему в награду за преданность сделать его амиром, но Чакыр-богадур ответил мне, что он предан амиру Хусайну и безмерно благодарен ему за все его милости.

«Если я изменю амиру Хусайну, — писал Чакыр-богадур, — то кто же мне после этого поверит?»

Я не мог не похвалить такой преданности Чакыр-богадура своему повелителю.

Автобиография Тимура

Я подошел к Самарканду; оттуда вышел с воинами Чакыр-богадур и вступил в бой с моими отрядами. С первого же уда-
ра мне удалось обратить в бегство воинов неприятеля. Ак-
Тимур преследовал их до ворот города и даже отнял у
Чакыр-богадура его пояс²³².

[Амиры Кай-Хисрау-Джиляны и Баграм-Джалаир возвращаются служить к Тимуру]

После победы я оставался некоторое время на одном месте.
Мне сообщили, что богадуры, преданные амиру Хусайну, при-
шли из области Куш и заняли Мачук, а сам он движется
сзади. Я собрал на совет своих амиров и обсуждал с ними,
что делать дальше. Я перешел реку Джайхун и в четыре пе-
рехода достиг Ходжента.

Амир Хусайн особенно не любил двух своих амиров, и оба
они знали об этом. Это были Кай-Хисрау-Джиляны и Ба-
грам-Джалаир, которые раньше бежали от меня и стали слу-
жить амиру Хусайну. Оба они, зная нерасположение к ним
амира Хусайна, прислали мне письмо; они писали, что обра-
тились за помощью к хану Джете, получили от него семь ты-
сяч всадников и прибыли в Ташкент, чтобы служить мне, они
ждут меня в Ташкенте.

Я поспешил двинуться в Ташкент; Кай-Хисрау-Джиляны
устроил мне торжественную встречу и богатое угощение. Я про-
был в Ташкенте целый месяц. Амир Кай-Хисрау-Джиляны
был женат на дочери умершего хакана Джете, Туклук-Тимура;
у него была дочь, которую я сговорил за своего сына, Мухам-

Тамерлан

мед-Джехангира. Амиру Баграм-Джалаиру я предложил служить у меня.

[Тимур ведет успешный бой с воинами амира Хусайна в Джехан-шахе]

В это время до меня дошли вести, что амир Хусайн остановился в Гираке и Яйлаке. Мне сообщили, что амир Хусайн приказал двенадцати тысячам воинов напасть на меня. Я немедленно выслал вперед Малик-богадура с тремя тысячами всадников. Я прибыл с воинами в Джехан-шах и рассеял в разные стороны наступавших на меня воинов. В бою я захватил большую добычу и много оружия и разделил все между своими воинами. Кай-Хисрау-Джиляны вскоре тоже присоединился ко мне.

[«Могольское» знамя Тимура устрашает воинов Малик-богадура]

С общего совета мы остановились в местности Варак и оттуда тремя отрядами двинулись дальше. Чтобы навести страх на врага, мы распространили слух, что пришли моголы, и распустили могольское знамя²³³. Так мы догнали Малик-богадура. Увидя могольское знамя, войска Малик-богадура в страхе бежали и присоединились к амиру Хусайну. Я одержал таким образом полную победу и ушел в местность Рабат-Малик. Там амир Кай-Хисрау-Джиляны торжественно встретил меня и поздравил с победой.

Автобиография Тимура

[Неудачная попытка амира Хусайна встретиться с Тимуром]

Мы расположились на отдых и хотели отпраздновать как следует наши победы над воинами амира Хусайна, но вскоре пришла весть, что, по слухам, амир Хусайн устыдился своей вражды ко мне и приближается ко мне. Я тоже двинулся к нему в местность Барсын. Стоял сильный холод, и выпало очень много снега; я узнал, что амир Хусайн возвратился назад, повернул поэтому и я и провел зиму в Ташкенте.

[Муллы Ташкента, Андиджана и Ходжента пытаются примирить амира Хусайна с Тимуром]

Наступило лето. Я собрал на совет своих амиров и решил послать хану Джете богатые подарки и просить у него помощи. Хан прислал мне в помощь десять тысяч всадников.

Амир Хусайн узнал, что ко мне прибыла большая помощь от хана Джете. Он написал мне письмо, снова клялся Кораном, что никогда ничего не предпримет против меня, и просил меня помириться с ним. Муллы из Ташкента, Андиджана и Ходжента принесли ко мне и Коран²³⁴, на котором амир Хусайн клялся искренне примириться со мной. Муллы, со своей стороны, просили меня не отвергать настойчивой просьбы амира Хусайна и помириться с ним. Я подробно рассказал муллам все, что раньше было между мною и амиром Хусайном; я передал, что амир Хусайн один раз изменил уже клятве, которую он дал на Коране. Тогда муллы дали мне совет: не решать

Тамерлан

пока вопроса о примирении, позволить им самим погадать по Корану и поступать так, как откроется. Из гадания вышло, что мне следует примириться с амиром Хусайном. Я дал тогда свое согласие на примирение и со всеми амирами двинулся по направлению к Самарканду, чтобы увидиться там с амиром Хусайном.

[Тимур ведет переговоры с амиром Хусайном о примирении]

Чтобы убедиться, насколько искренне желает мир Хусайн примириться со мною, я послал к нему амира Мусу, а сам отправился в крепость Шадман. Турак-шах явился ко мне и передал, что амир Хусайн очень доволен, что я ушел в Шадман, и снова передал мне от имени амира Хусайна просьбу примириться с ним. Я ответил, что я уже послал Аббас-богадура, и просил передать от меня амиру Хусайну, что я убедительно прошу его вместе с Аббас-богадуром прийти к священному мазару Али-ата. Я со своей стороны обещал прийти туда же и там торжественно примириться с амиром Хусайном.

[Тимур совершает торжественное примирение с амиром Хусайном на священном мазаре Али-ата]

Амир Муса и Аль-Джой-Ту, султан Толканский, пришли к амиру Хусайну, передали ему мое приглашение и привели

Автобиография Тимура

амира Хусайна в сопровождении сотни всадников к священному мазару Али-ата. Я подъехал к мазару с пятьюдесятью всадниками, и мы встретились с амиром Хусайном.

Амир Хусайн обратился ко мне и сказал:

— Забудем старую вражду.

— Пусть не будет впредь таких отношений между нами, какие были раньше, — ответил я амиру Хусайну.

После этого я дал торжественное обещание, что не преступлю впредь нашего мирного договора до тех пор, пока амир Хусайн не изменит своей клятве, данной на Коране. То же самое обещал в точности исполнить по отношению ко мне и амир Хусайн.

[Тимур оказывает помощь амиру Хусайну против бунтовщиков]

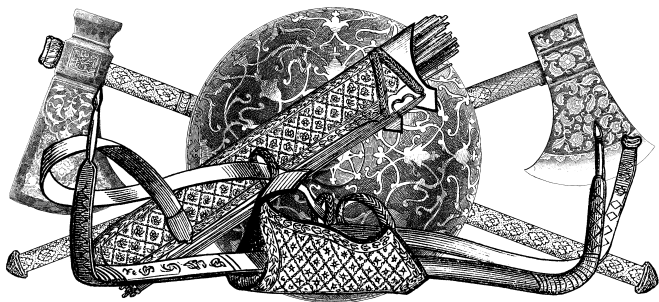
После торжественного примирения мы оба сели на коней и разъехались в разные стороны: амир Хусайн отправился в Сали-сарай, а я прибыл в Кешь и там предался отдыху. Своему старшему сыну, Мухаммед-Джехангиру, я написал письмо, чтобы он из Мерва явился ко мне с воинами и оружием.

В это время я получил письмо от амира Хусайна; он сообщал, что амиры Бадакшана возмутились против него и что он отправился их умирять. Я ответил амиру Хусайну, что желаю ему счастливого пути.

Когда я расположился на отдых вокруг Кеша, ко мне пришла весть, что Малик-Хусайн, правитель Герата, грабит жи-

Тамерлан

телей во владениях амира Хусайна. Я сейчас же двинулся туда с воинами, перешел реку Термез, отнял у Малик-Хусайна все награбленное им добро и возвратил его людям, подвластным амиру Хусайну. Сам же я, чтобы помочь амиру Хусайну, отправился к столице Бадакшана...

Примечания к «Автобиографии Тимура»

¹ *Строение «Автобиографии Тимура».* — По своему строению «Автобиография» распадается на две части. Первая — меньшая по размерам — служит как бы *введением* к настоящей «Автобиографии». В самом начале дан обширный трактат об идеальном правителе народа (двенадцать моральных принципов Тимура); потом следуют размышления о природе власти правителя; остальной текст первой части содержит описание блестящего спектра магических дветов, осеняющих голову Тимура как идеального правителя, как человека, которому удивительными судьбами вручена непонятная власть над миром и бесчисленным множеством людей.

Вторая часть — собственно автобиография, погодный рассказ (по возрастным датам героя, начиная с семилетнего возраста и до тридцати девяти лет, где обрывается наша рукопись и наш рассказ) о событиях реальной жизни Тимура.

Здесь можно уловить такие группы важнейших событий:

- 1) Тимур получает образование.
- 2) Генеалогия Тимура.

Тамерлан

3) Устройство хозяйства.

4) Тимур — вассал амира Казгана.

5) После смерти Казгана Тимур, как один из триумфиров-амиров, владеет Самаркандом и делает попытки приобрести весь Мавераннахр.

6) Нашествие хакана Туклук-Тимура из Джете в Мавераннахр, подчинение ему Тимура. Туклук-Тимур передает Тимуру власть над Мавераннахром.

7) Борьба Тимура с различными амирами Мавераннахра; для завершения борьбы Тимур призывает на помощь хакана Туклук-Тимура, который истребляет феодалов Мавераннахра.

8) Туклук-Тимур передает завоеванную власть своему сыну Ильяс-Ходже. Опала на Тимура. Его бегство из Самарканда.

9) Приключения Тимура во время его скитаний у туркмен, в Кандагаре и Сеистане.

10) Тимур собирает военные силы своих союзников и вассалов в долине Арсаф для борьбы с Ильяс-Ходжей.

11) Борьба Тимура с амирами и богадурами Джете.

12) Борьба Тимура с амиром Хусайном, кончая примирением на мазаре Али-ата.

На этом примирении Тимура с амиром Хусайном прерывается рукопись с его автобиографией. В противоположность первой части, морально-политическим трактатам и пестрой амальгаме магических рассказов собственной автобиография насыщена трезвым содержанием изумительно богатой подвигами и приключениями жизни «великого амира». Элементы мистики и магии, выделенные в первую часть, здесь даны в сравнительно скромных дозах: исчезает резкая диспропорция между обыденно-реальным и сказочным; живет и действует крупная реальная личность; ее подвиги куда фантастичнее, чем сны и гадания.

² «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!» — формула, предваряющая все «суры» (главы) Корана (см. ниже *Коран*), кроме IX; этой формулой начинается и всякая книга «муслимов» («правоверных»);

Автобиография Тимура

³ В перечислении круга лиц, для которых назначена «Автобиография» Тимура и, в частности, «Трактат об идеальном правителе», на *первом* месте поставлены «дети» и «родственники», т. е. подчеркнута глубокая важность и нерушимость родственных уз; род был основной ячейкой, на которой держалось здание феодально-племенного общества в эпоху Тимура; родственные связи являлись основной скрепой, цементом, — вот почему Тимур ставит на первое место родичей.

На втором месте стоят высшие амиры, крупные феодалы, наподобие планет окружавшие центральное светило великой политической системы, созданной Тимуром.

⁴ *Амир*, или эмир (буквально: «вождь», «полководец») — в «Автобиографии» употребляется для обозначения крупных феодалов, служивших Тимуру и другим феодалам-сюзеренам в качестве предводителей отдельных отрядов, правителей-комендантов городов и крепостей, составлявших совет своего повелителя, владельцев отдельных местностей и большого движимого имущества (рабов, коней, верблюдов, овец и т. д.).

⁵ *Визирь* (буквально: «носильщик тяжестей») — носильщик тяжестей управления, первый министр.

⁶ «Трактат об идеальном правителе» («пастыре народов»). По существу не так уж важно, со слов ли Тимура написан трактат о правителе, или его составил потом какой-либо улем — ученый богослов «правоверных». Интересен руководящий стержень вводного ко всей «Автобиографии» эпизода, определяющего ее содержание.

Во главу угла положена идея очень высокой, очень большой власти; мелкие, раздробленные феодальные мирки с их интригами, мелкими распрями и войнами, мимолетными союзами, хрупкие, эфемерные — где-то очень далеко, под горизонтом, исчезли из настойчивой и обязательной реальной жизни. Нужны очень крупные масштабы, какой-то большой фундамент, чтобы на нем выросла идея «пастыря народов», идея подчинения ему всех частей мира.

Тамерлан

Такая необъятная власть окружена в глазах массы магическим ореолом: как может один человек владеть всем миром, как могут подчиняться воле одного воли мириад? Вопрос требовал настойчивого разрешения у пытливых слоев общества, пораженных несказанным величием одного властелина.

У автора *морально-магический* подход к решению поставленной задачи. *Тимур своим величием всецело обязан двенадцати, присущих ему, моральным качествам. Что это за качества?*

Первое — *беспристрастное*, одинаковое отношение ко всем классам общества — «богатым и бедным», говоря более реальным языком, *внеклассовый и надклассовый* характер власти правителя.

Второе — строгое, неуклонное хранение заветов ислама: правитель поддерживает ислам, а ислам поддерживает его.

Третье — милостыня бедным. Выдвинута идея широкой *государственной благотворительности* неимущим слоям населения, владыка мира — щедрый попечитель обделенных на жизненном пиру людей.

Четвертое — высший закон для правителя — общее благо: идея *просвещенного деспотизма*.

Пятое — примат религиозных дел над мирскими, житейскими. Своеобразное сочетание противоположностей, характерное для Средневековья и западного, и восточного, — сочетание «презрения к миру» и стремления к абсолютной власти над этим миром, — яркая восточная параллель к понятификату таких личностей, как Григорий VII и особенно Иннокентий III.

Шестое — правитель — духовный меч Аллаха, карающий всю людскую неправду, высший судья в человеческом обществе, опять-таки *внеклассовый и надклассовый арбитр*.

Седьмое — в противоположность коварству, лицемерию, обману мелких феодалов владыка мира — олицетворение правды, неуклонный хранитель своих обещаний, чести, своих слов, когда-либо и где-либо сказанных.

Восьмое — отсутствие корысти к имуществу подвластных людей, широкая щедрость владыки, не знающего пределов своим материальным ресурсам.

Автобиография Тимура

Девятое и десятое — вера и величие правителя рождены как бы из одного чрева; правитель, распространяя ислам, тем самым увеличивает свое могущество; идея тесного союза владыки мира и ислама.

Одиннадцатое — духовные лица занимают первые места в верховном совете правителя мира; их совет — первый, главный момент в решениях правителя.

Двенадцатое — жизненный путь великого правителя освещен двумя светочами — беспристрастия и милости: «правда и милость да царствуют везде и всегда во владениях правителя мира».

Кто владеет этими ключами, тому по праву принадлежит власть над целым миром, над мирадами людей, того называют джехангиром.

⁷ *Коран* (буквально: «чтение», собственно — инфинитив глагола, означающего «читать») — собрание в форме одной цельной книги, священной для «правоверных», откровений, данных в разное время в Мекке и Медине посланнику Аллаха Мухаммеду; по-видимому, в устах самого Мухаммеда название «Коран» имело тот смысл, что он был прочитан ему свыше. Мухаммед обыкновенно проводил месяц рамадан в уединении на горе Гира близ Мекки. Однажды ночью (это было в декабре 610 или январе 611 года христианской эры) Мухаммед, куда-то уходивший, вернулся и сказал своей жене Хадидже: «Я спал глубоким сном, когда мне явился во сне ангел, держа в руках исписанный кусок шелковой материи, и сказал: «Читай!» — «Что же я буду читать?» — спросил я. Он развернул кусок и повторил: «Читай». Я повторил вопрос: «Что я буду читать?» Ангел ответил: «Читай во имя Господина твоего, который сотворил все. Который сотворил человека из загустевшей крови. Читай во имя Господина твоего, который всех щедрее. Это он научил человека пользоваться пером. Он научил человека тому, чего человек не знал» (*Коран*, *ХСVI сура, 1—5 аят*). Я произнес эти слова за ангелом, и он удалился. Когда я проснулся и пошел на скат горы, то услышал над своей головой слова: «О Мухаммед, ты послан Аллахом, а я Джабраил». Я поднял глаза и увидел ангела; я стоял неподвижно с обращенным к нему взором, покуда он не скрылся». Так начались откровения Аллаха Мухаммеду.

Тамерлан

Коран — собрание рассказов, поучений, законов и т. д., собранных без всякого порядка, тем более хронологического. Откровения, занесенные в Коран, редко бывали длинны, чаще всего они состояли из нескольких стихов, которые записывались еще при жизни Мухаммеда или сохранялись просто в памяти, потому что современники Мухаммеда имели замечательную память, свойственную народам, пишущим мало.

Мухаммед всякое откровение, которое представляло собой целое, называл сурой. Сура — слово еврейское, означает «ряд камней в стене», потом «строчка в письме или книге»; в Коране сура обозначает отдельную главу. Сура состоит из отдельных стихов — аятов, что буквально значит «знак», «знак небесного предостережения», «чудо», потому что каждый стих Корана содержит, как слово самого Аллаха, именно предостережение и чудо. В Коране всего 114 сур, из них 70 даны в Мекке, 44 — в Медине; кроме первой суры («эль-фатига»), очень небольшой по объему, имеющей особую магическое значение для правоверных, — суры расположены в Коране по своей величине в виде убывающей прогрессии от самых больших по размерам в начале до самых малых в конце.

Полного собрания стихов Корана во времена Мухаммеда не существовало. Впервые были собраны отрывки Корана в одно целое при первом халифе Абу-Бекре (632—634 гг. н.э.) по настоянию Омара. В 11 году хиджры в ожесточенном бою при Акрабе с «лжепророком» Мосейлимой погибло более шестисот сподвижников Мухаммеда («азгабов»), знавших на память длинные отрывки из Корана. У Омара, ближайшего сподвижника Мухаммеда, впоследствии второго халифа (634—644 гг. н.э.) появилось опасение, что скоро совсем не останется в живых людей, слышавших от самого Мухаммеда откровения Корана. Он посоветовал Абу-Бекру собрать в одно целое все отрывки Корана. Абу-Бекр поручил собрание Корана ближайшему помощнику Мухаммеда, Зейд-ибн-Табиту.

Зейд-ибн-Табит нашел, что легче гору сдвинуть с места, чем выполнить такое поручение халифа. Под руководством Омара он собрал отрывки Корана, частью записанные на свитках бумаги или пергамента, на волокнистых черенках пальмовых листьев, на камешках или костях, а частью —

Автобиография Тимура

и это самая большая часть — сохранившихся в памяти тех или иных «правоверных».

Запись Зейд-ибн-Табита была предназначена только для частного пользования Абу-Бекра и Омара.

Среди «правоверных» имели хождение и другие варианты тех или иных отрывков Корана; на этой почве начались пререкания между войсками различных областей халифата. Третий халиф, Отман (644—656 гг.), решил ввести одну общую, официальную, обязательную для всех редакцию Корана. Зейд-ибн-Табиту было поручено составить и эту, вторую, редакцию. Вторая редакция Корана есть единственно признанная редакция, потому что все остальные редакции халиф Отман распорядился уничтожить.

Коран был предметом бесчисленных толкований. Комментаторы распадают на ряд отдельных школ и направлений, между которыми идут постоянные споры. Коран, по Нельдеке, — наиболее читаемая в мире книга; ее читают не только в мечети во время службы, но и постоянно дома или в пути; она также служит предметом, по которому гадают о будущем.

⁸ См., между прочим, Коран, II сура, 28 аят: «Когда Аллах сказал ангелам: «Я на земле хочу поселить помощника себе», ангелы ответили: «Поселишь ли ты на земле существо, которое произведет беспорядок и прольет кровь в то время, когда мы будем прославлять тебя хвалами и беспрестанно воспевать и превозносить твою святость?» Аллах ответил ангелам: «Я знаю то, чего не знаете вы».

⁹ Ангелы, по словам Корана, — духи, вестники Аллаха, имеющие два, четыре, а иногда и множество пар крыльев (XXXV сура, 1 аят), носят престол Аллахов (LXIX сура, 17 аят), являются заступниками за людей (XI сура, 7 аят), являются на помощь «правоверным» (III сура, 120 аят); они — хранители каждого человека (VI сура, 6 аят); умрут, подобно людям, перед днем последнего, Страшного Суда (XXXIX сура, 68 аят); последним должен умереть Азраил, ангел смерти; потом будут все воскрешены.

¹⁰ Амир Хусайн был родственником Тимура, который был женат на его сестре, Аль-Джой Туркан-аге, внучке амира Казгана. В «Автобиографии» Хусайн появляется непрерывно в качестве то союзника, то врага Тимура.

Тамерлан

¹¹ *Шариат* (буквально: «путь к спасению») — религиозно-нравственный кодекс «правоверных»; его основы: 1) *Коран*; 2) *Сунна* (собрание преданий о жизни Мухаммеда) и *хадисы* (отдельные сказания о Мухаммеде и его изречения, не вошедшие в Коран, записанные из уст людей, которые слышали их от современников Мухаммеда или их потомков; имена лиц, преемственно сохранивших хадисы, точно в них указаны); 3) *Иджма* — согласие старых духовных авторитетов; 4) *Кыяс* (буквально: «аналогия») — логическая очевидность.

¹² *Муслимы* (буквально: «предавшие себя воле Аллаха») — «правоверные», служители религии, возникшей во времена Мухаммеда, — ислама.

¹³ *Ислам* (буквально: «подчинение, предание воле другого») — предание себя воле Аллаха. «Религия Аллаха есть ислам» (*Коран, III сура, 17 аят*), — одна из мировых религий, ведущая начало со времен Мухаммеда (около 570—632 гг. н.э.).

I. *Пять столпов («рук») ислама*: 1) *Исповедание веры*: «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Его». 2) *Пятикратная молитва* («салат», «намаз»). 3) *Милостыня* («закят»). 4) *Пост* («саум») в священном месяце рамадане. 5) *Паломничество* («хадж») в Мекку.

II. *Двадцать «ветвей» ислама*: 1) Строго соблюдать учение Корана. 2) Сообразоваться с преданием и устным учением посланника Аллаха, Мухаммеда. 3) Никогда не делать несправедливости. 4) Употреблять лишь дозволенную пищу. 5) Никогда не употреблять запрещенной пищи. 6) Наказывать злоумышленников, чтобы не усиливать злых путем снисходительности добрых. 7) Раскаиваться в своих дурных поступках. 8) Основательно изучать дело веры. 9) Делать добро даже и врагам. 10) Быть скромным в жизни. 11) Помогать служителям Аллаха. 12) Избегать перемен и нововведений. 13) Выказывать мужество в несчастьи и твердость в испытаниях. 14) Прощать, когда мы сильны и властны. 15) Быть терпеливыми в несчастьи. 16) Познавать Аллаха. 17) Познавать Мухаммеда, посланника Аллаха. 18) Противиться внушениям шайтана. 19) Противиться страстям и дурным побуждениям. 20) Предаться всецело служению Аллаху с полным доверием и полною покорностью.

Автобиография Тимура

III. *Шесть благочестивых деяний*: 1) молитва; 2) милостыня; 3) па-ломничество; 4) борьба против дурных побуждений; 5) борьба против всего противоречащего Корану; 6) священная война («джихад»).

Двенадцать моральных качеств Тимура всецело основаны на «ветвях» ислама; вся «Автобиография» построена так, чтобы представить в реальном воплощении идеальные требования ислама.

¹⁴ *Сайид* (буквально: «начальник», «господин») — до Мухаммеда так назывались вожди отдельных арабских племен; после Мухаммеда — его потомки от дочери Фатимы; они составляли как бы обособленную касту среди остального населения, были освобождены от телесного наказания, имели право заступничества за обиженных перед властями, носили чалму зеленого цвета, любимого Мухаммедом. Обыкновенно сайиды не роднились с посторонними; монгольские ханы, женись на сайидках, обыкновенно сами принимали название сайидов.

¹⁵ *Улемы* (от *alim* — «ученый») — ученые-богословы, толкователи Корана, учителя Корана, знатоки религиозно-юридических норм Корана; из рядов улемов выбирались кади (судьи) и муфтии (знатоки права).

¹⁶ *Шейх* (буквально: «старец») — до Мухаммеда так назывался вождь арабского племени, достигший полной зрелости возраста; после Мухаммеда — глава духовного ордена «правоверных», вообще духовный руководитель.

¹⁷ *Константин* — образ идеального царя, списанный, возможно, с Константина Великого, римского императора первой половины IV века н.э.; исторический образ Константина в «Автобиографии» существенно изменен: Константин, конечно, не мог мыслить, как последователь шариата.

¹⁸ *Рай* — старинный город в Персии в 10 километрах к юго-востоку от теперешнего Тегерана; захвачен арабами в 641 г. н.э. при Омаре; был резиденцией сельджукских султанов, Эль-Тогрула и Альп-Арслана; разрушен монголами при Чингисхане в 1221 г.

Тамерлан

¹⁹ *Совет*: а) племени; б) амиров; в) «пастыря народов» Тимура. а) *Совет племени* слагался из старейших и именитых членов племени, зорко следивших за поведением сайидов своего племени; сайид должен был всегда волей-неволей считаться с родными и сторонниками прежних сайидов, с властью колдунов, гадалелей и знахарей; военная доблесть сайида была ограничена таким образом родовыми начальниками и служителями магии. б) *Совет амиров* — из всех вассалов крупного феодала, включая и крупнейших богадуrows-рыцарей по важнейшим, преимущественно военным делам; советы происходили накануне длительных военных операций или же перед началом боя, перед решающим штурмом крепости. в) *Совет «пастыря народов»* состоял, помимо сыновей, внуков и других родных, из министров, подвластных султанов, сайидов и важнейших духовных лиц: шейхов и улемов. Вокруг трона сидели сыновья и другие родственники Тимура, по правую от трона руку — сайиды, шейхи, улемы, по левую — султаны и амиры, напротив — министры.

²⁰ *Хакан* — царь царей, великий хан; этот титул носил Чингисхан и его преемники; в переносном смысле этот титул распространялся на всех выдающихся правителей.

²¹ *Юродивые* — люди, отрекшиеся от всяких земных благ и привязанностей, блаженные, неимущие; пользовались великим уважением народных масс; перед ними заискивали и «пастыри народов».

²² *Размышление о природе власти правителя* крайне интересно и самой постановкой вопроса, а также способами и формой его решения.

Как возможно, чтобы мириады людей беспрекословно и в точности повиновались воле одного человека, хотя этот один по внешности мало чем выделяется среди прочих людей?

Элементы проблемы таковы: 1) один выделяется среди бесчисленного множества в качестве «героя» среди «толпы», в качестве властного центра среди пассивно повинующейся периферии; 2) координация этих двух основных элементов жизни носит безусловный характер, воля одного — *causa efficiens*, поступки множества — неизбежный результат какого-то

Автобиография Тимура

закона, равнозначного законам природы; одним словом, проблема вытекает из количественной и одновременно качественной диспропорции между «одним» и «множеством».

В решение проблемы введен сверхъестественный момент: «один», неизмеримо ничтожный количественно перед «многими», неизмеримо велик качественно, как воплощение силы и воли Аллаха на земле, власть «одного» над «многими» своими последними корнями уходит в «мир тайн»; таким образом, проблема власти, исходя из противопоставления и координации «героя» и «толпы», находит свое решение исключительно в области магии.

²³ *Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади* (Тайабад — селение в Хорасане) — глава ордена суфиев, «правоверных»-отшельников, созерцателей и мистиков, духовный владыка, без которого даже такая провиденциальная личность, как Тимур, не решается сделать ни одного сколько-нибудь серьезного шага в своей сложной жизненной деятельности.

²⁴ *Препоясание поясом* — магический символ передачи дарований и способностей от высшего к низшему; пояс, замкнутый круг, символизирующий вечность, окружает тело человека и таким образом приобщает его к вечности.

²⁵ *Шапка, возложение шапки* — также магический символ передачи власти через голову, центр души, от высшего к низшему; так, Чингисхан, надевая шапку на каждого из своих четырех сыновей, тем самым облакал их высшей властью хана в своих улусах.

²⁶ *Кольцо* — также магический символ передачи высоких дарований, приобщения к высшей власти. Шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади передал Тимуру сразу три фетиша — пояс, шапку и кольцо, символизируя передачу ему очень больших и очень высоких дарований.

²⁷ *Наиб* (буквально: «наместник») — заместитель посланника Аллаха (Мухаммеда) в мире, человек очень высоких духовных дарований. Шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади называет Тимура наибом Мухаммеда

Тамерлан

в знак его великого назначения — распространять ислам как среди «людей писания» (евреев и христиан), так и неверных — язычников.

²⁸ Совершенно неясно, где же кончается рассказ шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайябади и где возобновляется рассказ о подвигах Тимура. 806 год хиджры связывает эпизод о подвигах Тимура с рассказом, датированным 805 годом хиджры, но отнесенным как будто к шейху Заин-эд-дину с его далекими воспоминаниями о покорении Рума. Это — явный абсурд; рассказ шейха не приведен совсем, а весь эпизод относится целиком к Тимуру, только не к раннему периоду его жизни (21 г.), а к последнему (перед походом на Китай), после войн в Малой Азии (805—806 гг. хиджры как раз 1403—404 гг. н.э., т. е. довольно точная датировка момента), когда Тимуру могло быть около семидесяти (семьдесят пять лет не так уже далеки от истины по отношению именно к Тимуру); весь эпизод следует озаглавить «Паломничество Тимура к кутбу. Такая неясность — вполне в стиле первой части «Автобиографии», где при наличности общей тематики — постоянный переход от одного эпизода к другому.

²⁹ Эпизод интересен легендарно-сказочными мотивами: 1) легендарно-агиографический сюжет, который, как увидим ниже, несколько в иной форме разработан в эпизоде с шейхом Кулялем; 2) сказочные детали: таинственный ключ, число «три», кутб-конюх, внезапная смерть кутба; 3) сравнение веры с городом; 4) историческая несообразность в вопросах о Руме и Кайсаре (см. дальше — *Рум* и *Кайсар*).

³⁰ *Рум* — искаженное турками-сельджуками название государства *Romaeorum* (римлян), т. е. византийцев. Так же называлось и основанное самими турками-сельджуками государство в пределах Малой Азии. Вряд ли здесь может идти речь о столице Византии Константинополе; до 29 мая 1453 года, когда Константинополь был захвачен османскими турками под предводительством Мухаммеда II, ни один восточный владыка не захватывал этого важного города; или здесь может идти речь о столице Сельджукского государства, что едва ли вероятно, потому что государство сельджуков к этому времени перестало существовать; или под *Румом* и его столицей

Автобиография Тимура

с большой натяжкой подразумевается государство Баязида Молниеносного, которого сокрушил Тимур под Ангорой (Анкарой) в 1402 году; или вообще весь этот эпизод окрашен в густые легендарные цвета.

³¹ *Кутб* (буквально: «звезда», «глава») — наименование у «правверных» лиц, прославившихся святой, подвижнической жизнью.

³² *Кутб-уль-Арифин* — буквально: «звезда (глава) знающих».

³³ *Омовение* является ключом для молитвы, а ключом омовения — магическая формула: «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!»

Предписания Корана относительно омовения: «О верующие! когда вы собираетесь совершать молитву, вымойте лицо и руки до локтя, вытрите голову и ноги до пяток; очищайтесь после сокоупления с вашими женами, а когда вы больны или когда вы в дороге выполнили потребности природы или имели сокоупление с женщинами, то, если не найдете воды, отрите лицо и руки мелким и чистым песком. Аллах не хочет налагать на вас никакого бремени, но хочет сделать вас чистыми». (*Коран, V сура, 8 и 9 аят*).

Омовение, называемое «тайамум», — очищение песком и пылью — допускается в семи случаях: 1) недостаток воды; 2) опасение истощить запас воды; 3) потребность в этой воде для питья; 4) опасение потерять часть ее при переноске; 5) болезни, не терпящие употребления воды; 6) переломы, требующие спокойствия для их сращения; 7) раны, к которым не следует прикасаться.

³⁴ *Молитва* («салат», «намаз») у правверных — пятикратная, т. е. совершается пять раз в течение суток: 1) *полуденная* (зухр), время которой наступает, когда солнце, достигнув высшей точки в своем движении, начинает клониться к закату, и продолжается до той поры, пока тень от предметов, не станет равной их длине, присоединенной к той длине тени от предметов, которая имела у них во время наступления молитвы; 2) *послеполуденная* (аср) — между полуденной молитвой и заходом солнца; 3) *вечерняя* (магрш) — совершается тотчас после заката солнца; 4) *ночная* (иша) — с исчезновением красной вечерней зари и до появления утренней на востоке

Тамерлан

и 5) *утренняя* (субх)— с появлением зари и до восхода солнца. Время молитвы обыкновенно возвещается муэдзинами с минаретов мечетей; молитва совершается там, где «правоверного» застанет «азан» — возвешение. Молитва предполагает необходимые приготовления: 1) необходимо очистить свое тело установленными омовениями; 2) облечься в безукоризненно чистые одежды; 3) выбрать чистое место для молитвы; 4) закрыть часть тела между пупком и коленами; 5) иметь чистые намерения; 6) «киблой» (местом, куда обращаются на молитве) иметь Каабу, дом Аллаха, воздвигнутый в Мекке Ибрахимом (Авраамом).

³⁵ *Кутб-уль-актаб* — святой из святых, высший, недостигаемый глава, шейх, достигший высшей степени в познании божества.

³⁶ *Баб-уль-абваб* — ворота ворот.

³⁷ *Кайсар* (от Caesar — император, царь) — здесь речь идет, по-видимому, о византийском императоре; но Византии в ту пору, когда Тимур воевал в Передней Азии (конец XIV и начало XV века н.э.), можно сказать, уже почти не существовало; Тимуру приходилось бороться с грозным султаном османских турок, Баязидом Молниеносным, который железными руками охватывал жалкие обломки Византии около Константинополя. Перед нами или какая-то историческая несообразность, или подстановка Византии и Кайсара вместо Баязида Молниеносного и его державы к Европе и Азии, т. е. почтительная реминисценция Тимура о великой мировой державе прошлого; по понятиям Тимура, джехангиру настоящего подобало бороться достойным образом только с джехангиром прошлого или же с таким претендентом на владычество в мире, каким был султан Баязид Молниеносный. Едва ли поэтическую параллель Кайсару представляет Гэсэр-хан (тибетский Ке-сар), герой бурятской эпopeи, зародившейся, по-видимому, в Тибете и теперь широко распространенной в Тибете, Лабахе, Амдо, Монголии, Маньчжурии.

³⁸ *Мавераннахр* (буквально: «то, что за рекою») — страна за Сырдарьей вплоть до Амударьи.

Автобиография Тимура

³⁹ *Узбеки* (буквально: «сами господа») — название народа, населявшего страну Джете, т. е. Восточный Туркестан с включением Джунгарии и Семиречья.

⁴⁰ *Мечеть* — первая устроена в Медине, когда Мухаммед переселился туда из Мекки; ее назначение было служить местом для молитвы «правовверных», а также для собраний их общины; по образцу первой, мединской, стали устраиваться мечети в других центрах, захваченных арабами.

⁴¹ *Имам* (буквально: «стоящий впереди») — духовный глава «правовверных», обязанный направлять их к точному исполнению законов веры, глава религиозной школы.

⁴² *Минбар* — возвышенное место в мечети.

⁴³ *Хазрет* — почетный титул, прибавляемый к именам султанов, высших духовных лиц и т. д.

⁴⁴ В эпизоде с Убайдуллой Тимур выведен не как искусный военачальник, тонкий стратег, хитрый и цепкий дипломат, а как очень своеобразный философ-моралист. В первый раз в «Автобиографии» (после трактата о справедливом и милостивом правителе, после размышлений о природе власти правителя) показаны отрицательные качества Тимура: он «кровожадный», он «убил много народа», «по его воле гибнет много людей», — вот голос оппозиционных духовных кругов, которые возглавлял хазрет Убайдулла.

Тимур не отрицает фактов своей «кровожадности», но хладнокровно компенсирует их фактами другого ряда: почтительным и внимательным отношением к потомкам Мухаммеда, сайидам; санкция этого «морально-го равновесия» дается «Автобиографией» обычным приемом — в форме вещающего сна вождя оппозиции, хазрета Убайдуллы.

Итак, моральная формула Тимура гласит:

Почтение к сайидам раз и навсегда делает дозволительным, как бы сглаживает в нравственном отношении истребление целых мирiad людей.

Тамерлан

⁴⁵ 800 год хиджры (1398 г. н.э.) — дата, когда Тимур воевал в Северном Индустане, в области Дели, но не в Малой Азии — хронологическая ошибка автора «Автобиографии».

⁴⁶ *Кербелла* — священный город шиитов (отвергающих Сунну, т. е. книгу, где собраны предания о жизни Мухаммеда) в Ирак-уль-Арабе; в десятый день (так называемый «день Ашура») первого в году месяца мухаррема, в 61 году хиджры (680 г. н.э.) в битве под Кербеллой был убит Хусайн, сын Али, четвертого халифа «правого пути», и Фатимы, дочери Мухаммеда, т. е. внук самого Мухаммеда.

⁴⁷ *Неджеф* — священный город шиитов в Ирак-уль-Арабе, где погребено тело сына Али, Хусайна. Шииты покровительствуют джехангиру так же, как и сунниты.

⁴⁸ *Белое знамя* («лива») — знак большой милости Мухаммеда к вождю, которому белое знамя посылается или достается; оно — символ неременной победы над неверными.

⁴⁹ Как видно, при дворе Тимура велась «История подвигов», откуда, надо полагать, и взят первоначальный материал для «Автобиографии». Официальные летописцы и историографы — самое обычное явление при дворах владык Востока и Запада. Тимур, как великий честолюбец, желал жить и совершать подвиги для истории.

⁵⁰ Если под Румом здесь разуместь все-таки византийцев (греков), то, может быть, имеется в виду крайне неясный для толкователей Корана, допускающий многообразные комментарии, а потому и самое разнообразное применение, 1 аят XXX суры Корана: «Греки побеждены».

⁵¹ В г. Туркестане находится древняя мечеть чтимого «правоверными» святого хазрета Ясави; в мечети — знамена и гробница Ясави; гробница — древний предмет паломничества со всех сторон Туркестана.

⁵² *Гадание* на могиле чтимых шейхов — очень распространенный у «правоверных» пережиток старинной магии, сильный не только в низах обще-

Автобиография Тимура

ства, но и у самого джехангира, быть может, самого суеверного из всех окружавших и подвластных ему людей.

⁵³ *Магическое четверостишие* — фетишизм слов и ритма слов; прежняя, домухаммедовская поэзия арабов-бедуинов, орудие ядовитой сатиры, скепсиса, отрицания, после Мухаммеда покрывается густым слоем самой примитивной магии; в силу талисмана-четверостишия, автоматически повторяемого магическое число раз, слепо верит великий суевер Тимур. Четверостишие строго выдержано в стиле параллелистических антитез: ночь темная — день ясный, земля — цветник благоухающий, трудное — легкое, и дает динамику раскрытия потенциалов, заложенных в магическом субъекте.

⁵⁴ Снова ошибочная хронология «Автобиографии» и спутанный порядок событий. В 801 году хиджры (1399 г. н.э.) не мог появиться в Мавераннахре для его завоевания давно умерший хакан Джете Туклук-Тимур; здесь перебежка, обычная в первой части «Автобиографии», от очень позднего события в жизни Тимура к очень раннему; по невнимательности автор позабыл передвинуть назад и хронологию; здесь, вероятнее всего, нужно читать 761 год хиджры (1360 г. н.э.).

⁵⁵ Всякий «правоверный», совершивший «хадж», священное паломничество в Мекку к Каабе (см. ниже *Хадж*), получал звание «хаджи» и пользовался правом носить чалму.

⁵⁶ В оригинале «Автобиографии» стоит Сайхун (Сырдарья); конечно, по контексту нужно читать Джайхун (Амударья).

⁵⁷ *Хорасан* — северо-восточная провинция Персии (Ирана).

⁵⁸ Ответ шейха построен на крайне интересном сравнении: Аллах — лучник (стрелок из лука), небо — лук, судьба — стрелы, выпущенные лучником из лука. Любопытна и форма сравнения и его глубокий философский смысл. Форма сравнения взята у знакомого тогдашнему воину оружию; она и привычна, и очень наглядна; шейх знал, как лучше всего воз-

Тамерлан

действовать на воображение воина. Смысл сравнения заключен в попытке решить проблему взаимоотношений между высшим существом и судьбою; вопрос решен здесь иначе, чем, например, в античном мире, где судьба ставится над высшим существом, где Зевс лишь путем весов узнает волю Мойры (судьбы); а тут, наоборот, Аллах посылает судьбу, его воля и есть судьба. Здесь опять четвертый халиф Али ассоциируется с Тимуром, как его патрон и духовный руководитель, опять подчеркивается близость шиитов к Тимуру.

⁵⁹ *Кипчакские улусы.* — Кипчаками писатели «правоверных» называли народ, известный нам под именем половцев; степи киргизские, уральские, приволжские и придонские носили название Дешти Кипчак.

⁶⁰ *Сравнения и притчи «премудрого советника»* — как доказательство политических талантов Тимура.

Первое «сравнение» основано на: 1) реальном образе «беды-опасности», 2) апофеозе личной инициативы вождя и 3) количественной пропорции «бед-опасностей»; построено в форме своеобразного силлогизма, вывод из которого вытекает с железной необходимостью.

Вторая «притча» дает композицию идеальных качеств правителя в форме устройства шатра, хорошо знакомого всякому воину того времени; конкретные образы кольев, столбов и веревок, поддерживающих шатер, символизируют справедливость, беспристрастие и правду — все, чем должен обладать правитель, особенно больших масштабов; притча осложняется дальше темой о спасающихся под сенью шатра-государства и погибающих вне его и заканчивается рядом практических советов правителю, как целесообразнее использовать для государственных задач духовенство, воинов и слуг, как поощрять (здесь социальная характеристика перебивается моральной) хороших людей и наказывать плохих.

Третье «сравнение» дает ехидную характеристику турок, у которых ум такой же узкий, как и глаза: чтобы получить их преданность, необходимо насытить у них и то и другое.

⁶¹ *Грамоты* — документы феодального права; в «Автобиографии» можно насчитать до трех важнейших видов грамот. Одни грамоты симво-

Автобиография Тимура

лизируют передачу высшим лицом, сюзереном, части своих хозяйственных и политических прав какому-либо низшему лицу, вассалу, — это жалованные грамоты на ханское достоинство, на управление страной, на владение крепостью или каким-либо земельным феодалом, на командование отдельным отрядом войска и т. д. Другой вид грамот — с каким-либо требованием сюзерена, обращенным к вассалам: например, грамота Туклук-Тимура трем важнейшим амирам Мавераннахра, — Тимуру, Хаджи-Барласу и Баязид-Джалаиру с требованием подчиниться ему. Третий вид грамот — письменные обращения вассалов к сюзерену с теми или иными просьбами и просто сообщениями различного политического характера.

⁶² *Семьдесят потомков* — «семьдесят», как мы видели, магически-сказочное число. Многочисленность потомства особенно почиталась арабами, а потом вообще «правоверными». Поэт Захейр (в книге «Столетники») говорит: «В нем соединялись знаменитость аристократа и самое большое число потомков в лоне его племени». Таким образом, Мухаммед обещает Тимуру самую почетную награду, какая только может выпасть на долю «правоверного».

⁶³ 862 год хиджры (1458 год н.э.), т. е. 53 года спустя после смерти Тимура, — явная ошибка; вероятно, нужно читать 762 год хиджры (1361 г. н.э.).

⁶⁴ *Ходжа* (буквально: «старик», «господин», «хозяин дома») — название сословия, ведущего происхождение от четырех халифов «правого пути» (от их детей, рожденных не дочерьми Мухаммеда, а другими женами).

⁶⁵ *Качули-богадур*, как видно из других генеалогий Тимура в той же «Автобиографии», был не дедом Тимура, а более отдаленным предком. Из других источников видно, что Тимур едва ли был в родстве с Чингисханом; вероятно, придворные генеалоги привязали искусственно джехангира Тимура к родословному дереву другого джехангира — Чингисхана.

Генеалогия Тимура в передаче его отца, амира Тарагая, производит и Кабыль-хана и Качули-богадура прямо от Ноя и сына его Яфеса.

⁶⁶ Фиксация важнейших документов на досках и плитах из особо прочного материала (сталь, камень и т. п.) особенно свойственна древно-

Тамерлан

сти и средневековую; прочность материала соответствовала основной цели фиксации — сделать документ достоянием вечности.

⁶⁷ Толкование сновидений — одно из трех важнейших знаний, которыми обладали так называемые «познающие арабы» еще до Мухаммеда и которые остались ценными и после него: 1) знание генеалогий и исторических преданий (после Мухаммеда — хадисы); 2) толкование снов; особен-

Автобиография Тимура

но славился своими толкованиями первый халиф Абу-Бекр; 3) звездочетство и связанные с ним прорицания и пророчества (астрология). В «Автобиографии» широко представлены все три вида этих знаний. Шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади к традиционному толкованию снов прибавляет еще магическую обязанность: раскрывать перед Тимуром его провиденциальное назначение на земле в качестве джехангира.

⁶⁸ *Сабук-Тагин* — султан (977—997 н.э.) города Газны в Афганистане, отец знаменитого султана Махмуда (998—1030).

⁶⁹ *Без, бек, бий, бей* — тюркское слово, значит: «государь, господин мой», употребляется для обозначения старшин рода, племени и феодалов средней руки.

⁷⁰ *Фетва* — мнение, заключение обязательного юридически-морального характера со стороны исламских законоведов.

⁷¹ *Факиры* (арабское *fakr*, персидское «дарвеш», откуда название «дервиш») — нищенствующие бродячие монахи «правоверных».

⁷² *Страшный Суд, Последний Суд*, наполняет целый ряд сур Корана, является любимой и наиболее разработанной идеей ислама.

Вот наиболее важные в этом отношении места из Корана:

- 1 Когда солнце согнется;
- 2 Когда звезды упадут;
- 3 Когда горы приведутся в движение;
- 4 Когда самки верблюдов будут оставлены;
- 5 Когда дикие звери соберутся толпами;
- 6 Когда моря закипят;
- 7 Когда души совокупятся;
- 8 Когда спросят заживо погребенную девушку,
- 9 За какое преступление ее заставили умереть;
- 10 Когда лист книги развернется;
- 11 Когда небеса отложатся в сторону;

Тамерлан

12 Когда пламень ада помешают кочергою, чтобы лучше горел;

13 Когда рай приблизится;

14 Тогда всякая душа узнает сделанное ею дело.

(LXXXI сура, 1—14 аят).

1 Когда разверзнется небо,

2 Которое будет повиноваться Аллаху и постарается исполнить
Его повеление;

3 Когда земля будет распростерта ровным пластом;

4 Когда она выбросит из недра своего все, что содержала
и оставляла нетронутым;

5 Когда она будет повиноваться Аллаху и постарается
исполнить Его повеления;

6 Тогда ты, о человек, желавший бы увидеть Аллаха твоего, увидишь Его.

7 Кому дадут книгу его дел в правую руку,

8 Тот будет сужден с кротостью;

9 Он радуясь возвратится в свое семейство.

10 Кому дадут книгу его дел назад к спине,

11 Будет призывать смерть,

12 Когда будет гореть в огне.

13 На земле он веселился среди своего семейства,

14 Он воображал, что никогда не явится перед Аллахом;

15 Но Аллах видел все.

(LXXXIV сура, 1—15 аят).

⁷³ Четыре халифа «правого пути»: 1) Абу-Бекр, 2) Омар, 3) Отман, 4) Али.

⁷⁴ 864 год хиджры, соответствующий 1460 году христианского летоисчисления, очевидно неверен; здесь скорее нужно читать «764 год хиджры» (1363 год н.э.).

⁷⁵ Хорезм — область Хивы.

⁷⁶ Авраам (Ибрахим) — великий пророк «правоверных», поставленный имамом (см. выше прим. 41) для народов (Коран, II сура, 118—119 аят);

Автобиография Тимура

разбивший свой стан в Мекке (III сура, 89—91 аят); сокрушитель идо-
лов (VI сура, 76, 83 аят).

⁷⁷ *Примеры из жизни птиц как материал для сравнения*, в четырех правилах шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайябади. Птицы имеют магическое значение в Коране: «Мы гадали по полету птиц» (XXXVI сура, 17 аят); «Мы привязали к шее каждого человека птицу» (XVII сура, 14 аят), т.е. дали каждому человеку определенную судьбу.

⁷⁸ *Астрология*, звездочетство — определение судьбы отдельных людей и целых народов по расположению небесных светил, третье из знаний «познающих арабов»; составление гороскопов у великих и мелких владык было постоянным обычаем и Востока, и Запада.

По данным арабской астрологии, влияют на судьбу людей, помимо Солнца и Луны: *Утаред* (Меркурий), *Зухрат* (Венера), *Меррих* (Марс), *Муштари* (Юпитер) и *Зухаль* (Сатурн).

Луна, холодная и влажная, имеет доброе влияние.

Зухаль, сухой и холодный, — влияние злое.

Муштари, горячий и влажный, — благотворное влияние.

Зухрат, умеренно теплый, — доброе влияние.

Утаред — то благотворное, то вредное влияние.

Меррих, горячий и влажный, — вредное влияние.

Неделя (воскресенье) — день Солнца; когда год начинается с недели, это знак, что народам придется много страдать от тирании и притеснений их правителей; будет засуха, особенно плохо будет расти чечевица, виноград созреет; будут свирепые бои между владыками.

Понедельник — день Луны; когда год начинается с понедельника, это хорошее предзнаменование: будут обильные дожди, много зерна и винограда; но будет также чума; лен не вырастет, и хлопок будет плох; половина скота падет от болезней.

Вторник — день Меррих; если год начинается со вторника, то будут поражены смертью правители и владыки, зерно поднимется в цене, будет много дождей, мало рыбы; мед будет дешев; чечевица будет продаваться

Тамерлан

за бесценок; урожай ячменя; льняное семя будет в цене; прольется много крови; будет падеж на ослов, цена на них поднимется до крайности.

Среда — день Утаред; если год начинается со среды, это знаменует большие битвы на море; будет много гроз; дороговизна зерна, редьки и лука; эпидемия поразит маленьких детей.

Четверг — день Муштари; если год начинается с четверга, это знаменует согласие и мир между народами; справедливость среди правителей и визирей, неподкупность среди «кади» (судей); будет много благодеяний для человечества: обилие дождей, плодов, хлеба, хлопка, льна, меда, винограда и рыбы.

Пятница — день Зухрат; если год начинается с пятницы, это знаменует обильные росы, весна будет хороша, родится много детей обоего пола, будет много огурцов, арбузов, тыкв, помидоров и земляных груш.

Суббота — день Зухаль; горе тому году, который начнется с субботы! Будет скудость неба и земли; голод последует за войной, болезни — за голодом; жители Египта и Сирии будут стонать под игом своих правителей.

В темпераменте первого человека, Адама, Аллах соединил четыре стихии: воду, землю, огонь и воздух; желчный темперамент получил природу огня, который горяч и сух; нервный темперамент — природу земли, которая суха и холодна; лимфатический темперамент — природу воды, которая холодна и сыра; сангвинический темперамент — природу воздуха, который горяч и влажен.

Между темпераментами и небесными светилами, таким образом, устанавливается определенное соотношение, которое и было положено в основу астрологии Востока и Запада; кроме описанных, у астрологов были и другие варианты для соотношения между светилами неба и темпераментами и судьбами людей и народов.

Арабы придерживались геоцентрических взглядов Клавдия Птолемея; около Земли вращалось семь небес: первое — Луны, второе — Утаред, третье — Зухрат, четвертое — Солнца, пятое — Меррих, шестое — Муштари, седьмое — Зухаль; плоскость эклиптики делилась на двенадцать «домов» — знаков зодиака, куда по порядку заходило Солнце и планеты в самых разнообразных комбинациях.

Автобиография Тимура

⁷⁹ *Джадда* — двенадцатый знак зодиака — Козерог.

⁸⁰ Здесь путаница: четвертый знак зодиака не Овен, а Телец.

⁸¹ Пятый знак зодиака — Близнецы.

⁸² *Меч* — главное оружие амиров и богадуrow, символ мужской силы и власти; меч, освещающий блеском своего стального клинка весь мир, — перст Аллаха, указующий будущего владыку мира.

⁸³ «Тамурру» — «поколеблется».

⁸⁴ *Джете* — название страны, включавшей Восточный Туркестан, Джунгарию и Семиречье.

⁸⁵ *Балх* — река в Северном Афганистане, на которой стоял «отец городов» Балх — старинная цитадель, центр арабской науки, в 1220 году разрушенный Чингисханом; вошел в состав Афганистана в XVIII веке.

⁸⁶ *Барлас* — название одного из четырех великих племен (кланов) Мавераннахра; наименование клана присоединилось к именам амиrow и остальных крупных феодалов, например, в данном случае — к имени амира Джагуя.

⁸⁷ *Каменный мост* существует и в наши дни по дороге из Самарканда в Ташкент, в двух днях пути от Самарканда.

⁸⁸ Не нужно смешивать *Руха*, шаха персидского, с *Шахрухом*, сыном Тимура.

⁸⁹ Тимур окончательно овладел Хорасаном в 783 году хиджры (1383 г. н.э.).

⁹⁰ 837 год хиджры — 1434 г. н.э., т. е. приходится на момент времени после смерти Тимура; скорее всего, здесь нужно читать «767 год хиджры», т. е. 1366 год н.э.

⁹¹ *Хызр* — великий святой «правоверных», покровитель путников; незримый, он ходит постоянно по земле и выручает из беды. По казахскому

Тамерлан

преданию, каждый человек видит Хызра три раза в своей жизни, но не узнает его. Он является под видом или нищего, или странника и т. п. Если узнать его в это время и попросить у него счастья, он осчастливит на всю жизнь, но это редко кому удастся («Кызыр» — № 21 из собрания казахских и алтайских сказок Г. Н. Потанина).

⁹² *Неприятные слова*, сказанные Хызром Тимуру, как и в эпизоде с Убайдуллой, — отзвук оппозиционных настроений против действий Тимура; нужно отдать справедливость Тимуру: он не замалчивает своих неприятностей, хотя и не говорит про них так много, как про удачи.

⁹³ Разрушение капища Тугуль-богадура — вставочный эпизод, характеризующий выполнение джехангиром своей основной миссии во вселенной — распространять правую веру, ислам, заменяющий мрак язычества и идолопоклонства. По Корану, идолопоклонство — тяжкий грех, который никогда не простится Аллахом.

«Аллах не простит, что к нему присоединяют других богов, но Он простит другие грехи, кому захочет; потому что, кто присоединяет к Аллаху Его творения, тот совершает великий грех» (*Коран, IV сура, 51 аят*).

⁹⁴ Бедность никогда не считалась добродетелью у арабов. Саалук Орвибн-аль-Вард писал:

«Пусти меня гнаться за богатством; я вижу, что самый несчастный из людей — это бедняк;
Совет племени его отвергает; его жена издевается над ним; самый ничтожный его толкает;
Он встречает богача, преисполненного такой важности,
что его грудь готова лопнуть от гордости».

Важнейший предмет богатства — это золото; наши произведения для «верхнего этажа» Средневековья Востока рисуют настоящее Эльдorado: золотые сундуки, блюда, лук, венец, пояс, золото в монетах и т. д.

⁹⁵ *Шайтан* (сатана), *Эблис* (дьявол) встречается уже в очень древних верованиях семитов, почти всегда ассоциируясь с рассказами о падении

Автобиография Тимура

ангелов и человека. В Коране много раз упоминается под именем Эблиса в рассказе о сотворении человека, когда вопреки воле Аллаха он отказался поклониться человеку.

- «71 Когда Аллах сказал ангелам: «Я сотворю человека из глины.
72 Когда я дам ему совершенный вид и брошу в него часть моего
духа, то вы простритесь перед ним».
73 Ангелы, сколько их было, все простерлись перед ним,
74 За исключением Эблиса. Он надул гордостью и стал
в числе неблагодарных.
75 «О Эблис!— воскликнул Аллах,— что помешало тебе
простереться перед существом, которое я сотворил своими руками:
76 По гордости или потому, что ты выше?»
77 Эблис отвечал: «Я стою дороже его: Ты создал меня из огня,
а его из грязи».
78 «Пошел вон,— закричал ему Аллах,— ты, побитый камнями!
79 Мои проклятия останутся на тебе до дня воздаяния».
80 «О господин!— сказал Эблис,— дай мне отсрочку до дня,
когда будут воскрешены люди!»
81 «Ты ее получишь,— отвечал Аллах,—
82 До дня предела, назначенного прежде».
83 «Я клянусь Твоим величием,— отвечал Эблис,—
что обольщу всех их,
84 Кроме Твоих искренних слуг».
85 «Это будет так; а я говорю верно, что наполню геенну тобою
и всеми теми, которые за тобою последуют».
(XXVIII сура, 71—85 аят)

В эпизоде с капищем Тугуль-богадур ашайтан обладает способностью совокупления с бесчисленным количеством женщин, но ведь ангелы лишены органов воспроизведения и сексуальных порывов; рождаются и грешат только гении (джинны). В Коране (XVIII сура, 48 аят) Эблис назван одним из гениев; быть может, на основании этого места Корана ему приписано невероятное вожделение к женщинам.

Тамерлан

⁹⁶ *Амир Казган* выведен здесь как уже известное читателю лицо; в действительности о нем говорится в «Автобиографии» значительно ниже.

⁹⁷ *Тохтамыш* — хан Золотой Орды, ставленник Тимура (1376), человек незаурядных военных дарований и широких политических горизонтов; в первой половине 80-х гг. XIV века вступает в ожесточенную борьбу со своим патроном. В союзе с узбеками, злейшими врагами Тимура, и Хорезмом он пытается во время блестящего похода (1387) нанести удар из приволжских степей в самое сердце владений Тимура, в Мавераннахр. Тимур прерывает свой «трехлетний поход», молниеносно отгоняет Тохтамыша и расправляется с его союзниками. В 1391 году Тимур делает ответный удар: по степям к северу от Аральского моря доходит до приволжских степей и наносит удар Тохтамышу. Тохтамыш оказывается достойным соперником Тимура в борьбе за первенство в азиатском мире: он атакует Тимура в Закавказье. Тимур двигается на север, в Южную Россию, и в 1395 году добивает Тохтамыша на р. Тереке.

⁹⁸ *Поход на Ирак* во время так называемого «пятилетнего похода» Тимура приходится на 1393 год н.э.

⁹⁹ *Поход на Индустан* (область Дели и Ганга) относится к 1398—1399 гг.

¹⁰⁰ Здесь описан так называемый «семилетний поход» Тимура. Вероятно, тут идет речь о борьбе с Баязидом Молниеносным, султаном османских турок, грозным победителем европейских рыцарей при Никополе (1396), и его союзником, египетским султаном Фараджем, которому в то время принадлежала также и Сирия.

¹⁰¹ Неясно, о каком Кайсаре и о какой битве здесь идет речь.

¹⁰² *Батик* — холодное оружие, палка с металлическим шаром на конце.

¹⁰³ Притча о ветвистом дереве, символе чрезвычайной власти, очень распространена на Востоке.

Автобиография Тимура

¹⁰⁴ *Джинны* — гении. Горы и пустыни, где приходилось блуждать иногда по целым неделям, полны существ этого рода. Голод, жажда, чистый, светлый и свежий воздух пустынь настолько возбуждают деятельность нервов, испарения и преломление света в атмосфере пустынь настолько необычны, что кочевнику кажется, будто он слышит крики джиннов и видит их самих в самых разнообразных, причудливых и удивительных очертаниях. Как будто они составляют породу, подобную человеческой, плодятся и размножаются так же, как и люди; но тело у них не такое, как у человека: они состоят только из тонкого огня и воздуха (люди, сверх того, из земли и воды) и могут быть видимы простым взглядом лишь в исключительных случаях. Джинны могут причинять много зла людям, потому надо постоянно умилять их; они живут в камнях, деревьях и идолах; они слушают Коран и дивятся ему (*Коран, XLVI сура, 28 аят*); они подслушивают, что происходит на небе (*XXVI сура, 212 аят*).

В символике сна Тимура переданы все формы, в которых гении являются людям.

¹⁰⁵ *Прекрасный сад* — обычная символика райских наград. В Коране «фирдус» (рай) и «дженнет» (сад) употребляются безразлично для обозначения местопребывания праведных.

¹⁰⁶ *Раскаяние* — «Сам Аллах старается примириться с теми, которые согрешили по неведению и тотчас же раскаиваются; Аллах прощает их... Раскаяние совсем бесполезно тому, кто постоянно делает дурные дела и только при приближении смерти кричит: «Я раскаиваюсь». Для тех нет пользы, кто умирает неверующим; мы приготовили для них жестокое наказание» (*Коран, IV сура, 21—22 аят*).

¹⁰⁷ Речь идет о предсмертном походе Тимура в Китай в конце 1404 года и начале 1405 года.

¹⁰⁸ *Книга, в которой записываются все дела человеческие*, неоднократно упоминается в Коране (*XVII сура, 73 аят* и др.).

Тамерлан

¹⁰⁹ *Шiraz* — город в Персии (Иран), родина знаменитых поэтов: Саади (Мушариф-эд-дина), автора «Гюлистана» («Сада роз»), и Хафиза, знаменитого лирического поэта Персии XVI века.

¹¹⁰ Здесь кончается «доистория» и начинается собственно «Автобиография» с погодными датами от семи до семидесяти лет, причем наша рукопись обрывается на тридцать девятом году.

¹¹¹ *Школьные успехи* Тимура должны отвергнуть, по мысли автора, мнение, что Тимур был неграмотен и обладал лишь изумительной памятью, заменявшей ему образование. Высота образования определяется по «Автобиографии» следующими признаками: знание Корана, постоянные письменные сообщения (грамоты и простые письма), счет семикратных и десятикратных чисел, знание мистически-сказочных цифр, знакомство с историческими аналогиями, особенно пригодное для хитроумной полемики с превосходящим в силе врагом.

¹¹² Тимур подчеркивает свое почтение к улемам с самого раннего детства. Преклонение перед наукой и ученым — одно из важных качеств джехангира.

¹¹³ *Сверстники* Тимура — одно из постоянных военных и политических окружений Тимура; детские игры превращаются в военные подвиги и дальние походы вместе с ровесниками; сверстники-ровесники окружают «героев» от колыбели до могилы — это остатки так называемых возрастных групп. Воинские игры со сверстниками имеют много исторических аналогий.

¹¹⁴ *Семь частей* — магически-сказочное число; его родина — старинный Вавилон; «семь» и кратные «семи» числа пользуются особым уважением автора «Автобиографии».

¹¹⁵ Тимур старается подчеркнуть свою половую воздержанность; эта тенденция не явно, без видимых эффектов, но настойчиво проходит через всю «Автобиографию». Этот кровожадный рыцарь представлен здесь

Автобиография Тимура

в образе какого-то полумонаха. Эпизоды педерастики и насильственного совокупления с женщиной введены, чтобы подчеркнуть целомудрие Тимура в моменты полового созревания (14 и 15 лет).

¹¹⁶ Искренне или неискренне, Тимур выявляет здесь одну из характерных черт феодальной идеологии, черту, которую люди Запада метко называли «*contemptio mundi*» («Презрение к миру» — трактат папы Иннокентия III). Два предмета особенно характеризуют мир — власть и золото, и о своем пренебрежении к двум важнейшим благам мира торжественно заявляет Тимур. Тимур противопоставляет власти и золоту — жизнь в мечети, но как выполнил Тимур свое обещание, видно из самой «Автобиографии».

Скорпионы и змеи — обычная символика для отрицательных явлений в области морали. О золоте см. выше прим. 94.

¹¹⁷ *Четыре заповеди амира Тарагая, отца Тимура.* Под шестнадцатым годом «Автобиографии» вставлен новый «моральный трактат» в виде заветования отца, уходящего из жизни, сыну, в эту жизнь вступающему. Заветование в новой форме повторяет хорошо знакомые, однообразные мотивы: 1) всегда помнить и чтить предков, 2) поступать по шариату и уважать сайидов, 3) следовать исламу, 4) строго соблюдать родственные узы, беречь их, как зеницу ока, быть щедрым, беспристрастным и милостивым.

Это заветование Тимур сделал девизом своей начинающейся политической деятельности.

¹¹⁸ *Нойон* — у монголов обозначение владетельного князя.

¹¹⁹ Очень интересно сравнение людей с рабами, волею судьбы заключенными в жизнь под синим сводом неба. Пессимизм автора здесь так же ярок и силен, как и в предшествующем сравнении мира с золотым сундуком.

¹²⁰ Любопытное указание на хозяйство феодального правителя на Востоке. Главное его богатство — скот и рабы, к количеству которых с одинаковым правом применяется десятикратное исчисление; подробности орга-

Тамерлан

низации хозяйства Тимура даются несколько ниже под двадцать первым годом его жизни, когда он стал совершеннолетним.

¹²¹ *Эпизод об амире Куляле* слагается из трех моментов: 1) откровения амира самому Тимуру, 2) его отцу Тарагаю и 3) матери Тимура; он полон агиографически-сказочных мотивов: 1) пророчеств, 2) символизации пророчеств, 3) магии чисел.

Предмет пророчеств однообразен: владычество над миром и многочисленность потомства — два величайших дара Аллаха, из тех, какие только могут выпасть на долю «правоверного». Семь лепешек символизируют семь частей света, составляющих весь мир; триста семьдесят ягод изюма и зерен пшеницы олицетворяют триста семьдесят потомков Тимура. Магия чисел сводится к пророческим предикатам таких чисел, как «семь» и «семьдесят».

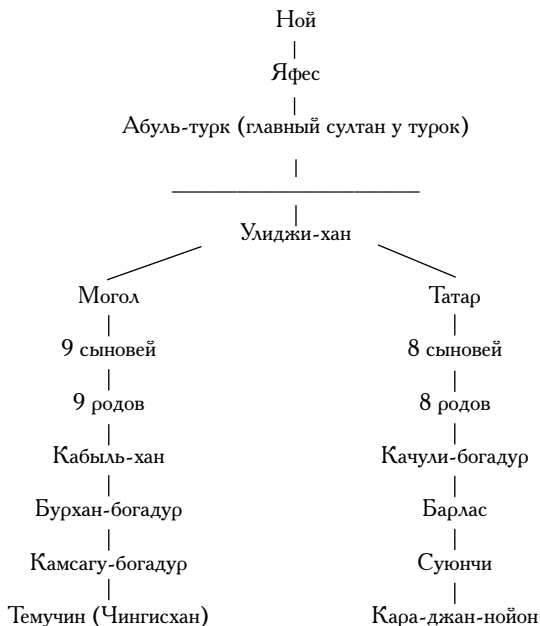
Динамика рассказов слагается из моментов: 1) характеристики Тимура в форме антитезы, свойственной мистике всех времен и народов; 2) молчания прорицателя; 3) передачи таинственных символических предметов в определенном количестве заинтересованным лицам; 4) раскрытия символики, связанной с переданными предметами; 5) эмоции удивления, связанной с раскрытием символики.

¹²² *Охота* — школа войны, по меткому выражению Чингисхана, суррогат войны, обычное времяпровождение амиров и богадуров в интервалах между военными действиями. Охотились обыкновенно верхом за сайгаками (степными антилопами), дикими козами, лебедями, гусями, утками, перепелками; охотились с охотничьими птицами — соколами, орлами, ястребами и т. д.

¹²³ *Эпизод с охотой на козу* окружает очень реальный момент из жизни Тимура, его необыкновенное личное удастье ореолом магии: Тимур совершает на охоте подвиг, которого не в состоянии совершить ни один из его товарищей-сверстников.

¹²⁴ Здесь дается новый вариант (см. прим. 65) генеалогии Тимура в изложении его отца, амира Тарагая:

Автобиография Тимура

Генеалогия полна мифологем и исторических несообразностей: 1) Абуль-турк, внук Ноя, назван главным султаном турок, — наивная тенденция тогдашней генеалогии искусственно связывать турок с таким великим про-роком «правоверных», как Ной; 2) татары и монголы получают двух искусственных родоначальников — праправнуков Ноя, — обычная для народов древности и Средневековья персонификация племен и народно-стей; 3) уже Могол и Татар были служителями ислама, но уклонились от него в неверие.

Тамерлан

¹²⁵ *Пиришество-угощение* — старинная символика родового быта для установления, восстановления и укрепления родственных, дружеских и союзнических связей и отношений. Взаимные подарки, угощение у домашнего очага скрепляли близкие и хорошие связи между инородичами, превращали их как бы в сородичей.

¹²⁶ *Темучин*, по легенде, получает власть хана именно в силу своего происхождения от Кабыль-хана, к которому эта власть отошла по договору с братом, Качули-богадуром.

¹²⁷ Тимур жаждет *фактической* полноты власти, но поддерживает «легитимные» отношения с потомками Чингисхана; всю свою долгую жизнь он остается только «великим амиром», сохраняя в качестве призрачных ханов потомков Чингисхана. Рассказ о стальной доске, где вырезан договор между двумя братьями, Кабыль-ханом и Качули-богадуром, приведен именно как доказательство этого строгого «легитимизма» Тимура.

¹²⁸ *Джагатай-хан* — второй сын Чингисхана.

¹²⁹ Рассказ об обращении Кара-Джар-нойона в ислам носит агиографическую окраску: 1) «герой» ищет правой веры, пылливо расспрашивает всякого, знающего такую веру; 2) один сайид приводит веские доводы в пользу правоты ислама; 3) Кара-Джар-нойон размышляет над доводами сайида, просвещается верою; 4) произносит основную формулу исповедания ислама; 5) получает веру в Посланника Аллаха, в халифов «правого пути»; 6) начинает следовать шариату; 7) заботится об обращении своего народа в ислам. Легендарность рассказа доказывается обильными параллелями из жизни других народов; довольно близко к рассказу о Кара-Джар-нойоне подходит рассказ «Повести временных лет» о крещении русского князя Владимира после предварительного испытания вер, после беседы с греческим философом.

¹³⁰ Теперь рождение Тимура датируется уже 730 годом хиджры, т. е. 1330 годом н.э.

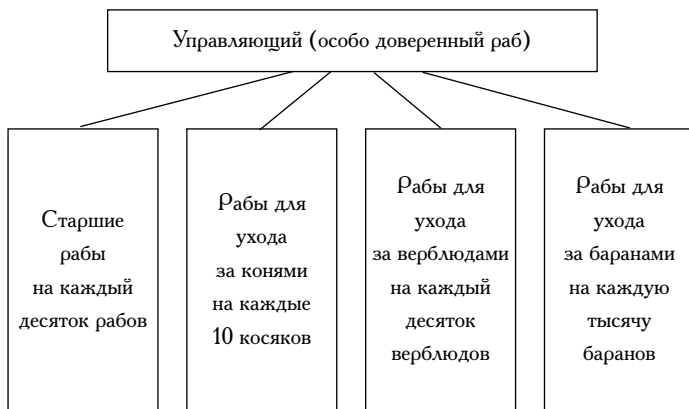
Автобиография Тимура

¹³¹ Амир Куляль называет Тимура турком, тогда как один из его предков зовется Кара-Джар-нойон (нойон — владетельный князь монголов); Тимур принадлежал к отуреченному монгольскому племени Барлас.

¹³² Год, кратный семи, т. е. священному числу, считался счастливым, урожайным.

¹³³ Организация хозяйства Тимура, т. е. типичного восточного феодала. Здесь приводятся любопытные детали: рабы, кони, верблюды, бараны соединяются в числовые группы: рабы — в десятки, лошади — в косяки, верблюды — в десятки, бараны — в тысячи. Тимур выступает здесь в роли искусного организатора хозяйства. Десятикратное число, как принцип хозяйского распорядка, очень любопытно; оно говорит, что любитель мистики и магии одновременно — очень практичный и точный хозяин.

СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ

1 косяк = 20 лошадям.

Тамерлан

¹³⁴ *Жертвы* — «Вы получите за принесенных в жертву животных многочисленные выгоды в определенное время; потом место жертв будет в древнем доме (Кааба в Мекке)... Мы назначили верблюдов для служения при жертвенных обрядах; за это вы также получите другие выгоды. Так произносите имя Аллаха над теми, которых вы будете закалывать; они должны стоять прямо на трех ногах привязанными за четвертую; когда жертва пала, ешьте ее и давайте ее тому, кто будет доволен тем, что ему дадут, а также тому, кто просит... Мясо и кровь жертв не идут к Аллаху, но восходит к нему ваше благочестие» (*Коран, XXII сура, 34, 37, 38 аят*).

Жертва, по Корану, назначается только Аллаху; позднее ее стали приносить, по мере расширения магического круга, душе Мухаммеда и четырех халифов «правого пути».

¹³⁵ Наконец-то «Автобиография» отмечает «экономику» — факт сильного подорожания предметов первой необходимости в связи с опустошительными действиями войн и неблагоприятными метеорологическими условиями; факт показан в орнаменте филантропии просвещенного деспота, который печется исключительно о благе народа.

¹³⁶ По другим данным, амир Казган был очень жестокий правитель и погиб от заговора недовольных им амиров. Казган в «Автобиографии» пропущен через призму личной приязни Тимура к Казгану, нарисован как милостивый и справедливый, хотя и слабый правитель.

¹³⁷ Военный слет товарищей-сверстников; корпорация военных заговорщиков здесь построена не только по возрастному признаку, но цементируется и совместным пребыванием в школе.

¹³⁸ Здесь разумеется совет амиров; см. прим. 19, 6.

¹³⁹ «Да будут над ним мир и молитвы».

¹⁴⁰ Молитвенная формула носит ярко выраженную магическую окраску.

Автобиография Тимура

¹⁴¹ Любопытный прием умиротворения мятежников — одарить их подарками; вообще подарки — магический способ заручиться союзниками или содействием высших сил, своеобразный выкуп за это содействие со стороны других лиц.

¹⁴² Здесь Хорасан поставлен ошибочно вместо Герата.

¹⁴³ *Беспечный сон* в эпизоде с Бакыром характерен для людей той эпохи, коварных и беспечных одновременно; даже сам Тимур не был иногда свободен от беспечности.

¹⁴⁴ *Улан* (буквально: «юноша») — так назывались члены ханских семейств из линий, не восходивших на престол.

¹⁴⁵ 700 год хиджры (1301 год н.э.) здесь явно ошибочен.

¹⁴⁶ Фраза, разрывающая цельный рассказ о заговоре против амира Казгана, похожа на маргинальную заметку, внесенную в текст впоследствии.

¹⁴⁷ *Кольчуга* — металлическая одежда из колец для защиты от меча, стрел и копий — обычна для рыцарского и воинского вооружения на Востоке так же, как и на Западе.

¹⁴⁸ *Женщины* — существа низшие по отношению к мужчинам. Вот что говорит Коран:

1. «Мужья имеют степень выше своих жен» (*III сура, 228 аят*).

2. «Мужчины выше женщин по причине качеств, которыми Аллах возвысил их перед ними» (*IV сура, 38 аят*).

Эти существа несовершенные (*XLIII сура, 17 аят*), созданные для мужчин (*XXX сура, 20 аят*), но полные хитростей (*XII сура, 28 аят*).

Правила «домостроя», изложенные в Коране, говорят: «Мужчины свое имение употребляют на награждение женщин; добродетельные женщины послушны и покорны; они заботливо сохраняют во время отсутствия мужей то, что Аллах велел сохранять в целости (т. е. избегают совокуплений с другими мужчинами). Браните их, когда боитесь неповиновения, отдаляйте их от ложа, бейте их; но когда они вам повинуются, не думайте оби-

Тамерлан

жать их» (IV сура, 38 аят). Несколько иное положение занимали женщины по «Богатырским сказаниям»; там изредка проявляется до некоторой степени властная, матриархальная роль женщины: таково положение матери-вдовы, красавицы-невесты или жены, знающей себе цену, могущей смело, на равных говорить с мужчинами. Такая женщина равноценна самой богатой военной и охотничьей добыче, манит какими-то таинственными неиспользованными возможностями; но и в «Сказаниях» рождение мальчика — счастье, а девочки — великое горе.

¹⁴⁹ *Развод по предписаниям Корана:*

«Те из вас, кто отвергает своих жен, говоря, что будет смотреть на них, как на матерей, те произносят позорное слово и ложь.

Те, кто отвергает жен по обыкновенному разводу (говоря: «Да будет для меня твое приданое, как материнское») и потом раскаивается в своем слове, пусть те освободят раба прежде, чем будет новое сожителство между разошедшимися супругами». (LVIII сура, 2, 4 аят).

¹⁵⁰ *Хаджи-Барлас* — амир, дядя Тимура, будто бы один из триумвиров, вместе с Тимуром владевших Самаркандом; при нашествии хакана Туклук-Тимура бежал в Хорасан; после ухода Туклук-Тимура в Джете вернулся в Мавераннахр и стал во главе феодалов, бунтовавших против великодержавных замашек Тимура; при втором нашествии Туклук-Тимура бежал за Амударью и город Карша-Джуси в Хорасане; там погиб в борьбе с туземцами.

¹⁵¹ *Пьянство и вино* резко осуждены Кораном: «О верующие! вино, азартные игры, камни, где возливают масло, и гадание по стрелам — мерзости, придуманные шайтаном; удержитесь от них, и будете счастливы. Шайтан желает возбудить между вами ненависть и недружелюбие через вино и игру и удалить вас от Аллаха; неужели вы не удержитесь?» (V сура, 92, 93 аят).

Потому-то Тимур, как строгий «правоверный», не щадит резких выражений по отношению к Баян-Сальдуру.

Автобиография Тимура

¹⁵² Здесь чрезвычайно отчетливо нарисовано феодальное раздробление Мавераннахра на ряд крупнейших землевладений. Каждый названный здесь феодал очень похож на графов средневековой Франции или герцогов средневековой Германии, обладает фактически полным суверенитетом в пределах своих владений. Перед Тимуром, как перед всяким объединителем расколотой на феодальные куски страны, вставала задача: добиться своей цели искусным сочетанием прямого насилия и тонкой дипломатической игры. Когда нужно, Тимур хитер и набожен, как Людовик XI Святой.

¹⁵³ *Баязид-Джалаир* — крупный феодал Мавераннахра, амир-правитель Ходжента; во время нашествия хакана Туклук-Тимура немедленно подчинился ему и, по-видимому, получил в лен Самарканд; независим от Тимура и враждебен ему: глава всех коалиций против Тимура.

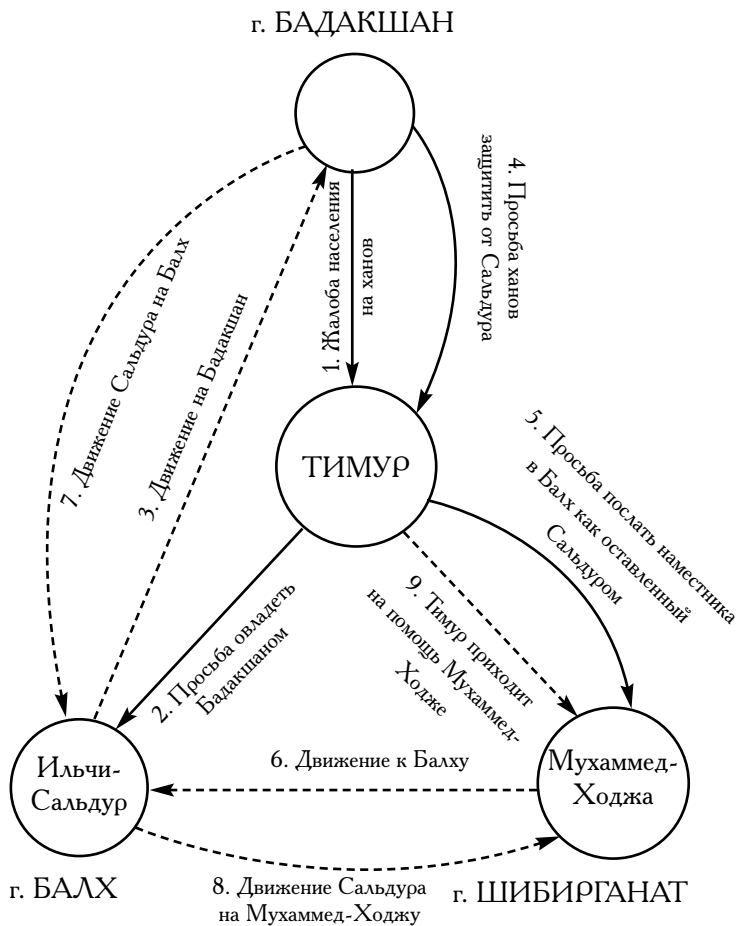
Во время второго нашествия в Мавераннахр Туклук-Тимура был убит по его распоряжению; его дочь, Арза-Малик-ага, была женой амира Мусы.

¹⁵⁴ *Кай-Хисрау-Джилян* — крупный феодал Мавераннахра, хан области Джилян до местности Хазрет-Имам, потом видный амир, служивший попеременно то амиру Хусайну, то Джете и наконец окончательно перешедший на сторону Тимура вместе с Баграм-Джалаиром и семью тысячами вспомогательных войск от хана Джете. Кай-Хисрау был женат на дочери амира Туклук-Тимура, а его дочь была сговорена за первенца Тимура, Мухаммед-Джехангира.

¹⁵⁵ *Хызр-Ясаури* — один из крупнейших феодалов Мавераннахра, владевший Самаркандской областью до Сарыпуля, потом вассал Тимура, его любимец, главный амир его воинов; в конце концов изменил своему сюзерену и неудачно боролся с ним; впоследствии держал сторону амира Хусайна, выступал посредником между ним и Тимуром и скоро умер.

¹⁵⁶ *Схема политической игры Тимура* (см. схему на стр. 228).

¹⁵⁷ *Четыре стихии мира*, из которых состоит человек и все существующее в природе в различных комбинациях: 1) земля, 2) вода, 3) воздух, 4) огонь.

Автобиография Тимура

¹⁵⁸ То есть находился под влиянием или Луны, или Муштари (Юпитер), или Зухрат (Венеры).

¹⁵⁹ *Вставочный эпизод о рождении старшего сына Тимура.* Свою собственную генеалогию, от него пошедшую, Тимур начинает с рождения старшего сына в условиях счастливого астрологически года и начала своей экспансии; как великий вассал своего верховного сюзерена, Мухаммеда, он дает тождественное имя своему первенцу, а как символ восхождения к основной жизненной цели — великое имя джехангира.

¹⁶⁰ *Джалаир*, как и Барлас, название одного из четырех великих племен (кланов) Мавераннахра, присоединяется к именам амиров, принадлежащих к этим кланам.

¹⁶¹ Новая расстановка феодальных сил в Мавераннахре: от Тимура независимы только два крупнейших феодала — Баязид-Джалаир и Хаджи-Барлас; остальные феодалы все подчиняются Тимур.

¹⁶² *Туклук-Тимур* — внук Чингисхана: обычная манера генеалогий «Автобиографии» — сближать «героя» с великим родоначальником-джехангиром.

¹⁶³ Хакан Туклук-Тимур присылает свои повелительные грамоты только трем крупнейшим феодалам Мавераннахра, совершенно не считаясь с другими: очень тонкое знание иерархии феодальных отношений и умелое практическое их оформление.

¹⁶⁴ Обычная повелительная формула, с которой обращались к вассалам завоевываемой страны на Востоке; характерно, что все население уместается в две рубрики: 1) воины (дружина, служилые люди, мелкие вассалы) — основной, главенствующий слой населения и 2) народ (невоенные, подданные).

¹⁶⁵ *Мазар* — кладбище, место погребения, место паломничества к гробницам особо чтимых шейхов и кутбов, место торжественных примирений и священных клятв.

Тамерлан

¹⁶⁶ Начало очень хитро задуманной политической комбинации Тимура.

¹⁶⁷ *Шехри-Себз* («Зеленый город») или Кешь — город в Узбекистане, был столицей Тимура в первый период его владения Мавераннахром.

¹⁶⁸ Тимур словно забывает про договор Кабыль-хана и Качули-бога-дура и принимает верховную власть над Мавераннахром.

¹⁶⁹ Здесь возобновляется эпизод об амире Хусайне, прерванный: 1) рассказом о рождении у Тимура первенца, Мухаммед-Джехангира, 2) большим рассказом о вторжении в Мавераннахр хакана Туклук-Тимура. Первая, датированная фраза показывает манеру автора «Автобиографии» отмечать разрыв в вставочными эпизодами цельного рассказа.

¹⁷⁰ Здесь начинается большой эпизод о борьбе Тимура с крупными феодалами Мавераннахра, которые всеми правдами и неправдами пытаются вернуть от Тимура свои землевладения.

Враждебные коалиции против Тимура: 1) Баян-Сальдур; 2) Баян-Сальдур и амир Туклук-Тимур; 3) Хаджи-Барлас и амир Баязид-Джалаир; 4) переход амиров Хызр-Ясаури и Джагуй-Барласа на сторону Хаджи-Барласа; 5) шейх Али-Джар-Джари.

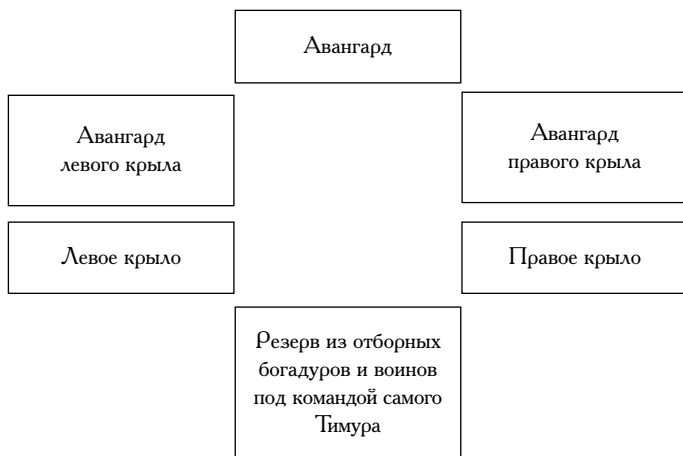
Таким образом, против Тимура восстают и родственники (Барласы), и бывшие триумвиры, и преданные амиры (Хызр-Ясаури и шейх Али-Джар-Джари), и обиженные прежние правители Мавераннахра (Баязид-Джалаир); ничто не помогает: ни «священные» родственные узы, ни магическая сила подарков, ни оказанные раньше услуги, — все «перелетают» постоянно с одной стороны на другую — от Тимура к его врагам и обратно. Перед «перелетами» бессильна сейчас даже прославленная хитрость Тимура.

¹⁷¹ *Амира Туклук-Тимура* нужно резко отличать от хакана Джете, Туклук-Тимура.

¹⁷² *Железные ворота* около Термеза, на правом берегу Амударьи.

¹⁷³ Обычное расположение воинов Тимура в отрядах до 12 000 человек включительно.

Автобиография Тимура

¹⁷⁴ Дальнейшая судьба амира Хызра, по «Автобиографии», очень неясна; как будто он выступает впоследствии посредником между Тимуром и амиром Хусайном; потом как будто отмечен факт его смерти.

¹⁷⁵ 763 год хиджры (1362 г. н.э.) — здесь приближается к истине, если учитывать данные других источников о Тимуре.

¹⁷⁶ Здесь начинается большой эпизод с вторичным вторжением в Мавераннахр хакана Джете.

¹⁷⁷ Тимур похож здесь на другого честолюбца, основателя Ахейского союза в Древней Элладе, Арата, который для сокрушения своих личных врагов призвал в Элладу македонцев.

Аргументация Тимура любопытна. Первая посылка — всякий его политический соперник — жестокий и несправедливый тиран; вторая посылка — истребить тиранов — необходимое условие, чтобы получить ми-

Тамерлан

лость Аллаха и радости в раю после смерти; вывод — необходимо для умилоствления Аллаха истребить всех своих врагов.

¹⁷⁸ *Пир* (буквально: «старец») — название святого, духовного наставника и руководителя у «правоверных». Здесь под пиром разумеется шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади.

¹⁷⁹ Рассказ противоречит данным первой части «Автобиографии», где спасительницей козленка названа мать Сабук-Тагина.

¹⁸⁰ *Хайвак* — Хива.

¹⁸¹ Эпизоды: 1) боя с Тугуль-богадуром, 2) странствий по степям Туркменистана и 3) пребывания в тюрьме у Али-бега Джаны-Курбаны заслуживают внимания своей композицией. *Первый* эпизод — единоборство шестидесяти головорезов с тысячным отрядом правителя Хорезма — полон эпических мотивов: 1) личное удайство Тимура, амира Хусайна, амиров Барласа и Сайф-эд-дина; 2) перерыв боя для намаза «аср»; 3) участие в бою женщин, жен Тимура и амира Хусайна. *Второй* эпизод, странствие по степям Туркменистана, построен на основе антитез: маленькое счастье сменяется большим несчастьем или, наоборот: 1) преследование пятьюдесятью воинами Тугуль-богадура шайки из семи человек, 2) кража лошадей, 3) драка с туркменами и неожиданное спасение в самый опасный для Тимура миг в виде чудесного, провиденциального появления знакомого несчастному владыке Мавераннахра туркмена. *Третий* эпизод, тюрьма у Джаны-Курбаны, тоже строится на игре антитез: 1) ужасы ямы, наполненной насекомыми; 2) размышления Тимура о том, как выбраться на белый свет; 3) хитрость и лихое удайство Тимура; 4) чудесное появление письма от Мухаммед-бега Джаны-Курбаны как раз в момент освобождения Тимура из тюрьмы.

¹⁸² *Сайф-эд-дин Никудерийский* — амир, наиболее преданный вассал Тимура, лихой удалец; приходит к нему на помощь в долине Арсаф, выделен Тимуром для важных военных операций под Самаркандом против войск

Автобиография Тимура

Джете, в числе трехсот сорока богадуров сопровождает Тимура в лихом походе против амира Хусайна для отвоевания Карши.

¹⁸³ *Намаз «аср»* — см. прим. 34.

¹⁸⁴ *Дильшат-ага*. «Ага» значит «госпожа», — почетный титул женщин высокого положения в феодальном обществе Востока.

¹⁸⁵ *Оружие*. — В «Автобиографии» и в «Богатырских сказаниях» нет указания на огнестрельное оружие; зато постоянно упоминаются: 1) меч; 2) праща; 3) лук и стрелы; 4) пики; 5) палица; 6) батик. Нет никаких указаний на то, чтобы военная машина заслоняла и отдаляла воинов друг от друга, лишала возможности проявить личные качества — храбрость, хитрость, коварство, ловкость, преизбыток физической силы; совсем нет характерного для современной войны боя с невидимым и неведомым противником.

¹⁸⁶ *Длина пути* измеряется, как обычно в степи или пустыне, дневными переходами.

¹⁸⁷ Очень характерно подчеркнуто исключительно количественное различие между отрядом войска и шайкой разбойников.

¹⁸⁸ Таковы законы гостеприимства в родовом обществе; недавние враги делаются друзьями-кунаками, находятся под покровительством хозяев, пьют-едят вместе с ними, а совместная еда-питье символизирует приязнь и крепкую дружбу.

¹⁸⁹ *Юзбаши* — сотник.

¹⁹⁰ *Каляндар* — персидское слово, значит «нищенствующий монах»; ходить в одежде каляндара — лучший способ конспирации в те времена, а также лучшая манера для шпионов и лазутчиков; нищенствующие монахи, как и на феодальном Западе, очень чтились набожными феодалами Востока, амирами и богадурами.

¹⁹¹ *Выход навстречу* — магический символ установления и восстановления дружеских связей.

Тимерлан

¹⁹² *Феодалное владение*, как и на Западе, означает не только военную власть, но и право на доходы с населения страны; *condominium*, конечно, вынужденное, с амиром Хусайном опять подчеркивает очень затруднительное положение Тимура.

¹⁹³ *Сеистан* — область на границе Афганистана и Персии.

¹⁹⁴ *Гурийцы* — племя в Афганистане.

¹⁹⁵ *Шир-Баграм-Джалаир* — яркая фигура амира-военачальника, советника и перебежчика от Тимура к амиру Хусайну и обратно.

¹⁹⁶ Вассал, как и на Западе, дает торжественное обещание всегда верно служить своему сюзерену.

¹⁹⁷ «Пощады! пощады!»

¹⁹⁸ *Каманд* — приспособление наподобие сети из веревок или цепочек, которым всадник в одиночном бою опутывал противника и стаскивал с лошади. При штурме крепостей осаждающие забрасывали каманд на зубцы стен крепости и с его помощью вскарабкивались на стену.

¹⁹⁹ Схема расположения войск Тимура в битве с сеистанцами:

Автобиография Тимура

²⁰⁰ *Долина Арсаф* — переломный пункт в раннюю (мавераннахрскую) эпоху жизни Тимура от крайнего унижения к большой славе, — окружена магией: счастливыми гаданиями и вещим голосом из «мира тайн».

²⁰¹ *Припадать к стремени* — характерная символика феодального Средневековья, знак радостного почтения вассала к сюзерену.

²⁰² *Кундуз и Бадакшан* — города в теперешнем Афганистане.

²⁰³ *Состав коалиции, созданной Тимуром против Джете:*

1) Тимур-Ходжа-Углан и амир Магди-бег; 2) Сиддык-Барлас; 3) Кыранджи-богадур; 4) Кутлук-Ходжа-Барлас, амир Сайф-эд-дин Никудерийский и Тунг-богадур; 5) Шир-Баграм-Джалаир; 6) Хаджи-Барлас и амир Хусайн; 7) Али и Махмуд-шах-Кабули, владельцы Кундуза и Бадакшана; 8) амиры Сулейман, Джагуй-Барлас, Муса, Джелал-эд-дин и Хинду-шах.

Большинство союзников — представители клана Барлас, из которого происходил и сам Тимур, т. е. связаны с ним близкими или дальними родственными узами. Тимур как бы возглавляет барласов в борьбе против тирании Джете в родном Мавераннахре.

²⁰⁴ *Схема военных операций Тимура против войск Джете.*

1. Концентрация союзников Тимура в долине Арсаф.
2. Отказ правителя крепости Дуладжун, Бугай-Сальдура, присоединиться к коалиции против Джете.
3. Неудачная рекогносцировка Тамук-богадура среди войск Джете.
4. Наступление войск Джете: три амиры овладевают окрестностями Термеза и Балха.
5. Бой трех амиров Джете с Тимуром на берегу реки Джайхун; победа Тимура.
6. Удачный набег амиров Джете на стоянку Тимура у Джайхуна; Тимур переправляется на другой берег Джайхуна.
7. Месячная стоянка амиров Джете и Тимура по обеим сторонам Джайхуна; уход войск Джете. Тимур торжествует победу и переходит в местность Хульм.

Тамерлан

8. Тимур захватывает *Кундуз* и *Бадакшан*; приход в область *Джиляны*, стоянка в местности *Кульмак*.

9. Нерешительный бой с Джете в *Кульмак*.

10. Победа над амирами *Ильяс-Ходжи* в местности *Кий*.

11. Движение Тимура к *Ходженгу*; захват *Самарканда*.

12. Сражение с войсками *Ильяс-Ходжи* в местности *Бад*, неудачное для Тимура вследствие нерешительности амира *Хусайна*.

13. Отступление Тимура после битвы при *Баде* к *Кеши*.

14. Поражение амиров Тимура; отступление Тимура в сторону *Балха* и остановка на берегу реки *Джайхуна*.

15. Военные операции около *Самарканда*...

16. [Уход войск Джете из *Мавераннахра* в улусы].

²⁰⁵ «Пацифизм» Тимура — один из бесчисленных вариантов его хитрости; аргументация — очень интересна: весь род человеческий признается цельным организмом, война одной части людей против другой равносильна самоистреблению, самоубийству; следовательно, война не нужна.

²⁰⁶ Здесь дается цифра, уточненная сравнительно с прежней «тысячей всадников»; автор очень тонко отличает слухи от действительности.

²⁰⁷ «Помоги, Аллах!»

²⁰⁸ Эпизод, сходный со «стоянием» на реке *Угре* в 1480 году *Ивана III Московского* и *Ахмата*, хана *Золотой Орды*; совершенно одинакова психология Тимура и *Ивана III*, которые «перестояли» противников и сочли себя победителями.

²⁰⁹ *Хульм* — город в северной части *Афганистана*, около *Кундуза*.

²¹⁰ *Фарсанг* — мера длины в один час езды малой рысью, т. е. около 6—7 километров.

²¹¹ *Аль-ферар* — арабское слово, значит: «бегство войска».

²¹² *Кий* — местность по *Заравшану*, немного ниже *Самарканда*.

Автобиография Тимура

²¹³ Обычай *кровной мести*, характерный для племенного быта, полностью царит в нравах эпохи Тимура.

²¹⁴ *Расположение войск Тимура в сражении с Ильяс-Ходжей в местности Бад.*

²¹⁵ *Шамс-эд-дин* значит собственно: «Солнце веры».

²¹⁶ *Ядачи* — шаман, призыватель дождя заклинаниями; «реальность» действий ядачи (прекращение дождя после убийства ядачи) указывает, как твердо верили в силу магических заклинаний все люди Мавераннахра и Джете, включая самых высоких правителей.

²¹⁷ Здесь непонятный интервал между комплексом эпизодов борьбы с Джете и борьбы с амиром Хусайном; из «Автобиографии» не совсем ясно, чем же кончилась борьба Тимура с хаканами Джете.

²¹⁸ *Кепек-хан-магмурассы* значит: «город, построенный Кепек-ханом», джагатайским ханом XIV века н.э.

²¹⁹ Тимур делает Карши своей столицей; он, искусный военачальник, заботится об укреплении города крепостными стенами, но, крупный строитель-художник, он и украшает свой город новыми зданиями; такую же деятельность Тимур развил впоследствии в своей главной столице, Самарканде.

Тамерлан

²²⁰ *Силлогизмы Шир-Баграм-Джалаира* характерны для обстановки, в которой «великий амир» вращался в ранний, мавераннахрский период своей деятельности, характерны своим житейским рационализмом, который как-то очень мирно уживался с магией и суеверием. Силлогизмы интересны не только по существу, но и своеобразной формой своих посылок, как образчик мышления той эпохи.

²²¹ *Каит* — город в Восточной Персии.

²²² *Схема военных операций Тимура против амира Хусайна.*

1. Измены ряда амиров Тимуру и «перелет» на сторону амира Хусайна; измена Тимуру правителя Самарканда, Кара-Хинду.

2. *Рекогносцировка* амира Сайф-эд-дина из Карши (основная база военных операций Тимура) в *Джеханы*.

3. Бой Тимура с засадой эмира Хусайна в долине Кичик-бега.

4. Тимур идет к санджарам, в это время амир Хусайн и Хинду-шах занимают столицу Тимура, Карши.

5. Тимур в *Шурабе* концентрирует свои силы против амира Хусайна.

6. Тимур, переправившись через Джайхун, проходит через местность Азсанат, город Саркенд по направлению к Карши.

7. Тимур после отчаянного сопротивления сына амира Мусы штурмом берет Карши.

8. Удачный для Тимура бой под стенами Карши; Тимур преследует разбитого амира Мусу до Кизыл-тога.

9. Тимур возвращается на зимовку в Кешь, посылает отряд для операций в Бухару.

10. Бои: 1) близ Карши, 2) в степи Кузи, 3) с Чакыр-богадуром у Самарканда.

11. Разгром в *Джехан-шахе* воинов Малик-богадура.

12. Примирение с амиром Хусайном на «мазаре» Али-ата.

²²³ *Клятва амиров на Коране и мече* равносильна клятве на кресте и мече у феодалов Запада, особенно у рыцарей-монахов эпохи крестовых походов.

Автобиография Тимура

²²⁴ *Исаак*, сын Авраама, — пророк «правоверных».

²²⁵ *Эпизод с караваном* важен для характеристики торговли в эпоху Тимура: 1) торговля носила главным образом караванный характер на верблюдах; 2) большой караванный путь шел из Хорасана в Карши; 3) в условиях непрерывного военного времени, при постоянных разбойничьих налетах, торговые караваны страдают отдвигающихся туда и сюда вооруженных людей и вынуждены откупаться от них большими взятками, своего рода процентным отчислением со стоимости каравана; 4) при несовершенстве связи того времени караваны служили целям своеобразного осведомления всех встречных по пути людей о положении дел и странах, откуда караван вышел и через какие проходил.

²²⁶ Здесь игра слов: *Муайяд* — арабское слово, значит: «получивший мощь»; тут в тексте «Автобиографии» ярко подчеркнута вера в магию имени.

²²⁷ Снова игра слов: *Теваккуль* — арабское слово, значит: «упование на Аллаха»; пишется так же, как имя Тугуль; здесь опять вера в магию имени.

²²⁸ Среди феодалов Востока, как и на Западе, вращались сказители древних былин, поэты и певцы; феодальному окружению Тимура хорошо знакомы и дороги воспетые певцами подвиги древних былинных богатырей, перекликающиеся с подвигами двух современных богатырей из отрядов Тимура и амира Хусайна. Поединки выдающихся богадуров всегда привлекали внимание феодальной знати и порождали новую былинную и сказочную поэзию.

²²⁹ *Рустем* — славнейший персидский богатырь, герой поэмы в 17 000 стихов «Шахнаме» (буквально: «Книги о царях»), составленной в 957—978 гг. н.э. знаменитым поэтом Фирдоуси. Рустем принимает самое горячее участие в ожесточенной борьбе Ирана с Тураном. В первом же бою Рустем хватает царя Эфрасиба за пояс, но пояс разрывается, царь убегает, и война затягивается до бесконечности.

Тамерлан

²³⁰ *Исфендиар* — герой поэмы «Шахнаме» (см. предыдущее прим.), один из главных борцов за религию Зороастра против нечестивого Турана; рядом изумительных подвигов он заканчивает безмерно затянувшуюся войну. Отец посылает его на бой с Рустемом. Тот с помощью волшебных сил поражает Исфендиара, но скоро гибнет и сам.

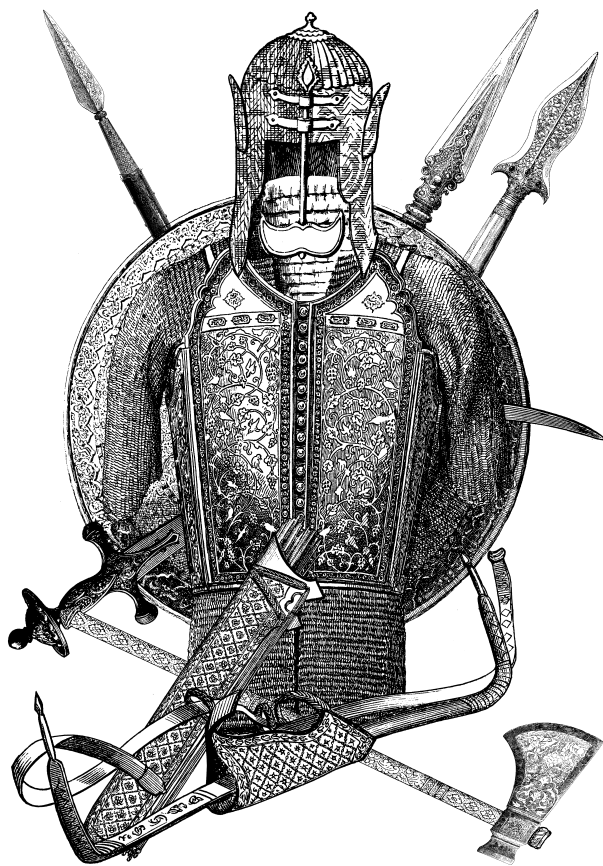
Сказом былин о Рустеме и Исфендиаре мекканский поэт Надр-ибн-Харис отвлекал слушателей от самого Мухаммеда.

²³¹ *Аталык* (буквально: «воспитатель»). — Новорожденного сына хана отдают в другую семью на воспитание. Аталык обязан вскормить ребенка, выучить верховой езде, стрельбе, перенесению голода, лишений и опасностей. При наступлении совершеннолетия аталык дарит своему питомцу коня, одежду и оружие и возвращает его в родительский дом. Семья аталыка считается родственной семье своего питомца.

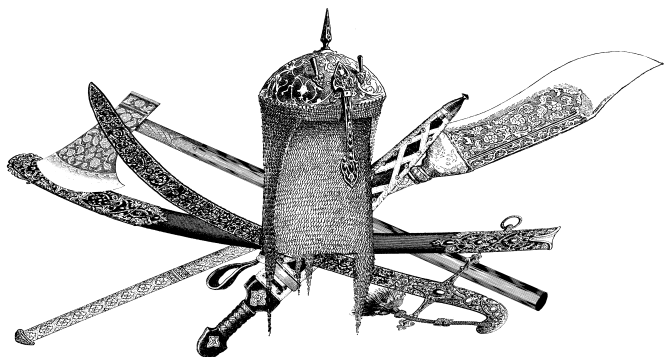
²³² Отнять пояс на поле битвы — магический символ захвата власти, принадлежащей амиру, который владел раньше этим поясом.

²³³ *Могольское знамя*, — знамя Джете.

²³⁴ *Коран* здесь служит могучим магическим талисманом, храня в себе невидимые следы клятвы, принесенной на нем в другом месте.

Уложение Тимура

Часть первая Замыслы и деяния

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!

Таковы были правила, которым я неуклонно следовал для того, чтобы завоевывать страны и покорить вселенную, побеждать армии, захватывать врасплох своих противников, склонять на свою сторону тех, которые противились моим намерениям, словом — для того, чтобы поступать безошибочно по отношению к друзьям и врагам. Мой духовный наставник написал мне следующие слова: «В управлении своим государством Абул-Мансур-Тимур должен использовать четыре основных принципа: обдуманный расчет, разумную решительность, выдержанную стойкость и постоянную осмотрительность. Государь, не имеющий ни четкого замысла, ни рассудительности, похож на безумца, все слова и действия которого суть

Тамерлан

только заблуждение и беспорядочность, они порождают лишь стыд и угрызения совести. Для тебя же будет гораздо лучше вести все дела управления государством с осторожностью и мудрой обдуманностью, чтобы избежать в будущем раскаяния и бесплодных сожалений.

Знай, что искусство управлять состоит частью из терпливости и твердости, частью из притворной небрежности, что оно — в умении казаться не знающим того, что знаешь.

Никакое предприятие не может быть трудным для того, кто обладает даром соединять с мудростью расчетов терпение, твердость, устремленность, осмотрительность и мужество. Прощай».

Это письмо было для меня руководством в моих поступках; оно убедило меня в том, что совет, благоразумие, обдуманность вдесятеро полезнее в политике, чем сила оружия. Ибо, как говорят, благоразумие может завоевывать царства и побеждать армии, не поддающиеся мечу воинов. Что касается меня, то я убежден, что испытанный воин, соединяющий все эти качества, гораздо предпочтительнее тысячи других, обладающих одною только силою, ибо он может руководить тысячею тысяч таких воинов. Опыт показал мне, что победа и поражение нисколько не зависят от численности сражающихся, — они зависят от помощи Всемогущего и от благоразумия наших поступков. Я сам — пример этому.

Я шел во главе двухсот сорока трех человек к укреплению Карши, предварительно хорошо обдумав план своих действий. Двенадцать тысяч всадников, предводительствуемых ами-

Уложение Тимура

ром Мусой и Малик-богадуром, частью составляли гарнизон этой крепости, частью же защищали ее окрестности; но с помощью Аллаха и при посредстве разумных действий я овладел этим укреплением.

Тогда амир Муса и Малик-богадур выступили со своими двенадцатью тысячами всадников и стали осаждать меня; но полный веры в имя Всевышнего, я противостоял им с проворством и осторожностью, и несколькими нападениями, сделанными успешно и вовремя, мои двести сорок три воина разбили двенадцать тысяч всадников, а потом еще и преследовали их в течение какого-то времени.

Опытность научила меня и тому, что, хотя течение событий и скрыто покровом рока, мудрый и разумный человек не должен пренебрегать расчетами, предусмотрительностью и дальновидностью. Вот почему, сообразуясь с досточтимыми словами Пророка, я никогда не приступал к исполнению какого-либо предприятия, не обдумав его заранее.

В обществе моих советников я обсуждал хорошие и дурные стороны удачного или неудачного исхода задуманного предприятия, которое я был волен исполнить или оставить. Выслушав мнение каждого из них, я рассматривал его со всех сторон; я сопоставлял в нем пользу с вредом; внимательно отыскивал все скрытые опасности; замысел, при исполнении которого могла бы возникнуть двойная опасность, отвергался для того, чтобы избрать тот, в котором я видел только одну.

Руководимый именно такой мыслью, я как-то подал совет Туклук-Тимуру, хану Джете.

Тамерлан

Его амиры подняли знамя восстания в Джете; он просил у меня совета и я отвечал ему: «Если ты пошлешь войско, чтобы прогнать и истребить восставших, то две опасности тебе угрожают; но только одна из них будет угрожать тебе, если ты будешь предводительствовать войском лично». Он мне поверил и случившееся подтвердило мое предсказание¹.

Я не затевал ни одного предприятия, предварительно не посоветовавшись со знающими людьми, а, приводя его в исполнение, я ничего не предоставлял случаю; прежде чем начать действовать, я обдумывал, какой оно может иметь исход, и, употребляя попеременно ловкость, благоразумие, твердость, бдительность и предусмотрительность, я завершал его успешно.

Опыт показал мне, что стоящий замысел как правило возникает только у тех людей, действия которых не противоречат их словам, которые, раз приняв решение, не оставляют его по какой бы то ни было причине и никогда не возвращаются к замыслу, раньше ими отвергнутому.

Я различал два вида совета, один — исходящий из уст, другой — из глубины сердца. Я благосклонно внимал говору уст, но только то, что я слышал исходящим из сердца, оставалось в моих ушах (для того чтобы я мог воспользоваться этим).

Когда дело шло к отправлению войска в поход, я обдумывал, выбрать ли все же войну или мир. Я выпрашивал об этом моих амиров; если они предлагали мир, я сравнивал его приятность с трудами войны; если, напротив, они склонялись к войне, я сравнивал ее пользу с невыгодами мира. В конце концов я всегда принимал наиболее выгодное решение.

Арабский караван.
Миниатюра к Харири. Рукопись в Каире

Тамерлан

Я отвергал всякое решение, способное разделить войско. Я позволял говорить советчику, робко произносившему свою речь, но внимательно прислушивался к словам человека, который выражался рассудительно и твердо.

Я принимал все советы, но во всяком мнении заботливо различал хорошие и дурные стороны и останавливался только на разумном и полезном.

Когда Туклук-Тимур, потомок Чингисхана, перешел реку Ходжент², намереваясь завоевать Мавераннахр, и потребовал, чтобы мы, я и амир Хаджи-Барлас и Баязид-Джалаир³, пришли и соединились с ним, то эти последние спросили у меня совета, говоря: «Нужно ли нам укрыться в Хорасане с нашими семействами и ордой или же идти и присоединиться к хану Туклук-Тимуру»? Я отвечал им: «Вас ждут две выгоды и одна опасность, если вы отправитесь к Туклук-Тимуру; но если вы убежите в Хорасан, то встретите две опасности против одной выгоды».

Они отвергли мой совет и направили свой путь к Хорасану. Я же, имея выбор — идти в эту страну или повиноваться приказанию Туклук-Тимура, колебался.

Пребывая в нерешительности, я прибегнул к мудрости моего духовного наставника, и вот его ответ: «Следующий вопрос был предложен однажды четвертому халифу Али (преисполни его Бог славой и милостью!). “Если бы твердь небесная была луком, тетивой которого была бы земля, если бы козни были бы стрелами, имеющими целью детей Адама, а сам Аллах, Величайший и Высочайший, был стрелком, то где не-

Уложение Тимура

счастливые смертные могли бы найти убежище?» “Именно возле самого Аллаха люди должны были бы укрыться” — отвечал халиф. Так и тебе нужно сейчас же идти и отыскать Туклук-Тимура и заставить его выронить из рук лук и стрелы».

Это письмо укрепило мое сердце; я отправился в путь и явился к хану. Во всех делах, требовавших обсуждения, я извлекал из Корана предзнаменование, руководившее моим поведением⁴. Прежде чем подчиниться приказаниям Туклук-Тимура, я открыл священную книгу, и мне выпала глава об Иосифе (да будет Бог милостив к нему!)⁵. Я поступил тогда согласно с указаниями Корана.

Замысел,⁶ возникший у меня перед встречей с ханом Туклук-Тимуром

Вот замысел, который возник у меня перед одной из встреч с Туклук-Тимуром. Я хорошо знал, что Туклук-Тимур послал в Мавераннахр три отряда под предводительством Бикчека, Хаджи-бега из племени Арканат и Олугток-Тимура из племени Карит с целью разорить эту страну. Эти предводители расположились лагерем близ Хизара; я решил пойти к ним и преподнести дары, достаточные для того, чтобы прельстить их и отсрочить разорение и опустошение Мавераннахра до моего свидания с Туклук-Тимуром.

Мое могущество ослепило амиров; они приняли меня с уважением и почтением; их сердца смирились, их глаза были ослеплены, а великолепие моих подарков довершило их подкуп, и они перестали опустошать страну.

Тамерлан

Тогда я не замедлил явиться перед ханом, который принял приход мой за счастливое предзнаменование: он часто советовался со мной и всегда следовал моим советам.

А между тем ему доносят, что его амиры вымогали у жителей Мавераннахра денежные суммы; он приказывает возвратить эти суммы и поручает своим людям проследить за возвратом. В то же время он запрещает этим амирам входить в Мавераннахр и лишает их предводительства над войском. Взамен предводителями его отрядов становятся Хаджи-Барлас и Махмуд-шах-Кабули из племени Елур.

Уведомленные об этом распоряжении, опальные амиры удаляются и поднимают знамя восстания; в это же время они встречают Тимур-Ходжа-Углана, главу совета и первого советника хана; склонив его на свою сторону, они вместе направляются в Джете.

Тем временем Туклук-Тимур узнает, что его амиры напали на деревню Кипчак.

По моему совету, возмущенный государь направил свой путь к государству Джете. Он поручил мне управление Мавераннахром, дав письменно все необходимые полномочия, к этому он присоединил еще десяти тысячный отряд, которым предводительствовал амир Карочар-Нувиан; таким образом вся страна до вод Джайхуна стала мне подвластною.

Таково было мое намерение, которое я и исполнил еще в самом начале моего возвышения; и опыт убедил меня, что хорошо продуманный замысел несравненно действеннее сто тысячного отряда воинов.

Уложение Тимура

Замысел, озаривший истоки моего царства

Вот второй замысел, возникший у меня в начале моих успехов.

Когда Туклук-Тимур⁷, вопреки своим обязательствам, снова привел войско в Мавераннахр, он отнял у меня управление этой страной, чтобы отдать его в руки своего сына Ильяс-Ходжи, а меня поставить главнокомандующим и советником молодого правителя, что соответствовало договору, состоявшемуся между Качули-богадуром и Кабыль-ханом, его и моими предками⁸. Из уважения к этому договору я передал управление страной новому правителю и стал предводителем его войска.

Когда узбеки⁹ стали совершать в Мавераннахре величайшие жестокости и творить невыносимые притеснения (семьдесят сайидов¹⁰ или сыновей сайидов были брошены в оковы), Ильяс-Ходжа, потерявший всякую власть, не был в состоянии прогнать этих разбойников и остановить их неистовства. Что касается меня, то я, стремясь приобрести доверие, стремительно ринулся на узбеков и освободил притесняемых из рук притеснителей. Это стало причиной возмущения военных предводителей Ильяс-Ходжи и самих узбеков. Туклук-Тимур написал, что я поднял знамя восстания; хан, будучи слишком доверчив, послал приказание умертвить меня, но это послание попало в мои руки. Видя всю величину опасности, я собрал вокруг себя храбрую молодежь из племени Барлас¹¹, которую я привлек на свою сторону. Первым, принесшим мне клятву

Тамерлан

повиноваться, был Ингу-Тимур, вторым — амир Джагуй-Барлас. Затем и другие храбрецы, побуждаемые движением своего сердца, добровольно стали под моим знаменем. Когда жители Мавераннахра узнали, что я решил напасть на узбеков, знать и простой народ не замедлили присоединиться ко мне. Многие предводители орд также присоединились ко мне в этом предприятии.

Ученые и высшее духовенство Мавераннахра обнародовали постановление, призывающее к изгнанию и ниспровержению узбеков. Содержание этого постановления было следующее: «По примеру халифов¹² правого пути (пусть будет Аллах милостив к ним!), воины, народ и духовенство, в знак уважения к великим достоинствам Тимура, Полярной звезды могущества, возводят этого амира на престол. Они обещают не щадить своей жизни на то, чтобы победить и изгнать из своей страны узбеков, этих ненавистных притеснителей, которые простерли свои жадные руки не только на имущество и владения, но даже на честь и законы мусульман. Мы клянемся соблюдать условия этого договора. Если когда-нибудь мы нарушим эту клятву, то пусть мы потеряем покровительство Всевышнего и подпадем из-под Его власти под власть сатаны!» При виде этого постановления я возгорел желанием начать войну и двинуть войска на узбеков, чтобы несчастные смогли отомстить своим тиранам; но изменники, узнав о моих намерениях, помешали мне.

Я подозревал, что если бы я сам остался в Самарканде, начав войну с узбеками, то жители Мавераннахра могли бы нарушить свое слово. Поэтому я решил оставить город и ждать

Уложение Тимура

в горах, пока союзники присоединятся ко мне, чтобы иметь возможность со значительными силами выступить на врага.

Уезжая из Самарканда, я имел не более шестидесяти всадников в своей свите. Я решил идти к Бадакшану, чтобы заключить союз с правителями этого города. По пути я навестил благочестивого пустынника амира Куляля, который благоволил лично подсказать мне тот образ действий, коему я должен был следовать; он советовал мне обратить особое внимание на Хорезм, а я обещал ему годичный доход с Самарканда, если мне посчастливится победить узбеков. Этот почтенный человек произнес молитву о победе¹³ и отпустил меня.

Когда я покинул амира Куляля, все мое прикрытие состояло еще только из шестидесяти всадников. Извещенный о моем прибытии в Хорезм, Ильяс-Ходжа, государь Мавераннахра, приказал Тугуль-богадuru напасть на меня и уничтожить.

Тугуль-богадур выступил в поход с тысячею всадников. Я имел тогда на своей стороне амира Хусайна, который, встретив меня на пути, присоединился ко мне. Я осмелился со своим маленьким отрядом стать против врага. Дело началось, и я сражался так храбро и с такою яростью, что из ста всадников Тугуль-богадур уцелело только пятьдесят, а из своих шестидесяти я сохранил только десять, но счастье было на моей стороне. Узнав о моих успехах, Ильяс-Ходжа и амиры Джете говорили про себя: «Тимур удивительный человек; Всемогущий Аллах и счастье на его стороне». Эта победа была для меня счастливым предзнаменованием, и узбеки затрепетали, узнав о моем успехе.

Тамерлан

Замысел устройства моего государства

Находясь в плачевных обстоятельствах, когда мое счастье отвернулось от меня, когда около меня оставалось только десять воинов (семь конных и три пеших), не отказавшихся разделить мои невзгоды, я не падал духом. Я, посадив с собой на лошадь свою жену, сестру амира Хусайна, какое-то время скитался со своими людьми по степям Хорезма. Однажды ночью мы не нашли колодца. Три вероломных хорасанца¹⁴, воспользовавшись темнотою ночи, убежали с тремя из наших лошадей, и на семь человек, не покинувших меня, осталось только четыре лошади. Но мое мужество возрастало с несчастьями.

Лишь только мы снова отправились в путь, как амир Али-бег Джаны-Курбаны, напав и захватив нас, бросил меня в темницу, полную гадов. Стража бдительно охраняла двери этой отвратительной тюрьмы, в которой я пробыл шестьдесят два дня. Обдумав свой побег, я с помощью Всемогущего, одушевленный храбростью отчаяния, вырываю меч у одного из стражей, бросаюсь на них, и они бегут, покинув свой пост. Тотчас же я отправляюсь к амиру Али-бегу Джаны-Курбаны; он, пристыженный своим бесчестным поступком по отношению ко мне, смущается и просит у меня извинения. Он мне возвращает моих лошадей и оружие и присоединяет к ним чахлую клячу и никуда не годного верблюда, прося меня принять их. Его брат амир Мухаммед-бег Джаны-Курбаны прислал мне несколько подарков. Амир Али-бег Джаны-Курбаны, в котором эти подарки пробудили алчность, взял часть их себе

Уложение Тимура

и отпустил меня. Я углубился в пустыню, сопровождаемый двенадцатью всадниками. На второй день пути мы встретили селение и остановились там на отдых. Лишь только я укрылся в одном из домов, как толпа туркменов с криком осадила его. Моим первым делом было спасти жену. Я запер ее в доме, а сам встал на пути этой толпы. Вдруг один туркмен¹⁵ узнал меня и закричал: «Это Тимур!» Тотчас он остановил сражавшихся и бросился к моим ногам: я принял его с радостью и возложил ему на голову свою чалму; с этого момента он и его братья навсегда остались беззаветно мне преданными.

Замысел, возникший в начале моих успехов

Когда я увидел себя во главе всего лишь шестидесяти всадников, я стал опасаться того, чтобы кто-нибудь не уведомил узбеков о положении моих дел. Я думал, что будет более безопасно уйти от населенных мест и стать лагерем где-нибудь в пустыне, вдали от всякого жилья, ожидая, пока успеет собраться войско, которое служит основанием могущества.

Оставив эту страну, я направился к Хорасану и на пути встретил Мубарак-шах-юз-баши, правителя Мокхана. Он присоединился ко мне с сотней всадников и дал мне много отличных лошадей. Кроме того, ко мне прибывали потомки Пророка и другие воины. Наконец, я собрал в этой пустыне отряд в двести воинов как конных, так и пеших. В это время сайид Хусайн Хорасанский, Мубарак-шах и сайид Заин-эд-дин, амир Себзеварский, сделали мне следующее предложение:

Тамерлан

«Оставаться в этой стране значило бы дожидаться того, что наш маленький отряд станет разбегаться. Завладеем какой-нибудь областью и упрочим там свое местопребывание».

Подумав обстоятельно над этим, я отвечал: «Вот мой замысел: двинуться к Самарканду; вас я размещу по соседним с Бухарой городам, а сам, объезжая окрестности Самарканда, войду в сношения с людьми разных племен и постараюсь расположить их к себе. Когда же соберу войско, то позову вас и мы вместе произведем нападение на окрестности Джете, на их правителя Ильяс-Ходжу и покорим Мавераннахр». Сказанное мною было единодушно одобрено, и по прочтении первой главы Корана, дающей Божье покровительство, я занялся исполнением моего замысла.

Я начал с того, что разместил моих двести человек в окрестностях Бухары, где я также укрыл свою жену, сестру амира Хусайна¹⁶, а сам затем отправился в Самарканд. Курчи-Тимургар, попавшийся мне на пути с сорока всадниками, пожелал присоединиться ко мне. Я сообщил ему свои планы и послал его к Мубарак-шаху. Вошедши в сношения с племенами, я привлек на свою сторону две тысячи человек, готовых следовать за мной, как только я подниму в Самарканде знамя могущества.

Проникнув в этот город благодаря темноте ночи, я укрылся у Туркан-ага, моей старшей сестры. Дни и ночи проводил я, думая и размышляя над своими дальнейшими действиями. В течение восемнадцати дней обо мне не знал никто, но один

Уложение Тимура

из жителей города, узнав о моем возвращении, задумал выдать меня.

Опасность была крайняя, и я ночью бежал с пятьюдесятью воинами. Выбравшись из Самарканда, я в сопровождении отряда пеших воинов направился к Хорезму. Мы встретили по дороге табун лошадей, принадлежавших туркменам; я захватил их, чтобы посадить на них своих воинов.

Прибыв в Ачиги, я расположился лагерем на склоне холма, возле реки Джайхун. Здесь произошло свидание с моей семьей¹⁷, Мубарак-шахом, сайидом Хусайном Хорасанским и со всеми теми, кого я разместил в окрестностях Бухары. Тимур-Ходжа-Углан и Баграм-Джалаир, прибывшие со своими отрядами, также вступили в наш союз. Увидев, что мой отряд возрос до тысячи всадников, я подумал о возможности употребить его в дело и повел своих воинов к Карибызу и Кандагару, которые и подчинил своей власти.

Замысел, осуществленный мной в походе на Сеистан

На пути к Кандагару и Карибызу мы стали лагерем на берегу Гирмена. Там я построил себе жилище¹⁸ и поселился в нем, чтобы дать воинам время отдохнуть. Когда я находился на берегах этой реки, явились жители и воины области Гармуз. Около тысячи тюрков и туземцев также пришло с предложением своих услуг, и область Гармуз приняла мои законы. Между тем я решил вторгнуться в Сеистан. Узнав о моем за-

Тамерлан

мысле, правитель этой области прислал мне дорогие подарки, прося моей помощи. «Я, — говорил он, — раздавлен своими врагами. Они захватили мою страну и взяли уже семь крепостей. Если вы отобьете их, я выплачу вашим воинам шестимесячное жалованье».

Я понимал, насколько было бы выгодно для меня вторгнуться в Сеистан. Из семи крепостей, бывших во власти врагов, я возвратил уже пять. Тогда ужас овладел душой правителя и он заключил дружественный союз с собственными врагами; они пришли к следующему заключению: «Если амир Тимур будет находиться в этой стране, то Сеистан перейдет из наших рук к нему». Собрав воинов и народ всей этой области, они напали на меня.

Нарушением своего слова этот правитель поставил меня в ужасное положение, однако я вышел навстречу и даже дал сражение. В деле одна стрела пронзила мне руку, другая ногу, однако победа осталась за мной; заметив, что климат и вода вредно действуют на мое здоровье, я отправился в Гармуз, где пробыл два месяца, пока не излечился от ран.

Замысел, осуществленный мной в дальнем походе

Излечившись от ран в Гармузе, я решил поселиться в горах области Балха и снарядить там войско для завоевания Мавераннахра. Увлеченный этой мыслью, я сел на коня и отправился в горы в сопровождении лишь сорока всадников, но зато все они были детьми старейшин и амиров. Я возбла-

Уложение Тимура

годарил Всемогущего за то, что, несмотря на мои несчастья, на отсутствие денег и припасов, я, однако, имел в своем распоряжении таких храбрых воинов. Я говорил себе тогда: «Всевышний покровительствует моему делу, если подчиняет мне людей, равных со мной по рождению».

Я достиг подошвы гор и встретил там Сиддык-Барлас, искавшего меня. Он привел мне пятнадцать всадников, и я принял его приход за счастливое предзнаменование.

После нашего соединения первые дни были посвящены охоте, а затем мы продолжили путь. Я заметил на вершине одной горы отряд воинов, который увеличивался с каждым мгновением. Я тотчас остановился и послал нескольких воинов собрать сведения об этом отряде. Они смешались с ним и, возвратившись, сказали мне: «Это Кыранджи-богадур, старый слуга амира (Тимура). Он с двумястами всадниками оставил войско Джете и теперь ищет своего господина». Восхищенный этим открытием, я простерся на земле, чтобы возблагодарить Всевышнего, и велел позвать этого верного слугу. Он тотчас же явился, бросился к моим ногам и целовал их; я благоклонно поднял его, возложил на его голову свою чалму и мы двинулись вместе к долине Арсаф.

Прибыв туда, мы выставили сторожевые отряды; на следующий день я объехал долину верхом. В центре ее находилась возвышенность; воздух там был превосходный; я расположился на ней, а все воины раскинули палатки вокруг.

Следующая ночь была ночью молитвы¹⁹, и я провел ее не смежая век. На рассвете я начал читать молитву²⁰. Окончив ее, я с мольбою воздел руки к небу и умилился до слез, умо-

Тамерлан

ляя Всемогущего о помощи и об избавлении меня от несчастий. Еще не закончив молиться, я заметил вдали отряд, проходивший мимо холма. Я сел на лошадь и приблизился достаточно близко, чтобы хорошо рассмотреть его. Это был отряд конницы в семьдесят человек. «Воины,— спросил я,— куда держите путь?» Они отвечали мне: «Мы слуги амира Тимура. Мы ищем своего господина, но, увы, не можем найти его». — «Я также слуга этого амира,— сказал я им.— Я буду вашим проводником и сведу вас к нему». Один из них, прищпорив коня, поспешил уведомить об этом своих предводителей. «Мы нашли,— вскричал он,— проводника, который предлагает нам провести нас к амиру Тимуру». Эти последние развернули своих коней и приказали мне провести меня к себе.

Отряд состоял из трех частей, первой предводительствовал Кутлук-Ходжа-Барлас, второй Сайф-эд-дин Никудерийский, третьей Тунг-богадур. Увидев меня, эти предводители, пораженные, слезли с коней, упали на колени и целовали мое стремя. Я также сошел и простер над ними свои руки²¹. Я возложил свою чалму на голову Кутлук-Ходжа-Барласу, опоясал своим поясом, отделанным золотом, амира Сайф-эд-дина Никудерийского и накрыл халатом своим Тунг-богадура²². Все мы были тронуты. Мы совершили в обычный час общую молитву. Затем я сел на лошадь и поехал в свой лагерь, где я созвал общее собрание и устроил пир. На следующий день прибыл Шир-Баграм, который оставил меня из прихоти, будучи не в состоянии противиться желанию пойти в Индустан. Я принял его извинения и обошелся с ним так ласково, что он перестал стесняться.

Уложение Тимура

Замысел, осуществленный мной в походе на Джете

Мое войско состояло из трехсот тринадцати человек конницы²³, и я пожелал овладеть какой-нибудь крепостью, которая служила бы мне опорой и убежищем. Я решил овладеть крепостью Дуладжун, где был предводителем в то время Менгли-Сальдур, из сторонников Ильяс-Ходжи; мне нужно было сделать там склад оружия и съестных припасов.

Когда я приближался к этой крепости, Шир-Баграм, который был связан старинной дружбой с комендантом, обещал мне привлечь его на свою сторону, если я позволю ему вступить с ним в переговоры. Однако вскоре по прибытии к стенам Дуладжуна Шир-Баграм известил меня через гонца, что Ильчи-Бугай-Сальдур сказал ему следующее: «Эта крепость доверена мне Ильяс-Ходжой. Открыть ворота амиру Тимуру значило бы разом изменить и храбрости, и верности». Он окончательно отказался сдать крепость.

Но судьбе было угодно, чтобы, благодаря тревожным слухам о моих силах и походе, страх охватил его душу, поэтому он оставил свой пост и обратился в бегство. Триста воинов из Дуладжуна, которые защищали крепость и раньше были мне совершенно преданы, опять поступили ко мне на службу. Когда я прибыл в долину Суф, то Алимс, грабивший окрестности Балха, узнав о моем приходе, присоединился ко мне с двумястами всадниками; любезный прием, оказанный ему мною, ободрил его.

Отсюда я послал Тамук-богадур и еще трех всадников на другую сторону реки Термез²⁴ для того, чтобы разведать

Тамерлан

о войске Джете. Тамук-богадур, возвратившись через четыре дня, уведомил меня, что это войско, заняв область Термез, совершило там всевозможные грабежи и жестокости. Получив эти известия, я решил укрыться в ущелье Коз, чтобы выждать удобного случая для нападения на врага. Приготовившись вступить в это ущелье, я расположился лагерем на равнине Илчи-Бутха на берегу Джайхун. Лишь только Ильяс-Ходжа узнал об этом, как тотчас же направил против меня свои войска. Между тем я узнал, что пятеро амиров²⁵, командовавших частью военных сил Джете, отделились от предводителя этого войска и удалились в Старый Термез со своими отрядами.

Тулан-Буг, уполномоченный ими, явился ко мне с предложением союза, говоря, что эти амиры приведут сто всадников, готовых служить под моими знаменами.

Я смотрел на их приход как на счастливое предзнаменование, амиры советовали мне ночью напасть на войско Джете. Я сел уже на лошадь, когда меня известили, что оно приближается. Я тотчас же построил свои войска в боевой порядок, приготовившись достойно встретить нападающих, от которых меня отделяла река.

Лучшее, что я тогда мог сделать, это начать с ними переговоры, чтобы утихомирить их ярость²⁶ и привлечь их на свою сторону. Я обратился с речью к предводителю²⁷; он одобрил мои доводы, но прочие амиры высказались за сражение; это привело меня в негодование и я построил свои войска.

Уложение Тимура

Замысел с целью поражения войска Джете

Я сказал себе: нужно опасаться, чтобы многочисленные враги не глазили моих воинов²⁸. Но в то же время во мне заговорило самолюбие. «Ведь ты — кричало оно мне, — вступил на путь завоевания могущества, и чтобы достичь цели, у тебя нет другого средства, кроме оружия. Тебе остается только выбор между победой и смертью».

Когда я принимал это решение, то заметил, что враги, разделившись на три отряда, стремятся начать сражение. Я тотчас же разделил свое войско на семь частей, чтобы постепенно вводить их в бой. Когда огонь битвы пылал во всей силе, я приказал передовому отряду пустить на врага тучу стрел.

Я приказал отрядам, составлявшим фронт моего правого и левого крыла, выдвинуться вперед, а сам возглавил отряды, поддерживающие их с тыла. Проведя две атаки, я снял отряд амира Абу-Сайида, главнокомандующего Джете. А Хайдар-Андхуди и Менгли-Буг в свою очередь атаковали меня; я направил своих воинов против них и первым же натиском рассеял их отряды. Наконец все враги были опрокинуты и обращены в бегство.

Замысел о приобретении себе авторитета

После этой победы в Туране²⁹ разнесся слух, что самолюбивое стремление к царской власти составляет единственную причину моих подвигов. Чтобы укрепить за собой власть,

Тамерлан

я повсюду расточал благодеяния и выказывал свою щедрость тем, что разделил между воинами сокровища, скопленные мною и заключавшиеся столько же в деньгах, сколько и в ценных вещах.

Так как мое войско в изобилии было снабжено всем необходимым в походе, то я построил его в боевой порядок и мы пошли к берегам Джайхуна, через который переправились у Термеза. Я пробыв в Термезе несколько дней в ожидании лазутчиков, посланных мною в окрестности крепости Кахалке, которую я намерен был захватить.

Ильяс-Ходжа, услышав о моем походе, послал против меня Алчун-богадур с громадным войском; мои лазутчики по небрежности заснули, враги, пройдя мимо них, сделали несколько точных переходов и, скрытые темнотою ночи, захватили нас врасплох.

Место, где я стал лагерем, представляло полуостров, с трех сторон омываемый водами реки. Однако много палаток было раскинуто вне полуострова; они-то первыми и подверглись ярости нападающих. Уцелевшие после нападения воины поспешили укрыться в лагере.

Я быстро оправился от неожиданного нападения и, готовый принять бой, расположился при выходе на полуостров. Противники, пораженные ужасом, не осмелились начать сражение; я не менял своего месторасположения целых десять дней и отступил только для того, чтобы разбить палатки на берегу реки, где я оставался целый месяц в виду врагов; когда наконец страх принудил их отступить, я перешел реку

Уложение Тимура

и расположился в лагере, только что покинутом ими, в то же время я позаботился послать отряды для преследования отступающих.

Замысел об утверждении своей власти

Победитель армии Джете, я нашел своевременным направить войско в область Бадакшана, чтобы завладеть ею и расширить таким образом свои владения. Приняв такое решение, я покинул берега Джайхуна, чтобы расположиться лагерем под стенами Халема в Тухаристане.

Мой шурин, амир Хусайн, приехал в мой лагерь и мы устроили ряд празднеств, чтобы ознаменовать мое счастливое и желанное прибытие в Тухаристан. После этого я окончательно решил направиться в сторону Бадакшана.

Прибыв в Кундуз, мы пробыли там до тех пор, пока племена Юрельдая, собравшись, не присоединились к нам. Чтобы воодушевить всех этих воинов, я подал им почетные одежды.

Извещенные о расположении моих отрядов, правители Бадакшана начали готовиться противостоять мне, но я решил подавить их, прежде чем они успеют соединить свои отряды; в краткий срок я достиг города Тальхази.

Мое приближение принудило этих правителей обратиться к мирной политике; они явились просить союза со мною, зная об успехе, который мне сопутствовал. Наконец мое владычество распространилось на область Бадакшан, и большая часть войск этой страны добровольно стала под мои знамена.

Тамерлан

Замысел о распространении моей власти

Подчинив своей власти правителей Бадакшана, я направил свой путь в сторону Котталаны. Я уже вступил в нее, как вдруг узнал, что Пулад-Бугаир и Шир-Баграм отделились от меня; оскорбленные поведением амира Хусайна, который нехорошо обошелся с ними, они возвратились в свои владения.

Я остановился на некоторое время на пастбищах равнины местности Кульмак, оттуда я послал лазутчиков разузнать что-нибудь достоверное о войске Джете и о Ильяс-Ходже.

По истечении десяти дней мои лазутчики донесли мне, что амиры этого войска³⁰ во главе двадцати тысяч всадников расположились лагерем, который простирается от Калата до моста Селкин.

Они отправили ко мне посла с тайным поручением изучить внутреннее расположение моего лагеря и узнать численность моего войска; я приказал своему войску два раза пройти перед ним и отпустил его.

Я очень желал последовать за этим послом, но мои войска отказались исполнить мое желание. Чтобы все же побудить их к этому, я прибегнул к средствам, которые мне подсказывало благоразумие. С одними я обошелся ласково, других я подкупил деньгами, а чтобы склонить их всех, я не жалел речей, просьб, убеждений и обещаний.

Между тем разнесся слух, что двое из моих прежних слуг³¹ идут против меня во главе шести тысяч всадников Джете. Эта новость, дойдя до моих воинов, вселила страх в их души, и они впали в уныние. Однако четыре амира³², недоступные страху, остались возле меня.

Уложение Тимура

Замысел как вселить единодушие в сердца своего войска

Выведав, что думают обо мне и о моих действиях амиры, о которых я только что говорил, я убедился в их верности; затем я так увлек их обещанием, что они разделят со мною все выгоды успеха, что они стали точно исполнять все мои приказания.

Потом я обратился к тем, которые упорно отказывались выступить в поход, я говорил с ними с каждым отдельно; людей, в которых я замечал склонность к скупости, я осыпал щедрыми подарками и жаловал управление завоеванными областями тем, которые искали почестей. Но чтобы постоянно держать их между страхом и надеждой, я назначал каждому преемника.

Еды и одежды было достаточно, чтобы поднять дух моих воинов; мои ласковые речи и открытый вид окончательно склонили их на мою сторону; высокое значение, которое я придавал услугам воинов, доставило им столько удовольствия, что все возмущившиеся, так же, как и покорные, присоединились ко мне, клянясь в безусловном повиновении и преданности во всех испытаниях.

Устранив затруднения, возникшие из-за разногласий в войске, я решил сразиться с Ильяс-Ходжой³³. Я хотел напасть на него, прежде чем он успеет узнать что-нибудь о моих замыслах.

Выстроив свое войско, я разделил его на семь отрядов, и мы немедленно выступили в поход. Утром мы встретили двух

Тамерлан

моих прежних амиров, которые шли против меня, возглавляя передовой отряд вражеского войска. После нашей второй атаки это войско обратилось в бегство, и я преследовал его до моста Селкин, где расположился Ильяс-Ходжа.

Ночь, заставила меня раскинуть палатки. Однако я понимал, что пока поле битвы еще не остыло, самое время напасть на Ильяс-Ходжу, находившегося в окрестностях с тридцатитысячным войском.

Выжидать было нельзя, потому что я подвергал себя опасности быть вынужденным искать посторонней помощи; хотя лагерь амира Хусайна и находился невядалеке позади меня, я не хотел прибегать к его помощи. Моих войск, при известной разумности действий, было достаточно для того, чтобы обратить в бегство войско Ильяс-Ходжи.

Замысел о рассеянии войска Джете и Ильяс-Ходжи

Я решил окружить войско Ильяс-Ходжи. С этой целью я поместил двести тысяч всадников под предводительством трех амиров³⁴ около моста Селкин преградив тем самым путь вражескому войску. Сам же я, переправившись через реку с пятитысячным отрядом конницы, занял высоты, которые господствовали над месторасположением неприятеля, и ночью приказал зажечь громадный костер.

Вид костра, присутствие в непосредственной близости грозного противника — все это так устрало воинов Джете, что они всю эту ночь бодрствовали, не смея прилечь отдохнуть.

Уложение Тимура

Что до меня, то я провел ее на холме, распростершись перед троном Создателя миров, взывая к Его милости именем Пророка, его потомков и его сподвижников. В забытии я услышал чей-то голос, произнесший: «Тимур, победа и торжество за тобой».

На заре я со всем войском стал на молитву. Чуть позже я заметил, что Ильяс-Ходжа и его амиры отводят своих воинов с равнины, на которой они находились. Мои военачальники и воины стали просить позволения немедленно их преследовать, но я предпочел выждать, узнать, нет ли тут какого замысла.

Они отошли на приличное расстояние и затем остановились. Я ясно понял, что они хотели завлечь меня в глубь равнины и там завязать сражение.

Мои противники, видя, что я не двигаюсь с занимаемых мною высот, не сомневались более, что я понял их намерение, и возвратились, чтобы атаковать меня. Я тотчас выстроил свое войско у подошвы горы, чтобы иметь возможность принять бой, но, подступив к скалам возвышенности, войско Джете остановилось. Я тотчас приказал своим лучникам пустить в него тучу стрел, и это сильно отразилось на численности противника. Так как наступила ночь, то мои враги, не имея времени предпринять что-либо, стали лагерем у подошвы холма, надеясь сковать мои движения. В течение ночи я предложил своим военачальникам разделить войско на три отряда, с тем чтобы я сам повел их в битву. Мое предложение было одобрено всеми. Перед рассветом я сел на коня и мы напали на неприятеля с четырех сторон.

Тамерлан

Воины Джете были рассеяны, прежде чем успели оказать сопротивление. Я очутился близ Ильяс-Ходжи и крикнул ему несколько слов. Звук моего голоса возбудил в нем ярость; он собрал свои полки и снова повел их в атаку.

Сражение длилось до восхода солнца. Наши колчаны опустели. Наши противники отступили и в величайшем беспорядке возвратились в свой лагерь. Не желая преследовать их, мы остались на том же месте, где и были. Неприятель не осмелился завязать второе сражение; мои воины рассыпались вокруг лагеря Ильяс-Ходжи и так сильно беспокоили и утомляли неприятеля, что он был принужден перейти воды Ходжента³⁵. Тогда я перестал преследовать противника и возвратился в Мавераннахр, чтобы воспользоваться там своею победой. Я думал, что первое, чем я должен заняться, так это укрепить в повиновении мне тех амиров, которые не желали быть покорными и тем самым сеяли смуту в стране.

Я объявил участником своего успеха амира Хусайна, моего шурина, который только что поднял знамя владычества в Мавераннахре.

Я относился к нему с большою осторожностью, потому что, несмотря на изъявления дружбы, которые выказывал мне амир Хусайн, он всегда питал ко мне чувство зависти и злобы.

Он пламенно желал, чтобы я возвел его на трон Мавераннахра. Так как я не имел к нему никакого доверия, то привел его на могилу досточтимого Шамс-эд-дина. Там мы поклялись друг другу в дружбе; он уверял меня, что никогда не нарушит своей клятвы. Три раза клялся он священной кни-

Уложение Тимура

гой (Коран). Впоследствии он нарушил свою клятву, и его клятвопреступление было наказано. Шейх-Мухаммед считал себя могущественным властителем. Я достиг того, что привлек его на свою сторону, так же, как и семь родов, признававших его власть; я дал области в управление амирам этих родов. Шир-Баграм, покинувший меня, продолжал жить независимо среди своего племени. Тем не менее, уступая выгодным предложениям, которые я ему сделал, он возвратился в мое подданство со всем своим племенем. Вступив в число моих слуг, этот амир также получил область.

Амир Хусайн, приходившийся мне родственником, никак не хотел быть моим искренним другом, несмотря на все расположение, которое я ему оказывал. Он осмелился захватить у меня силою области Балха и Хиссар-Шадмана. Из уважения к его сестре, моей жене, я все не хотел платить ему злом за зло, и мое поведение произвело такое сильное впечатление на неприятельских военачальников, что они добровольно перешли на мою сторону. Но амир Хусайн, неуклонно стремясь к своей гибели, употреблял всю свою хитрость на то, чтобы строить мне козни; наконец я решил оружием усмирить его.

Я покорил Туран и освободил Мавераннахр от притеснений со стороны узбеков; однако многие предводители племен не признали еще моей власти, каждый из них хвастался независимостью перед своими подданными, некоторые из подчинившихся мне говорили, что так как все они имеют одинаковые со мной права на управление, то было бы справедливо

Тамерлан

разделить власть между нами всеми. Но эти речи не охладили во мне стремления к верховной власти.

«Так как Аллах только один, — говорил я сам себе, — и не имеет себе равных, то и правитель государства должен быть также один».

Как-то Али-Баба-Шах³⁶, подойдя ко мне, сказал: «Тимур! Всевышний объявил, что если бы на небесах или на земле было два бога, то порядок Вселенной нарушился бы». Слова этого святого укрепили меня в моем решении. Я попробовал получить предсказание из священной книги и мне выпал следующий стих: «Мы сделаем тебя своим халифом³⁷ на земле». По прочтении этого места из Корана, которое произвело на меня сильное впечатление, я обратил все свои усилия на то, чтобы усмирить амиров, выражавших притязания на разделение со мною славы и могущества.

Я начал с того, что отправился к амиру Хаджи-Барласу, которого я склонил на свою сторону. Что до амира Шейх-Мухамеда, он всегда много пил и от этого умер.

После его смерти его область перешла под мою власть. Я послал предостережение амиру Баязид-Джалаиру, правившему областью Ходжента, но он не обратил на него внимания. Немного спустя его племя взбунтовалось против него и он был приведен ко мне в оковах. Ласки, которыми я его осыпал, заставляли его краснеть (за свое прежнее поведение).

Ильчи-Бугай-Сальдур поднял знамя независимости в Балхе; я ограничился тем, что противопоставил ему амира Ху-

Уложение Тимура

сайна, провозгласившего, что этот город — столица его предка Казгана³⁸. Мухаммед-Ходжа-Ирди из племени Тайман, захватив область Ширджан, объявил себя моим врагом, а я, дав ему другую область, сделал его своим верным слугой.

Правители Бадакшана, правившие этой страной, объявили мне войну. Я употребил по отношению к каждому из них такую тонкую политику, что они рассорились, напали друг на друга и кончили тем, что возвратились в мое подданство. Кайхоср и Альджету-Барди соперничали из-за области Каталак и города Археик. Я послал подкрепление Кайхосру, чтобы он мог одолеть своего противника, который тотчас же прибегнул к моему покровительству.

Амир Хызр Ессурийский, поддерживаемый своим племенем, завоевал область Ташкента. Я постарался тогда восстановить согласие между Альджету-Барди и Кайхосром (о котором я только что говорил); я дал им военные отряды для того, чтобы разбить и рассеять племя ессуров. Глава племени, растерянный, пришел просить у меня защиты.

Спокойствие, водворенное мною в Мавераннахре, бывшей до того добычей опустошения, увеличило в глазах ее жителей значение моего войска. Племя Барлас (в котором я родился) приобрело славу, а мои подвиги доставили известность войску царства Джагатая. Я дал законы всем жителям Мавераннахра, только несколько крепостей, подчиненных амиру Хусайну, не признавали еще моей власти. Мое величие и могущество вызывали зависть в этом амире. Он осмелился объявить мне войну, вопреки самым священным своим

Тамерлан

клятвам в дружбе. Он начал уже военные действия, когда я все еще делал попытки к примирению; однако он оставил мое желание мира между нами без внимания и захватил у меня крепость Карши; некоторые из моих амиров советовали мне открыто отбить ее, но я посчитал, что лучше до времени отказаться от осады, чем подвергнуть себя опасностям, которые были с ней неразлучны. Я счел за лучшее повернуть в Хорасан, чтобы таким образом у защитников крепости появилась уверенность в совершенной своей безопасности, а потом я намерен был осторожно возвратиться и произвести на них нападение ночью. Мы свернули лагерь и ушли. Когда я переправился через Амуйэх³⁹, я встретил караван, шедший из Хорасана в Карши. Караванщик предложил мне подарки; я расспрашивал его о положении правителей Хорасана и сказал, что иду в эту область; до этого я приказал своему человеку смешаться с людьми, сопровождающими караван, чтобы послушать, что они говорят; я ожидал его на берегу реки. Возвратясь, он донес мне, что обо мне сказали амиру Мусе: «Мы встретили на берегу Амуйэха амира Тимура, он идет в Хорасан». Это известие наполнило радостью сердце Мусы и воинов амира Хусайна. Они выставили стражу и разостлали пиршественные ковры.

Я снарядил двести сорок трех отборных воинов, столь же опытных, сколько и храбрых, и во главе их переправился обратно через реку; за короткое время я достиг Ширкенда, где провел один день и одну ночь; двинувшись оттуда, я расположился лагерем недалеко от крепости Карши. Я отдал приказ

Уложение Тимура

приготовить лестницы, связанные веревками. Между тем амир Джагуй-Барлас, преклонив колени, сделал мне следующее предложение: «Так как большая часть наших воинов осталась позади, то следовало бы обождать их прихода».

Я последовал этому совету и решил употребить время, оставшееся до прибытия остальных отрядов, на исследование крепости.

В сопровождении сорока всадников я направился к крепости и, как только она показалась, мы остановились; взявши с собой только Мубашшира и Абдаллу, слуг, родившихся и выросших в моем доме, я отправился к самой крепости. Подойдя к крепостному рву, я увидел, что он наполнен водою. Поверх рва был проведен деревянный желоб, пересекавший его поперек и доставлявший в крепость воду. Я передал коня одному из моих спутников и, перешедши ров по желобу, подошел к крепости. Я отыскал ворота и постучал; так как никто не откликнулся, то я убедился, что стража заснула. Стражники имели обычай засыпать ворота землею. Не будучи в состоянии войти, я обошел крепость кругом, чтобы найти удобное место для лестницы, затем я возвратился к своим воинам. Отряд, оставленный позади, был снабжен всем необходимым для взятия, и я лично привел его ко рву, который мы перешли по желобу; когда лестницы были укреплены у основания стены, мои воины стали быстро влезать на нее. Триста пеших воинов вошли в крепость, а я следовал за ними; затрубили в трубы, и я, благодаря Всемогущему, овладел крепостью.

Амир Хусайн, чтобы возместить понесенную потерю, прибегнул к хитрости и притворству: он хотел под личиной искрен-

Тамерлан

ности и дружбы завлечь меня в свои сети. Чтобы не стать жертвой этого изменника, который не пренебрег бы ничем, лишь бы завладеть мною, я прибегнул к таким же средствам.

Он прислал мне Коран, на котором дал клятву: «Теперь мое сердце не будет питать к тебе никаких других чувств, кроме дружбы и братской любви». Он прибавил еще: «Если мои чувства не соответствуют моим словам, если, презрев свои клятвы, я осмелюсь нарушить свои обещания, то пусть Всевышний накажет меня!» Я знал, что он мусульманин, и поверил его словам. Затем прибыл гонец и от его имени просил у меня свидания в долине Чекчек якобы для того, чтобы возобновить наш прежний союз. Однако его действительным намерением было захватить меня в плен. Я хорошо знал, как мало следовало ему доверять, но из уважения к Священной Книге я решил ехать на свидание. Однако я принял предосторожности — скрыл отряд смелых воинов возле ущелья, куда я отправился с другим отрядом.

Я просил тех из моих друзей, которые служили под знаменами амира Хусайна, уведомить меня о намерениях господина; Шир-Баграм, бывший в числе их, оказал мне эту услугу. Хусайн, узнав об этом, приказал его умертвить и затем направился мне навстречу с тысячью всадников.

Я спускался в долину, когда узнал о его намерениях. Не медля долее, я построил свой отряд в боевой порядок. И вот показалось неприятельское войско, и мои караульные донесли мне, что «это войско амира Хусайна, но его самого нет. Когда он узнал, что ты один, то ограничился посылкой отряда, чтобы захватить тебя». Я был готов к бою так же, как и мои

Уложение Тимура

двести воинов, но, выжидая, пока отряд Хусайна вступит в ущелье, я приказал воинам, посланным вперед, отрезать ему выход к отступлению.

Затем я напал на врага, и так как у воинов амира Хусайна не было пути к отступлению, то я взял множество пленных; собрав всех своих воинов, я возвратился в Карши. Тогда я убедился, что друг полезен во всех случаях жизни.

Я послал Хусайну следующие стихи: «Ветер, спроси красавицу, раскинувшую сети коварства, спроси ее, видела ли она когда-нибудь, как жертвой коварства становится человек, задумавший это коварство?»

Получив это письмо, амир Хусайн покраснел и понял всю глубину своего позора. Он извинялся передо мною, но он уже потерял мое доверие, а его речи не могли вернуть его.

Вот что я предпринял, чтобы очистить Туран от последних узбеков, пощаженных оружием.

Когда я прогнал неприятеля за реку Ходжента, многочисленные отряды узбеков закрепились на границах Мавераннахра. Я бы, конечно, послал против них войско, если бы не понимал, что эта война слишком затянется.

Узнав, что узбеки заперлись в своих укреплениях, я понял, что было бы неразумно открыто напасть на них, и употребил хитрость.

От имени их повелителя Ильяс-Ходжи я написал им приказание отступить, а доставить письмо поручил одному узбеку, дав ему в сопровождение отряд. Эти воины должны были поднять большое облако пыли, чтобы быть наверняка замеченными.

Тамерлан

Враги, прочитав приказ Ильяс-Ходжи, который отзывал их, и видя облако пыли, поднятое моим отрядом, покинули свои укрепления, из предосторожности выступили под покровом ночи. Вот так освободился Мавераннахр от притеснителей, которые клялись погубить меня, и эта страна совершенно покори-лась мне. Из уважения к узам кровного родства я отдал амиру Хусайну город Балх и Хиссар-Шадман. Однако он опять не оценил моего великодушия, думал только о том, как погубить меня, и этим принудил меня стараться погубить его самого.

Блеск моих побед и торжеств разжег зависть амира Хусайна. Он не упускал случая доставить неприятность своей сестре, моей жене. Этот ожесточенный человек не пожалел бы ничего, лишь бы только погубить меня. Много раз дело доходило до открытых столкновений между нами, и каждый раз он терпел поражение. Я уже не мог больше выносить его возмутительных выходок, когда его военачальники, возмущенные его поведением, также недовольные им, как и я, покинули его: он умертвил брата правителя Котолана⁴⁰ и этим переполнил чашу их терпения.

Его амиры давно уже были его самыми заклятыми врагами, так что он не мог рассчитывать на их поддержку. Все еще желающий моей гибели, он перенес свое местопребывание в местность, лежащую вне пределов Балха. После этого я хорошо понял, что для меня настало время напасть на него, прежде чем он успеет сделать какое-либо новое передвижение. Собрав всех воинов, какие находились при мне, я выступил с ними в поход. На пути к Балху я видел, как со всех сторон ко мне спешили мои непобедимые полки; мы стали лагерем

Уложение Тимура

близ этого города. Хусайн выступил навстречу; он подвергся участи, которая была ему предназначена⁴¹.

Все те, которые старались вредить мне, теперь не без основания опасались меня, ибо, оценив свое прежнее поведение, они не могли надеяться на мое снисхождение. Тем не менее вот как я обошелся с ними.

Когда амир Хусайн попал в мои руки, его слуги и военачальники боялись, чтобы я не осудил их на смерть. Это и было поначалу моим намерением; но так как они все умели владеть оружием, то я предпочел пощадить их и зачислил в свое войско.

Главкомандующий Хусайна, правивший Бадакшаном, много раз поднимал против меня оружие; узнав о смерти своего господина, он, опасаясь моей мести, собрал свои войска. Он не стоил того, чтобы я двинул на него свое войско.

Я показывал вид, что забыл о нем, а между тем старался хвалить его на собраниях, среди его друзей. Я превозносил его мужество в самых восторженных выражениях, так что друзья его написали ему: «Тимур расположен простить тебя и примет тебя благосклонно». Изъявив мне покорность, этот правитель, вполне доверяя моему благородству, просил принять его в число моих приближенных.

Замысел, которому я следовал, чтобы занять Герат, столицу Хорасана

Я завоевал области Балха, Хиссар-Шадмана и Бадакшана. Амир Хусайн был умерщвлен. При слухе об этих событиях Гиас-эд-дин, владетель Хорасана, стал опасаться

Тамерлан

за свою столицу. Он собрал войско и занял оборонительное положение.

Благоразумие посоветовало мне усыпить бдительность хорасанцев кажущимся равнодушием. Я сделал вид, что все мое внимание устремлено к Самарканду, и вскоре был уведомлен письмом моего доверенного лица, что Гиас-эд-дин стал вести себя более спокойно.

Известие о моем возвращении в Самарканд совершенно успокоило Гиас-эд-дина, тогда я сказал себе: «Воспользуюсь моментом, когда хорасанцы не думают обо мне, и совершу на них нападение».

Покинув окрестности Балха, я с величайшею осторожностью достиг Ерата, где и захватил врасплох Гиас-эд-дина. Этот правитель, лишенный всякой помощи, вышел из города и предложил мне свои сокровища, свои владения и страну. Хорасан был покорен⁴², и амиры этой области перешли в мое подданство.

За завоеванием Хорасана последовало покорение Сеистана, Кандагара и Афганистана. Я расскажу, как были покорены эти страны.

После завоевания Хорасана мои военачальники советовали мне послать отряды в эти страны.

Я отвечал им: «Если вдруг мои воины начнут выражать недовольство в этих походах, то там потребуется мое присутствие, а я сейчас обременен другими делами».

Поэтому я счел за лучшее написать правителям этих областей письма следующего содержания: «Если вы идете ко мне,

Уложение Тимура

то продолжайте путь, а если желаете остаться сами по себе, делайте, как вам нравится».

В итоге я получил то, что ожидал. По прочтении этих писем они положили покоренное чело на порог повиновения.

Вот что я сделал для того, чтобы победить Урус-хана⁴³ и завоевать Золотую Орду. Когда Тохтамыш⁴⁴, разбитый Урус-ханом обратился ко мне за помощью, я долго думал, верить ли ему войско или пройти мимо.

Между тем прибыл посол от Урус-хана; я обошелся с ним благосклонно и затем отпустил его. Однако мои воины обложили все дороги в Золотую Орду, а один отряд пошел по следам этого посла, ибо я решил сделать неожиданное нападение на Урус-хана на следующий же день после того, как посол, уверенный в полной безопасности своей страны, возвратится к своему господину.

Замысел удался, как я и надеялся; когда посол делал доклад своему господину, мои отряды напали на Урус-хана со стремительностью неожиданного удара бичом; они не встретили никакого сопротивления, враги обратились в бегство, и Золотая Орда мне покорилась⁴⁵.

**Вот каковы были мои замыслы для завоевания
царств Гиляна, Джурджана и Мазандерана,
Азербайджана, Ширвана, Фарсистана и Ирака**

На жалобы, с которыми обратился ко мне народ Ирака, сетовавший на Мозаффаров и других правителей страны, я решил ответить походом в эту страну.

Тамерлан

Следовало опасаться, чтобы государи этой страны не заключили против меня союза; и я решил, что, по крайней мере, должен ускорить выступление против них. Мои военачальники посоветовали мне, прежде чем выступить в поход, заpastись всем необходимым для этого.

Я принял твердое намерение покорить эти области одну за другой и сурово покарать тех, кто осмелился бы мне сопротивляться⁴⁶. Первый, кто попросил моего покровительства, был амир Али, правитель Мазендерана. Он прислал мне подарки и присоединил к ним следующее письмо: «Мы, потомки Али, всегда правили этой областью, завладев ею, Вы выкажете свое могущество; но если вы пощадите ее, всем будет более известно о вашей милосердии».

Покорность правителя Мазендерана была для меня счастливым предзнаменованием. Я обратился потом на области Гилян и Джурджан. Их правители отказали мне в покорности, и я направил против них свое победоносное войско. Я овладел Исфаханом и был милостив к ее жителям, но они, восстав, зарезали правителя, поставленного там мною, и три тысячи моих воинов. Я тотчас же приказал истребить все население⁴⁷.

**Вот каков был мой замысел для завоевания
(уже во второй раз) Шираз,
столицы Фарсистана, и остальной части Ирана**

Я отдал этот город потомкам Мозаффара и оставил в Исфахане отряд в три тысячи человек. Когда я хотел уже вести войско в Золотую Орду, чтобы усмирить Тохтамыш⁴⁸, я узнал,

Уложение Тимура

что жители Исфахана казнили моего ставленника, а жители Шираза сошли с пути повиновения.

Эти происшествия побудили меня во второй раз объявить войну (Ширазу) Ираку. Я собрал восемьдесят тысяч человек. Но опасение не найти места, которое бы могло содержать столь многочисленное войско, принудило меня ввести его в страну несколькими отрядами.

Я разделил свое войско на три отряда и послал их в Ирак впереди себя. Когда вражеские отряды, оказавшие сопротивление на пути к Ширазу, были рассеяны, я возглавил войско, но правитель Шираза Шах Мансур осмелился бороться со мной и был наказан за это⁴⁹.

Замысел разгрома Тохтамыш-хана⁵⁰

Занятые преследованием этого Тохтамыш-хана по пустыням Золотой Орды в течение целых шести месяцев, мои утомленные войска начали сильно страдать от сильного голода; уже много дней у них не было другой пищи, кроме той, какую могла дать им охота. Тохтамыш, узнав о состоянии моих воинов, решил, что более удобного случая напасть ему уже не представится, а потому напал на меня с войском столь же многочисленным, как саранча или муравьи.

Мои воины были усталы и голодны, его, напротив, — свежи. Мои амиры совсем, казалось, не были расположены сражаться, пока мои сыновья и внуки, преклонив колени, не поклялись

Тамерлан

мне в совершенной преданности. Я подкупил неприятельского знаменосца; он обещал мне повергнуть свое знамя, когда оба войска вступят в бой⁵¹.

Когда мои военачальники узнали, что мои сыновья и внуки преклонили предо мной колени, их мужество пробудилось и они жили только предстоящей битвой.

Предводителем передового отряда я назначил своего внука Абу-Бекра и дал ему восемь тысяч всадников. По моему приказу в самый разгар битвы этот отряд покинул поле боя, чтобы в стороне от него раскинуть палатки и приняться за приготовление пищи. В ту же минуту, когда действия воинов моего передового отряда были замечены неприятелем, знамя Тохтамыша было повергнуто. Сам Тохтамыш, растерянный, обратился в бегство, а его войско познало все ужасы уничтожения.

Замысел завоевания Багдада (Даруссалама)⁵² и Ирак-Араби

Когда я покорил Ирак-Аджеми и Фарсистан, мой духовный наставник написал мне следующее письмо: «Аллах, властитель Ирак-Араби и Ирак-Аджеми, уже покоривший тебе одну из этих областей, отдает тебе и другую». Я направил посла к султану Ахмед-Джалаиру, правителю Багдада. Мне необходимо было иметь точные представления о его способностях, храбрости и силе его войска. По прибытии в Багдад мой посол написал мне: «Султан Ахмед-Джалаир — живой кусок мяса, имеющий два глаза»⁵³.

Уложение Тимура

Я положился на Всемогущего и неожиданно для неприятеля подступил к Багдаду. Султан, обратившись в бегство, укрылся в доме Кербана, а Даруссалам покорился мне⁵⁴.

Замысел поражения Тохтамыш-хана⁵⁵

Побежденный Тохтамыш, счастливый тем, что не попал в мои руки, послал грозное войско в Азербайджан и возбудил там смуты и беспорядки. Завоевание обоих Ираков было окончено, и я, чтобы усмирить Тохтамыша, лично повел войско в Золотую Орду по Дербентской дороге.

Перед этим я сделал смотр своего войска, которое, построившись в боевой порядок, занимало пространство в четыре фарсанга. Затем я воздал благодарение Аллаху.

Переправившись через реку Семур, я написал следующее воззвание к народу Золотой Орды: «Всякий, кто идет ко мне, может продолжать свой путь; кто хочет оставаться, волен и в этом».

В 797 году я вступил в Золотую Орду и проник до крайних пределов северных стран. Народы этих стран, осмелившиеся мне сопротивляться, были рассеяны и уничтожены. Области, орды и крепости этих стран были покорены, и я возвратился победителем.

Тамерлан

Замысел похода в Индустан

Моей первой заботой было утвердиться в намерениях моих сыновей и амиров.

Мирза Пир-Мухаммед-Джехангир сказал мне: «Когда мы завладеем Индустаном, то золото этой страны сделает нас властителями мира». Мирза Мухаммед-Султан сказал мне: «Следовало бы завоевать Индустан, но чтобы сделать это, нужно преодолеть много препятствий: во-первых, моря, во-вторых — леса и пустыни, наконец, воины, хорошо вооруженные и умелые, и слоны, давящие людей». Мирза Султан-Хусайн сказал мне: «Завоевание Индустана подчинит нашему владычеству полмира. Мирза Шах-Рак сказал мне: «Я читал в тюркских летописях, что существует пять великих царей: царь Индустана называется дари (дарий), царь Анатолии — Кайсар (цезарь), Китая — фагфур («сын неба»), Туркестана — хакан («великий царь»), государь Персии и Мавераннахра (Ирана и Турана) имеет титул шахиншаха («царя царей»). С незапамятных времен власть этого последнего признается в Индустане, и так как мы владеем Персией и Мавераннахром, то мы не можем отказываться от присоединения Индустана».

Мои амиры, в свою очередь, говорили мне следующее: «Раз мы сделаемся владетелями Индустана и укрепим там свое пребывание, то мы погубим своих потомков; наши дети и внуки вырождаются, смешиваясь с туземцами, от которых они переймут даже язык»⁵⁶.

Осада Самарканда монголами.
Миниатюра Джагатайской рукописи. Британский музей

Тамерлан

Я так сильно желал завоевания Индустана, что ничто уже не могло меня отвлечь от этого замысла. Я дал амирам такой ответ: «Я обращаюсь к Корану, я хочу знать волю Аллаха относительно ведения войны, чтобы сообразоваться с нею в своих действиях». Амиры одобрили мою мысль. Открыв Священную Книгу, я попал на следующий стих: «Пророк, веди войну с небрежными и незаконными».

Ученые объяснили смысл этого стиха амирам. Но последние, опустив головы, не произнесли ничего; их молчание сжало мое сердце.

Сначала я хотел лишить должностей всех тех, которые не одобряли завоевания Индустана, и отдать их отряды приемникам. Но так как они способствовали моему возвышению, то я не мог решиться погубить их; я сделал им только выговор, и, хотя они разбили мое сердце, как только они приняли мой план, все было забыто.

Потом я собрал новый совет, после которого, произнеся молитву о победе, приказал двинуть свои шатры в сторону Индустана.

Моим намерением было вести войска к столице этой страны. Мирза Пир-Мухаммед-Джехангир находился в Кабуле с тридцатью тысячами всадников, составлявших левое крыло моего войска. Я приказал ему направиться к горам Солимана, перейти Зенд и приступом овладеть Мультаном. Султан-Мухаммед-хан и мирза Рустем с другими амирами, предводившие тридцатью тысячами всадников моего правого крыла, также получили приказание перейти Зенд и затем вторгнуться в об-

Уложение Тимура

ласть Лагор, следуя вдоль гор Кашмира. Я сам двинулся с тридцатью двумя тысячами всадников, составлявших центр войска.

Численность моего войска в целом доходила до девяноста двух тысяч всадников. Это число равно и совершенно соответственно числу имен Мухаммеда, посланника Всевышнего. (Пошли ему Аллах мир и милость, так же, как и его потомству). Это совпадение было для меня счастливым предзнаменованием.

Я выступил в поход и стал станом только у Эндебора⁵⁷, на границах Бадакшана; покорив неверных у Катурских гор, я исключительно занялся священной войной с Индустаном.

Вот меры, которые я принял к тому, чтобы очистить дорогу в Индустан от уганисов⁵⁸, узнав о разбоях, которые они там совершали. Муса-Угхан, предводитель колена Керкес, был во главе их. Он напал на Лашкер-Шах-Углана, одного из вернейших моих военачальников, которому мирза Пир-Мухаммед-Джехангир без колебаний доверял охрану крепости Ираб; убив его, Муса-Угхан захватил все, что нашел у него.

Тотчас Малик-Мухаммед, брат этого несчастного, поднял крик и известил меня о том, что жестокость Мусы лишила меня одного из наиболее преданных мне слуг.

Я приказал арестовать Малика, объявив, что, несмотря на случившееся, верность Мусы мне хорошо известна. Взятие Малика под стражу и слова, сказанные мною при этом, внушили столько доверия Мусе, что он, как только прочитал мое предписание, без всяких подозрений тотчас же сдал мне крепость⁵⁹.

Когда я прогуливался вокруг крепости, один из воинов пустил в меня стрелу, и Муса вскоре получил за это вознагра-

Тамерлан

раждение, которого заслуживал; после того путь в Индустан был мне открыт.

Мои распоряжения для победы над Махмудом, правителем Дели, и Малу-ханом

Махмуд, правитель Дели, и Малу-хан, его главнокомандующий, позаботились о безопасности столицы Индустана и приготовились вести со мною войну. Они имели войско в пятьдесят тысяч воинов, пеших и конных, и сто двадцать слонов.

Вместо того чтобы заняться осадой Дели, — а это очень затянуло бы войну, — я предпочел уверить Махмуда, что мои войска слабы и робки, дабы он, ведомый самоуверенностью, сам завязал сражение. Я приказал вырыть вокруг стана моего войска ров и укрепился в нем, а часть войска послал атаковать неприятеля. Мои воины получили приказание выказывать как можно больше слабости и трусости, чтобы внушить смелость своим противникам. Гордые своими победами, эти последние спустились в равнину и с презрением отнеслись к моим воинам. Султан Махмуд завязал сражение, но вскоре, отброшенный, вынужден был отступить к горам. Огромные богатства этого правителя, состоявшие столько же из денег, сколько из имущества, сделались добычей воинов⁶⁰.

Менее чем за год я завоевал столицу Индустана, а к концу того же года я возвратился в свою столицу — Самарканд⁶¹.

Уложение Тимура

Завоевание царства Грузии⁶²

Я не отдохнул еще от трудов моего последнего похода, как уже получил донесение правителей обоих Ираков, сообщавших о том, что «неверные жители Грузии нарушили границы вашего государства». Я всегда был убежден, что занятие, наиболее достойное правителя, это — поддерживать священные войны, истреблять неверных и стараться завоевать мир. Известие о вторжении вероломных грузинов заставило меня опасаться, чтобы слишком большая медлительность (в наказании их) не дала им времени разжечь пламя восстания, а потому я поспешил уничтожить их.

Воинам, участвовавшим в походе на Индустан, было предложено или оставаться дома, или сопровождать меня. Я отдал приказ войскам Хорасана, Кандагара, Сеистана, Кермана, Табаристана, Гиляна, Мазендерана и Фарсистана приготовиться к походу, а затем двинуться к стенам Исфахана, чтобы соединиться с моими отрядами. Мои всадники могли подавить волнения неразумных без труда, поэтому я послал их в Туран⁶³ против мятежников Хорасана и Фарсистана и достиг того, что очистил от них эти две страны.

Затем все свои усилия я направил на завоевание Грузии и точно следовал плану, одобренному моими воинами. Со стальным шлемом на голове, с грудью, покрытой панцирем Давида⁶⁴, с египетским мечом на бедре я взошел на трон войны.

Я двинул против неприятеля воинов Турана, храбрецов Хорасана и героев Мазандерана и Гиляна. Мы взяли крепость

Тамерлан

Сиваса и другие укрепления в Грузии; все найденные там жители были преданы мечу; мои отряды разделили добычу; затем я жестоко наказал мятежников Азербайджана.

Тотчас после этого похода я пошел к крепости Малатих, которая вскоре была покорена, так же, как и ее окрестности. Сделав это, направил свои усилия на Халеп и Эмесс. Завоевание этих стран стоило мне очень мало, и, не теряя времени, я решил покорить также Египет и Сирию.

Завоевание Египта и Сирии⁶⁵

Баязид⁶⁶ хорошо знал о моей силе и могуществе, но когда он узнал, что я овладел крепостями Себаем и Милетом и землями, им принадлежащими, а также, что я разбил и рассеял войска, которые он содержал в этих крепостях, то не мог сдерживать своего негодования и в конце концов, уступив подстрекательству Юсуфа, туркменского правителя, который, избегая меня, укрылся у него, решил объявить мне войну.

Этот государь был близок к своей гибели; он сам выступил в поход с огромным войском, а кроме того получил еще подкрепление из Египта и Сирии. Я полагал, что мне будет более выгодно разделить свои войска на три отряда; так как победа и поражение равно скрыты под покровом судьбы, то я спросил совета у многих своих амиров, и они ответили мне по-воински. «Пойдем в битву», — сказали они мне.

Но я хотел сначала умерить пыл Баязида. Поэтому я написал ему письмо следующего содержания:

Уложение Тимура

«Хвала Аллаху, Властителю неба и земли, покорившему моей власти большую часть мира и пожелавшему, чтобы владетели и повелители разных стран склонили передо мной голову. Да будет милостив Аллах к своему смиренному рабу, который знает пределы, предписанные ему, а не преступает их дерзкою стопою. Все знают о твоём происхождении, и неприлично человеку твоей крови выдвигать вперед надменную ногу, ибо ты можешь низвергнуться в бездну скорби и несчастья; не поддавайся наущению тех хитрецов, которые подстрекают тебя, преследуя свои личные цели, и которые пробудили разрушение из сна, в который оно было погружено. Берегись отворять разорению и несчастью врата твоего государства. Пришли ко мне тотчас Кара-Юсуфа, в противном случае, при столкновении наших войск, все, что скрыто под покровом судьбы, откроется тебе».

Знатные послы отдали это письмо Баязиду. Я составил сейчас же план похода в столицу Сирии. Я пошел по дороге в Эмесс и Халеб. Когда я прибыл в Халеб, то мне сказали, что правитель Фарадж⁶⁷ при известии о моем походе выехал из Египта в Дамаск.

Я не мог, при всем старании, воспрепятствовать соединению войск Сирии и Египта, ибо этот султан, обогнав меня, вошел в Дамаск; но я не оставил намерения овладеть этим городом⁶⁸.

Тамерлан

Завоевание городов Рума (Анатолии) и поражение Баязида

Сирия была покорена; правитель Фарадж обратился в бегство, уклоняясь от сражения, между тем как мой посол, возвратившись из Рума с непристойным ответом Баязида Молниеносного⁶⁹, донес мне, что при известии о поражении сирийского и египетского войска этот правитель выглядел изумленным и пораженным и, по-видимому, даже оставил свои дальнейшие планы военных действий.

Когда Дамаск и другие города Сирии покорились мне, я двинулся было по дороге в Мусул, чтобы идти к Багдаду, но затем счел более благоразумным поворотить в Азербайджан, чтобы узнать, будет ли Баязид продолжать воевать со мной.

На пути к Тебризу, столице Азербайджана, я послал вперед к Багдаду несколько мирз с грозным войском. Багдадский султан Ахмед-Джалаир вверил Фараку, одному из своих внуков, охрану города и крепости, оставив ему войско и необходимые припасы.

Мирзы обложили город, повели правильную осаду и послали мне уведомление о ней.

Решив покорить этот город и его крепость, я быстро оставил дорогу в Тебриз, чтобы идти по дороге в Багдад; мое благоразумие, подкрепляемое моей храбростью, устранило предо мною все препятствия; после осады, продолжавшейся месяц с несколькими днями, я совершил свое победоносное вступление в город⁷⁰. Фарак, его бывший правитель, утонул в Тигре.

Уложение Тимура

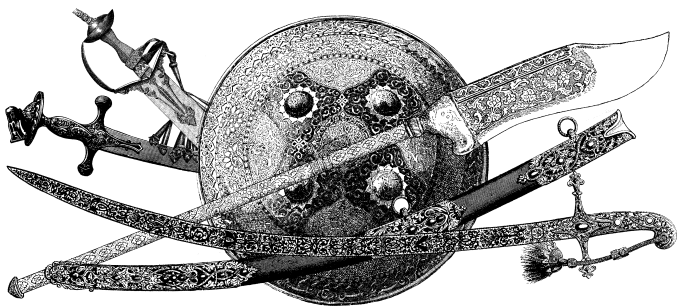
Всех мятежников я предал казни и приказал разрушить дома и крепость этого города.

Из Багдада я пришел в Азербайджан, где и пробыл некоторое время. Тем временем Баязид приказал войскам пробраться к Халебу, Эмессу и Дийарбакру. Между тем подлый туркмен Кара-Юсуф занимался грабежом двух священных городов⁷¹, и ко мне обращалось много просителей, умолявших меня о защите против этого разбойника. Я счел себя обязанным усмирить Кара-Юсуфа и разбудить Баязида от сна беспечности.

С этой целью я потребовал воинов от городов и орд. Получив их, я вышел из Азербайджана в месяце раджаб, в 804 году от хиджры⁷², чтобы вести войну с Баязидом.

Я отрядил различные части моей армии, одну в поход на царство Рума, другие охранять посты, воду и провиант. Сам я двинулся по дороге в Анкуриях (Ансир); Баязид во главе сорока тысяч воинов, наполовину конных, наполовину пеших, вышел мне навстречу. Завязалось сражение, и я его выиграл. Баязид был побежден, взят в плен и приведен ко мне⁷³.

После семилетней войны я возвратился победителем в Самарканд⁷⁴.

Часть вторая Уложение Тимура

*Моим детям, счастливым завоевателям
государств, моим потомкам — великим
повелителям мира.*

Да будет им известно, что, в полной надежде на милосердие Всевышнего, я убежден в том, что многие из них наследуют мой могущественный трон. Это побуждает меня изложить для них правила, которыми я руководствовался сам. Строго соблюдая эти правила, они смогут сохранить за собой и упрочить то положение, которого я достиг, пройдя через столько тревог, трудов и опасностей, — положение, которое дано мне небом, благотворным влиянием религии Мухаммеда (да даст ему Бог мир) и могущественным ходатайством по-

Уложение Тимура

томков и сподвижников его. Пусть же эти правила послужат для моих потомков руководством как в их поведении, так и в управлении государством, дабы они смогли сохранить то государство, которое я им оставляю.

Всех правил двенадцать. Ничто лучше не доказывает их важности, как то, что они помогли мне достичь власти, завоевать государства, упрочить за мной завоевания и сделали меня достойным трона.

Двенадцать заповедей

1) Я заботился о распространении религии и закона Мухаммеда, этого избранного Аллахом сосуда: я поддерживал ислам во всякое время и во всяком месте.

2) Я разделил преданных мне людей на 12 сословий: они помогали мне, одни — подвигами, другие — советами, как при завоевании государств, так и в управлении ими. Я пользовался их преданностью, чтобы укрепить замок моего счастья; они были украшением моего двора.

3) Советы мудрых, собственная предусмотрительность и бдительность помогли мне побеждать войска врагов и завоевывать области. В управлении я руководствовался кротостью, человеколюбием и терпением; я наблюдал за всем, прикрываясь личиной бездействия, был одинаково благосклонен как к врагам, так и к друзьям.

Тамерлан

4) Надлежащий порядок и соблюдение законов послужили основанием и опорой моей счастливой судьбы. То и другое так укрепили мою власть, что визири, амиры, простые воины и народ не домогались повышения, а каждый довольствовался своим местом.

5) Чтобы воодушевить амиров и других воинов, я не щадил ни золота, ни драгоценных камней; я их допускал к своему столу, а они жертвовали для меня своей жизнью в сражениях. Оказывая им милости и заботясь о них, я получал взамен их привязанность. И так, при помощи доблестных вождей и моих воинов, я сделался властелином двадцати одного государства: я сделался государем Ирана, Турана, Рума, Магреба, Сирии, Египта, Ирак-Араби, Ирак-Аджеми, Мазандерана, Гиляна, Ширвана, Азербайджана, Фарсистана, Хорасана, Джете, Золотой Орды, Хорезма, Хотана, Кабулистана, Бактерземина и Индустана. Все эти страны признавали мою власть, и я предписал им мои законы.

Надевав на себя плащ государя, я тем самым отказался от покоя, который возможен только в бездействии. С 12 лет от рождения я разъезжал по разным областям, боролся с невзгодами, обдумывал планы действий, свыкался с видом возмущенных и воинов, привыкал выслушивать от них резкие слова, но терпением и мнимой беззаботностью, от которой я был далек, мне удавалось умиротворять их. И с ними я бросался на врагов. Таким образом мне удавалось покорить провинции и даже целые государства и далеко распространить славу моего имени.

Уложение Тимура

6) Справедливостью и беспристрастием я приобрел уважение моих подданных. Мое великодушие нашло мне место в сердцах людей; правосудие управляло моими решениями. Мудрую политикой и справедливостью я удерживал своих подданных между страхом и надеждою. Мои воины были осыпаны моими подарками. Я имел сострадание к низшим и к самым несчастным слоям общества.

Я не раз освобождал угнетенного из рук гонителя; убедившись во вреде, причиненном лицу или имуществу, я произносил приговор по закону; я никогда не подвергал невинного наказанию, которое заслуживает виновный.

Всякий, подымавший против меня оружие с целью помешать моим намерениям, как только умолял меня о покровительстве, был принимаем мною благосклонно. Я возвышал его и зачеркивал его вину пером забвения; и если его сердце было еще озлобленно, то мое обращение с ним было таково, что сам след его неудовольствия наконец изглаживался.

7) Я оказывал почтение потомкам Пророка, ученикам, богословам, философам и историкам. Я уважал их и почитал. Храбрые люди были моими друзьями, потому что Всевышний любит храбрых. Я сходил с учеными и приобретал расположение тех, у кого была благородная душа.

Я обращался к тем, чье благословение могло доставить мне победу. Я покровительствовал дервишам и факирам. Я тщательно избегал причинять им малейший вред и ни в чем им не отказывал. Те, которые дурно отзывались о них, были уда-

Тамерлан

ляемы от моего двора. Их толкам не придавалось значения, и я никогда не слушал их клевет.

8) Я был настойчив в моих предприятиях. Раз предпринятый мною проект, каков бы он ни был, овладевал всем моим вниманием, и я не оставлял его, пока не имел успеха. Поступки мои не противоречили моим словам. Я никому не досаждал из опасения, что Всемогуший поступит со мною сурово и подавит меня тяжестью собственных моих деяний. Я расспрашивал ученых о великих людях прошлого, чтобы знать как можно больше об их жизни и деяниях. Рассказы ученых об их поведении и поступках и слова этих повелителей оставили в моей душе глубокий след. Я старался подражать самым похвальным, самым лучшим из их качеств. Для собственного назидания я изучал причины падения их власти и старался избегать сделанных ими ошибок. Я воздерживался от лихоимства и притеснений; мне было известно, что эти преступления относятся к тем, которые порождают голод и бедствие всякого рода и которые выкашивают целые народы.

9) Я знал свой народ. Я смотрел на знатных, как на братьев, а на простых людей, как на детей. Я умел приноровиться к нравам и характеру жителей каждой области и каждого города. Я заслужил уважение от новых своих подданных — тех из них, которые занимали высшие места. Я давал им правителей, знакомых с их обычаями и пользующихся их одобрением. Я знал состояние населения каждой отдельной области. Я посадил в каждой стране моего царства человека испытанной

Уложение Тимура

честности, чтобы он извещал меня о поступках и поведении народа и воинов и чтобы он давал мне знать о всех неожиданных событиях, которые могли заинтересовать меня. Если я открывал малейшую ложь в донесениях моих ставленников, я строго их наказывал. Если только я узнавал о каком-нибудь случае притеснения или о проявлении жестокости со стороны правителя, воинов или самого народа, то я давал виновным почувствовать всю строгость правосудия.

10) Когда какое-нибудь племя, какая-нибудь орда — тюркская⁷⁵, арабская, персидская или чужестранная⁷⁶ — желали признать мою власть, я принимал правителя этого племени или орды с почетом, других же я принимал по их достоинству: я старался добром воздавать добрым, а злых предоставлял собственной участи.

Кто бы ни заключил со мной дружеский союз, он был уверен, что не будет раскаиваться. Я давал такому человеку доказательства моей благосклонности и великодушия. Услуги, мне оказанные, не оставались без награды. Даже мой враг, когда он чувствовал свою вину и приходил просить моего покровительства, получал прощение и находил во мне благодетеля и друга.

Так поступил я с Шир-Баграмом. Этот вождь племени, сопровождавший меня как союзник, покинул меня в момент сражения. Желание добычи овладело им, и он обнажил меч против меня. В конце концов он вспомнил, что ел мою соль⁷⁷ (т. е. почувствовал угрызение совести), и вымолил у меня

Тамерлан

помилование. Это был воин знаменитого происхождения, настолько же опытный, насколько и неустрашимый. Я закрыл глаза на его вину, я простил ему все ради его храбрости и возвысил его, чтобы заставить его крепче почувствовать мое расположение к нему.

11) Дети, внуки, друзья, союзники, все те, которые имели со мною какую-либо связь, были окружены моим вниманием. Блеск моего счастья не заставил меня забыть кого-нибудь, каждый получил должное. Милосердие также имело место в моем сердце. Я уважал в моих сыновьях и внуках союз крови, не посягал на их жизнь и не наказывал телесно⁷⁸.

В отношениях с каждым человеком я доверялся собственному мнению о нем и учитывал особенности его характера. Жизнь научила меня, как нужно вести себя с друзьями и с врагами.

12) Я всегда с уважением относился к воинам, независимо от того, сражались ли они за или против меня. Да и не обязаны ли мы с почтением относиться к людям, которые по приказу своих предводителей бесстрашно бросаются в бой и не щадят свою жизнь среди случайностей.

Неприятельский воин, преданный в бою своему повелителю, мог рассчитывать на мою дружбу. Если он становился под мои знамена, я, считая его своим подданным, награждал его за заслуги. Но тот воин, который в момент сражения оставил своего полководца, чтобы перейти ко мне, был в моих глазах самым мерзким человеком.

Уложение Тимура

Во время войны, которую я вел с ханом Тохтамышем, его амиры сделали мне несколько письменных предложений. Это было вероломством с их стороны по отношению к своему князю, моему неприятелю. Я пришел в негодование от их предложений и сказал себе: «Они изменяют и мне, как теперь изменяют своему покровителю», и вместо всякого ответа я их проклял.

Уложение по вопросам веры и шариата

Опыт доказывал мне, что власть, не опирающаяся на религию и законы, не сохранит на долгое время свою силу. Она подобна нагому человеку, который заставляет других при встрече с ним опускать глаза, не внушая никакого уважения к себе⁷⁹. Можно также сравнить ее с домом, не имеющим ни крыши, ни дверей, ни оград, — с домом, в который может проникнуть самый презренный человек.

Вот почему я основал здание моего величия на исламе с прибавлением к нему правил и законов, которые я точно соблюдал в продолжение моего царствования.

Первое правило, которое заняло место в моем сердце⁸⁰, это распространение религии и утверждение закона Мухаммеда. Я распространял в мире ислам, этот кодекс Превосходнейшего из смертных; я сделал из него украшение моей империи.

Чтобы иметь более верный успех в увеличении числа новообращенных в веру Мухаммеда, я избрал из потомков этого Пророка человека мало выдающегося, которого и облек полной властью над мусульманами⁸¹.

Тамерлан

Он имел в своем ведении священную собственность наших храмов⁸² и назначал управляющих мечетями⁸³. Он же в городах и местечках утверждал гражданского судью — первого представителя религии (муфтия), назначал надсмотрщиков на рынки⁸⁴. Он назначал жалование и пенсии тем, которые, подобно ему, вели свое происхождение от Мухаммеда, а также и ученым, законооведам и всем заслуженным людям.

Я назначил судей (казиев) для армии; а для народа были назначены другие (муфтии).

В каждую область я послал почтенного знатока ислама, чтобы предостерегать верующих от запрещенных законом дел и чтоб заботиться об их образовании. Я приказал строить мечети и монастыри в городах, караван-сарай — на дорогах и мосты — на реках.

В каждом городе я имел представителя религии и благочестивых людей для научения мусульман Корану и для объяснения им основ веры. Эти люди опирались на комментарии ученых и священное предание.

Я повелел садру и гражданским судьям сообщать мне о всех делах, касающихся веры⁸⁵. Кроме этого, я назначил еще представителя правосудия, который сообщал мне о распрях, возникавших между воинами и остальными моими подданными.

Когда я обнародовал мои постановления относительно религии, когда я утвердил в городах закон ислама и когда верующие, знатные и простые, убедились в моем усердии в делах истинной веры, то мусульманские ученые провозгласили следующее:

Уложение Тимура

«В каждом веке Всемогуций воздвигал защитника и распространителя религии посланника Мухаммеда. В этом VIII веке Тимур, герой мира, родившийся под счастливой звездой⁸⁶, должен считаться поборником веры».

Глава ученых, Мир-Сайид-Сайиф, написал мне, что я сделал очень многое для распространения ислама в мире и имею право на титул распространителя веры.

Вот содержание его письма:

«Боже! Будь добр к исповедующим религию Мухаммеда и оставь тех, которые покидают ее.

Со времени бегства⁸⁷ великого Пророка прошло уже восемь веков, в каждом из которых рождался, по воле Аллаха, защитник и распространитель веры его горячо любимого посланника, призванный восстанавливать и укреплять святыи истины. Хвала Всевышнему! В этом веке он возложил эту обязанность на амира Тимура, героя мира, который заставил государства и города принять истинную веру.

От древних богословов известно, что в первом веке хиджры покровителем веры был Омар Абдул-Азис. В то время она была подрываема проклятиями и ругательствами, которые сыпались на Али из уст неразумных в мечетях. Омар положил конец этому вопиющему безобразию.

Мусульмане стали добычей распрей и неурядиц. Одни из них проклинали законных халифов, тогда как другие поносили Али — главу верующих, Аббаса и Хусайна. Раздраженные люди готовы были дойти до кровопролития; Омар Абдул-Азис удержал их и сделался опорой веры.

Тамерлан

Во втором веке хиджры защитником ислама был Мамун Справедливый. Этот халиф, осудив семьдесят два ложных вероучительных положения, заставил признать другие, соответствующие преданиям и истинной вере. Он вызвал из Хорасана Алиа, сына Мусы-Джафара (мир праху его), сделал его своим наследником и заставил согласиться взять в руки бразды правления.

В третьем веке хиджры Аббасид Моктадир-Биллях принял веру под свое покровительство. Караматы, возглавляемые Абутаиром, овладели священным городом Меккой, и тридцать тысяч пилигримов, славных мучеников, были зарезаны на горе Арафа. Черный камень был вырван из стен Каабы; в разоренных мусульманских провинциях царствовали убийство и грабеж. Казалось уже, что вера Пророка Мухаммеда исчезнет безвозвратно, когда появился Моктадир-Биллях. Он повел свою армию против разбойников, рассеял их и восстановил веру.

Азадаулет-Дилеми был защитником верующих в четвертом веке. Пороки и злоба Мотила Амтиллаха, из рода Аббаса, притеснения его придворных и сообщников вредили истинной вере; разврат распространился повсюду; безбожие шло с высоко поднятой головой. Азадаулет низверг этого халифа и заменил его сыном своим Таки Биллахом.

Азадаулет вознамерился восстановить славу ислама и исполнил это славное намерение, уничтожая новшества, противные вере Мухаммеда, и пресекая разнузданность нравов, преступления, несправедливость и притеснения.

Уложение Тимура

В шестом веке хиджры завоевания неверных в Туркестане пошатнули ислам, но Аллах подвиг на защиту веры Хасан-хана⁸⁸ и поставил его во главе ста тысяч турок, которые в долине Лар были обращены в ислам достойным Ибрагимом-Хамави после произнесения слов: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — Его посланник». Заручившись их помощью, Хасан-хан стер с лица земли неверие и ересь; вера была восстановлена в городах и областях.

Седьмой век хиджры был ознаменован усердием в делах веры султана Альджайту, сына Аргун-хана, прозванного Мухаммед-Худабяидя. Как только этот султан наследовал престол брата⁸⁹, он узнал (таков был тогда упадок веры), что в общественных молитвах после исповедания веры забывали молиться Всевышнему о Пророке и его потомках. Он сам отправился в мечеть, где собрал богословов, чтобы узнать их мнение о необходимости молитв за Мухаммеда и его потомство. Те отвечали единогласно, что эта молитва установлена самим Аллахом, а некоторые прибавили, что имам Шафи признал недействительным общественное моление без молитвы за Пророка и за его потомство; другие приводили в пример имама Азама, который находил гнусным общественное моление без тех же молитв.

Альджайту спросил у них, почему, молясь за других лиц, кроме Мухаммеда, они не упоминают об их потомстве, тогда как в молитвах за величайшего из пророков должно упоминать и его потомство. Не получив на это ответа, он сказал: «Можно, мне кажется, объяснить такое различие двояко.

Тамерлан

Во-первых, враги Мухаммеда, назвав его в насмешку Абтаром, т. е. «не имеющим потомства», были наказаны Богом пресечением их собственного рода. Если и остались некоторые из их потомков, то на долю им выпала полнейшая неизвестность; потомки же Мухаммеда размножились так, что только Аллах может их исчислить. Потому призывают и на них благословение Божье в молитве после упоминания о Пророке.

Вот вторая причина этого обычая. Учения и религиозные постановления других пророков подвергались изменению и уничтожению; их постановления не предназначались к вечному существованию, тогда как вера Мухаммеда будет существовать без изменения до окончания веков.

Вот почему верные последователи Пророка в своих молитвах после хвалы Богу должны упоминать и Пророка и потомков его. Этим они признают в них покровителей религии Мухаммеда, толкователей Священной Книги и хранителей закона Пророка, наследников его учения и учения посланников Бога. Пусть все учатся у них утверждению в вере и исполнению обязанностей мусульман и пусть каждый из нас считает своим долгом повиноваться им и почитать их”.

Как только султан закончил свою речь, мусульмане, собравшиеся в мечети, произнесли молитву за Мухаммеда и за его потомство. Альджайту продолжал: “Али был первым из рода Пророка, и так как Мухаммед Махади⁹⁰, пришествия которого ожидают все верующие, должен быть последним, то наша обязанность — не проявлять нашу власть в царстве Мухам-

Уложение Тимура

меда без согласия его потомков; иначе мы будем поступать, как тираны!”

Султану, говорившему так перед народом, ученые выражали свое полное одобрение. Затем он своим указом повелел, чтобы в память Пророка и его потомков возносились молитвы каждую пятницу, и приказал чеканить монету с их именем.

Богословы обнародовали свое постановление, что султан Альджайту провозглашался распространителем закона Божьего.

В восьмом веке амир Тимур распространяет веру в Аллаха между народами. Он почитает и уважает потомков Пророка и богословов. С согласия первых он пользуется верховною властью в царстве Мухаммеда».

Получив от Мир-Сайид-Сайифа это письмо, я вознес хвалы Всевышнему. Я молил нашего Пророка и его потомков о помощи в утверждении веры и закона.

Подлинник этого письма я послал моему духовному наставнику (пиру), который⁹¹ написал на его полях следующее: «Амир Тимур, герой века, должен знать, что особенную милость и неоценимый дар составляет порученное ему Аллахом восстановление веры. Пусть он увеличивает свою верность и свои добрые дела, чтобы и Всевышний умножил Свои милости к нему».

После того как я получил это письмо от моего духовного руководителя, я старался относиться с почтением и уважением к потомкам Пророка и богословам. Я заботился о распрост-

Тамерлан

ранении ислама и приказал копию с письма поместить в моих летописях.

Гражданское уложение

По восстановлении веры и закона Всевышнего я издал для гражданского управления моего государства законы и постановления, которые способствовали укреплению моего могущества. Вот образец этих постановлений:

1) Я основал мою власть на исламе, законе Мухаммеда, на любви к его потомкам и сподвижникам и на почитании, какое должно воздаваться имени Пророка. Мои приказания и правила имели такую силу, что у меня не было соперника в управлении.

2) Я держал свой народ и своих воинов между страхом и надеждою. Полный осторожности и внимания к своим врагам и друзьям, я держался мудрой политики переносить терпеливо их речи и поступки. В числе лиц, искавших у меня убежища, те, которые были расположены ко мне, получали от меня столь хороший прием, что их привязанность ко мне увеличивалась; а мои недруги оставались настолько довольны моею снисходительностью, что скоро в их сердцах ненависть уступала место дружбе. Тот, кто имел право на мое расположение, был убежден, что это расположение не изменится, и я никогда не отстранял от себя подданного, которого когда-либо позвал к себе. Все — добрые или злые — люди, которые

Уложение Тимура

на заре моего счастья укрылись у меня, все те, которые оказали мне услуги, как и те, которые вредили мне, были поражены моими благодеяниями, когда я был возведен на трон. Я почитал ничтожным то зло, которое мне было причинено, и я провел пером забвения по записям дурных поступков, которые были совершены против меня.

3) Я никогда не поддавался мстительности. Я предоставлял своих врагов правосудию Повелителя Вселенной. Я удерживал при себе доблестных, деятельных и испытанных воинов. Мое окружение составляли знатные люди — потомки Пророка, ученые и богословы; но злых изменников и трусов я исключал из своего общества.

4) Открытое лицо, милосердие и доброта приносили мне любовь народа; я, друг правосудия, приходил в ужас от притеснений и неоправданной жестокости.

Мой духовный наставник (пир) как-то написал мне следующее:

«Тимур,— да хранит его Аллах,— должен помнить, что управление государством подобно управлению всем миром, то есть напоминает деятельность самого Аллаха, у которого также есть свои помощники. Каждый из них выполняет свое, порученное Всевышним дело и никогда не переступает границ своей власти, определенных свыше, соблюдая таким образом законы Всевышнего. Следи беспрестанно за своими подчиненными: амирами, воинами, одним словом, народом,—

Тамерлан

и не позволяй никому выходить за границы своей деятельности, определенные тобою. Каждый из твоих подданных должен заниматься своим делом и каждый из них должен быть всегда готов к повиновению, и тогда справедливость и разум будут господствовать в твоём государстве.

Если ты будешь пренебрегать порядком в делах управления государством, то возмущение и заговоры между твоими подданными не замедлят появиться.

Возвеличивай потомков нашего Пророка над всеми прочими подданными. Оказывай им величайшее почтение, не считай расточительностью милости, которые ты им окажешь; тот не расточителен, кто дает во имя Бога. Твои подданные, разделенные на двенадцать сословий, будут украшением и поддержкой твоего государства. Прощай».

Как только я получил от моего духовного наставника это письмо, я поспешил исполнить все, о чем в нем говорилось: я навел порядок в государственных делах; разделив моих подданных на двенадцать сословий, я ввел ряд правил и законов, которые укрепили мою власть и придали ей новое величие.

Я разделил всех моих подданных на сословия. Такое деление лежало в основе моего способа управления государством. Каждое из таких сословий занимало в моей стране свое особое положение, и к каждому из них у меня было особое отношение. Число таких сословий соответствовало числу знаков Зодиака, оно также было равным числу месяцев в году — двенадцати.

Первое сословие. Потомки Пророка, ученые, главы общин⁹² и законоведы, которые допускались в мое общество;

Тимур на троне.
*Миниатюра из бывшего Берлинского Королевского
этнографического музея*

Тамерлан

моя дверь всегда была открыта для них; они составляли украшение и славу моего двора. Часто я советовался с ними по вопросам, относившимся к делам веры, управления и наук; от них я узнавал, что позволено законом, а что запрещено.

Второе сословие. Люди мудрые, способные дать совет, и те, которые обладали твердостью и решительностью, а также старцы, которым годы дали осторожность и предусмотрительность. Все они пользовались моим полным доверием; я обращался с ними, как с равными, потому что, делаясь со мной своими знаниями и опытом, они тем самым делали мое правление более неуязвимым.

Третье сословие. Люди благочестивые, которых я уважал; тайно я прибегал к помощи их молитв, тогда как они нуждались в моем покровительстве, я обращался к ним за помощью в мирное время и на войне; их молитвы всегда были полезны для меня, в день сражения они доставляли мне победу. Так было и в то время, когда моя армия пошатнулась перед войском Тохтамышша, которое было многочисленнее моего. Мир Зия-эд-дин, родившийся в Сабзаваре, пустынный, молитвы которого были угодны Аллаху, обнажил голову, простер руки для молитвы и не успел он ее закончить, как мы увидели поразительные последствия ее.

Также, когда одна особа из моего гарема⁹³ опасно заболела, собрались двенадцать потомков Пророка, единственным занятием которых были молитвы, и каждый из них даровал больной по году своей жизни, — больная поправилась и прожила еще двенадцать лет.

Уложение Тимура

Четвертое сословие. Амиры и менее высокопоставленные воины, которые занимали место в моем совете; я любил беседовать с ними по-дружески.

Храбрые воины, которым столько раз приходилось обнажать саблю в сражениях, были моими друзьями; я обсуждал с ними вопросы, касающиеся войны; я расспрашивал их об особенностях атак и отступлений; я спрашивал у них о средствах, способных прорвать неприятельские ряды, спрашивал, как лучше производить смущение в рядах неприятеля и завязывать стычки. Вполне доверяя их проницательности, я всегда прибегал к их советам.

Пятое сословие. Войско и гражданское население, которые были одинаково дороги мне. Храбрейшим воинам я давал палатку, перевязи, бандулыры и колчаны. С не меньшей щедростью я обращался с гражданскими и военными правителями областей и царств. Дары, которыми я их осыпал, не являлись потерянными. Армия всегда была наготове и получала содержание даже раньше положенного времени. Так, во время войны с Румом ⁹⁴ я выдал войскам содержание за семь лет — как за прошлое время, так и вперед. Я научился хорошо управлять и войском, и гражданским населением, так что они не могли ни вредить, ни стеснять друг друга.

Я старался удержать всех воинов на их местах, и ни один из них не смел выходить за границы, ему указанные; я остерегался как чрезмерно повышать, так и чрезмерно понижать кого-либо. Те лица, которые мне оказывали большую услугу,

Тамерлан

получали приличное вознаграждение. Если простой воин выказывал рассудительность в поступках и неустранимость, то я всегда соразмерял его повышение с его талантами и заслугами.

Шестое сословие. Советники, с которыми я обсуждал тайные дела. Я выбирал их из людей, которых мудрость и скромность делали достойными участвовать в управлении государством. Этим людям я сообщал свои самые сокровенные мысли.

Седьмое сословие. Визири и секретари, которые были украшением моего совета (дивана), зеркалами моей империи: они сообщали мне обо всех событиях, происходивших внутри страны.

Заботясь о сохранении моих богатств, о безопасности моих подданных, они делали все необходимое, чтобы заранее предупредить бедствия, которые могли обрушиться на мое государство, или же устранить их последствия. Бережливо расходуя государственную казну, они при необходимости могли поддержать население и хозяйство всей страны.

Восьмое сословие. Врачи, астрологи и геометры, которых я призвал к себе, потому что эти люди способствуют славе и благосостоянию государства. Пользуясь помощью искусных врачей, я возвращал здоровье больным; астрологи научили меня распознавать счастливые и несчастливые сочетания звезд и понимать законы их движения. Геометры (или архитекторы) чертили для меня планы великолепных зданий, садов, которые я и построил, и посадил.

Уложение Тимура

Девятое сословие. Историки и летописцы, которых я призывал к себе. От них я узнал о жизни пророков и святых людей, они рассказывали мне о государях всего мира и объясняли мне причины их возвышения и падения. (Поведение, речи и поступки этих государей были для меня неисчерпаемым источником опыта.) От них я узнал историю прошедших веков и о переменах, совершившихся на земле.

Десятое сословие. Старцы, дервиши и вообще люди, сведущие в науке о Боге. Я сошелся с ними: они открыли мне счастье будущего. Эти люди совершали при мне удивительные вещи, даже чудеса; общение с ними было для меня столь же полезно, сколь и приятно⁹⁵.

Одиннадцатое сословие. Мастера всякого рода, которых я приглашал в свой дворец и лагерь, для того чтобы всегда держать в порядке оружие и другое имущество.

Двенадцатое сословие. Путешественники, которым я всегда протягивал руку помощи, а взамен получал известия о событиях и делах в других государствах. Купцы, которых я посылал в разные страны мира. Я приказывал им привозить мне самые редкие вещи, которые можно встретить в Хотане, Китае, Индустане, городах Египта, Аравии, Сирии, Рума и даже на острове Франков. Я хотел, чтобы они сообщали мне о положении, нравах и обычаях жителей этих стран, особенно же об отношениях государей этих стран к их подданным.

Тамерлан

Уложение для орд тюркских, таджикских, арабских и иранских и для всех иноземцев, которые нашли у меня приют и убежище

Я повелел, чтобы к потомкам Пророка и богословам относились с почтением, чтобы их просьбы всегда выполнялись и чтобы заботились об их пропитании.

В мои войска принимались те из новых подданных, которые прежде носили соответствующее оружие, и я назначил им соответствующее их положению жалованье. Людей, занимавшихся искусством различного рода, я принимал к себе на службу. Те из бедных людей простого звания, которые занимались какими-нибудь ремеслами, принимались ко мне на службу по своему занятию. Каждый купец, потерявший свое состояние, получал такую сумму, которая давала ему возможность возобновить свое дело. Когда земледельцы не имели необходимых земледельческих орудий, то им выдавали таковые.

Всех чувствовавших призвание к военной службе записывали в мои войска, независимо от происхождения.

Сын воина, храбрость которого была признана, к какому бы роду он ни принадлежал, получал жалованье⁹⁶ и повышался по службе в соответствии с заслугами.

Люди всех стран, которые являлись в мой дворец, могли рассчитывать на мою щедрость и гостеприимство. К тому, кто вызывал мой особый интерес, относились особенно внимательно. Каждый виновный, представший пред моим правосудием, в первый раз получал помилование, но провинив-

Уложение Тимура

шийся во второй или в третий раз наказывался соразмерно его проступку.

Принципы, лежащие в основе моего могущества

Двенадцать принципов, от которых я никогда не отклонялся, возвели меня на трон, а опыт доказал мне, что правитель, пренебрегающий ими, не может извлечь никакой выгоды из своего положения.

1) Чрезвычайно необходимо, чтоб монарх, следуя чьему-либо совету, не посадил посоветовавшего рядом с собою на трон; принимая дельное предложение, монарх не должен подпадать под чье-либо влияние до такой степени, чтобы позволить кому-нибудь считать себя равным ему в деле управления.

2) Крайне необходимо для монарха соблюдать во всем справедливость; он должен избрать визиря (первого министра) неподкупного и добродетельного, потому что такой визирь сумеет исправить ошибки, совершенные правителем; но если визирь — сам притеснитель, то здание могущества правителя не замедлит обрушиться. Вот пример тому: амир Хусайн имел визиря, который наказывал народ по своей прихоти. Неправедности этого нечестивца пагубно повлияли на судьбу его государя.

3) Монарху самому нужно отдавать приказания, потому что, в противном случае, их могут скрыть или исказить.

Тамерлан

4) Повелитель должен быть непоколебим в своих решениях; усердие его должно быть одинаково во всех предприятиях и пусть его рука не опустится до тех пор, пока он не добьется успеха.

5) Какие бы ни были приказания монарха, необходимо, чтобы последовало их исполнение; ни один подданный не должен быть настолько могуществен или смел, чтобы решиться помешать их исполнению, даже если бы эти приказания казались, скажем, глупыми или излишне жестокими. Мне рассказывали, что султан Махмуд Газневийский приказал поставить посреди равнины Газны камень⁹⁷; однако лошади стали пугаться этого камня, о чем доложили султану, прибавив при этом, что камень следовало бы убрать. На что султан отвечал: «Даже я не могу отменить своего приказания».

6) Безопасность требует, чтобы правители не полагались на других в государственных делах и не вверяли бразды правления посторонним, поскольку власть подобна красавице, у которой масса поклонников, и потому нужно бояться, что слишком могущественный подданный, увлеченный желанием управлять, может посадить самого себя на трон.

Таковым было поведение амиров Махмуда. Прогнав своего повелителя, они завладели государством. Поэтому необходимо разделить управление делами между несколькими, достойными доверия людьми; тогда каждый из них, занятый своей работой, не будет стремиться к высшей власти.

Уложение Тимура

7) Пусть монарх не пренебрегает ничьими советами; те из них, которые он примет, должны остаться в его памяти, чтобы он мог пользоваться ими в случае надобности.

8) В делах правления, в делах, касающихся войска и народа, государь не должен полностью доверяться речам кого бы то ни было. Если министры и генералы говорят хорошо или дурно о ком-нибудь, то они заслуживают, чтобы их выслушали; но решение необходимо принимать только тогда, когда сам убедишься в их правоте.

9) Уважение к власти повелителя должно навсегда поселиться в сердцах его подданных, чтоб ни один из них не имел смелости ослушаться его или поднять против него бунт.

10) Все, что повелитель ни делает, он должен делать сам; он должен быть непоколебим в приказах, раз отданных; ибо твердость в приказах составляет самую большую силу монархов; для них это — сокровище, армия, народ и целое поколение принцев.

11) В управлении, при обнародовании приказов, монарх должен остерегаться признать кого-нибудь равным себе, ибо в стране должен быть один повелитель.

12) Еще одна важная и полезная предосторожность для монарха: он должен хорошо узнать тех, кто окружает его, и быть постоянно настороже в отношении них. Часто встречаются люди двуличные. Именно они передают визирям и амирам все

Тамерлан

слова и действия государя. Это я испытал, когда большая часть моего дивана состояла из соглядатаев, подкупленных моими визирями и амирами.

Уложение по устройству войска

В каждом отряде из десяти воинов избирался один, соединявший в себе мудрость и храбрость, и, после согласия девяти других, он назначался старшим над ними под именем ун-баши (десятник).

Из десяти ун-баши также избирался наилучший, он назначался старшим над своими товарищами и назывался юз-баши (сотник). Десять юз-баши подчинялись мирзе, опытному, искусному в военном деле и известному своей храбростью. Такой мирза назывался мин-баши (тысяцкий).

Ун-баши пользовались правом замещать другими воинов, которые бежали из армии или умерли, таким же образом юз-баши назначали ун-баши, а мин-баши в свою очередь выбирали юз-баши. Тем не менее я требовал, чтобы мне докладывали о смерти и о дезертирстве людей и о замещении их.

На службе мин-баши, пользовались полной властью над юз-баши, юз-баши — над ун-баши, последние же — над воинами. Все они имели право наказывать непослушных, выгонять со службы всех тех, которые небрежно исполняли свои обязанности; они должны были находить им замену.

Уложение Тимура

Уложение об определении размера жалованья в войсках

Вот в каком размере я приказал раздавать жалованье мин-баши, юз-баши и ун-баши, а также простым воинам.

Жалованье простого воина равнялось стоимости его лошади⁹⁸; жалованье воина, выделявшегося своей храбростью, могло доходить до стоимости четырех лошадей.

Ун-баши (десятник) получал в десять раз больше простого воина. Жалованье юз-баши (сотник) составляло двойной оклад ун-баши, а мин-баши (тысяцкий) получал три жалованья юз-баши.

Каждый воин, провинившийся по службе, терял десятую часть жалованья. Ун-баши имел право получить жалованье только с разрешения юз-баши; юз-баши должен был обратиться за таким разрешением к мин-баши, который для себя получал его от главнокомандующего моим войском.

Жалованье главнокомандующего в десять раз превосходило жалованье мин-баши. Глава совета и визири получали такое же. Я старался раздавать земли, награды, пенсии на пропитание потомков Пророка, а также законоведов, ученых, врачей, астрологов и историков моего двора по их заслугам. Жалованье пеших воинов, слуг и людей, которые занимались размещением палаток, могло доходить до стоимости десяти лошадей.

Главнокомандующий мог получать жалованье только с разрешения визири и главы совета. Эти двое представляли мне расписки жалованья, и они же сводили счета. Каждый воин,

Тамерлан

чтобы получить свое жалованье, имел особый лист, на котором записывались по мере выдачи суммы, которые он получал.

Уложение о выдаче жалованья в войсках

Я приказал, чтобы пешие воины и стража получали жалованье ежегодно, чтобы в срок платежа им выдавалось их жалованье в зале совета.

Я приказал, чтобы жалованье прочих чинов армии, равно как и жалованье храбрецов, выдавалось каждые полгода и чтобы они все получали жалованье в казначействе, являясь лично.

Наконец, я приказал, чтобы выдача жалованья ун-баши производилась из сумм податей, собираемых с городов и областей; чтобы мин-баши давалось право на получение доходов с внутренних земель и чтобы старшие чины и главнокомандующий получали доходы с земель, лежащих на границах.

Уложение о разделе доходов с областей

Доход с областей и государств разделялся на несколько неравных частей. Каждый амир, как и мин-баши, брал одну часть по жребию — и если сумма, полученная таким образом, превышала его жалованье, то доставшуюся ему часть доходов уменьшали, если же сумма была меньше жалованья, то получивший ее брал на свою долю еще одну часть⁹⁹.

Амирам и мин-баши было строго запрещено увеличивать размер установленных податей.

Уложение Тимура

Каждая область, обложенная податью, имела двух управляющих. Один из них наблюдал за областью и защищал жителей от притеснений и грабежа со стороны лица, пользующегося доходами с нее; он же вел и точный счет всему, что доставлялось из области в казну.

Другой управляющий вел записи различных издержек, раздавал положенные воинам части¹⁰⁰. Каждый человек, которому были отданы доходы с какой-нибудь области, пользовался ими в продолжение трех лет, после чего производилась проверка и если область была в цветущем состоянии, а ее жители не жаловались, то все оставалось без изменения; в противном же случае доходы отбирались у получавшего их на три года.

Собирая подати, можно с успехом пускать в дело угрозы и ругательства, но не следует прибегать к кнуту и розгам. Правитель, авторитет которого слабее кнута и розог, не достоин своего звания.

Уложение о содержании моих детей и потомков

Я распорядился, чтобы мой старший сын и наследник Мухаммед-Джехангир располагал содержанием двенадцати тысяч всадников и доходами с одной области.

Мой второй сын Омар-Шейх получал содержание десяти тысяч всадников и доходы с одной области.

Мой третий сын Мираншах пользовался жалованьем девяти тысяч всадников и имел наместничество.

Тамерлан

Шахрух, мой четвертый сын, получал сумму, равную жалованью семи тысяч всадников, и доходы с одной области (как и предыдущие).

Моим внукам я давал содержание, равное жалованью от трех до семи тысяч всадников, с наместничествами.

Что касается моих родственников, то я разделил между ними власть в соответствии с их достоинствами. Каждый из них за превышение полномочий, которыми он был наделен, подвергался строжайшему взысканию.

О наказании моих сыновей, внуков, родственников, амиров и визирей

Если кто-нибудь из моих сыновей решался посягнуть на верховную власть, я не приказывал лишить его жизни или изувечить, но довольствовался содержанием его в тюрьме до тех пор, пока он не отказывался от своих притязаний. Так мне удавалось избежать гражданской войны. Если мой внук или другой родственник восставал против меня, то я лишал его титула и всего состояния¹⁰¹.

Предводители — опора государства. Если в нужный момент они забывали исполнять должное, я лишал их власти и титулов. Если они предпринимали что-либо, могущее произвести замешательство в государстве, я смещал их на низшие должности. В случае небрежности к своей службе они смещались на должности писцов, если же и здесь они выказывали полнейшую беззаботность и непослушание, то их выгоняли со службы безвозвратно.

Уложение Тимура

О визирих и амирах — столпах моего величия

Если какой-нибудь визирь обвинен в измене или в заговоре против высшей власти, не следует слишком поспешно выносить ему смертный приговор. Собрав самые полные сведения об обвинителях, нужно еще проверить справедливость самих обвинений. Потому что нередко случается, что злые люди и завистники, побуждаемые своими подлыми намерениями, искусно придают лжи вид истины. Встречаются такие изменники, которые подстрекают людей против законной власти и пускают в ход всевозможные ухищрения, чтобы погубить верных слуг. Часто силою своих происков они нарушают спокойствие государства.

Так амир Хусайн, подкупив одного из моих визирей, подговорил его восстановить меня против амира Ингу-Тимура и амира Джагуй-Барласа, самых надежных моих помощников. Я узнал о его замыслах и не поверил доносу визиря.

Аббас, один из преданнейших мне амиров, возбудил зависть у моих придворных, которые оклеветали его. Их ложь разожгла во мне гнев и, не разобрав дела, я предал смерти невинного, но со временем вероломство обвинителей обнаружилось, и я мучился раскаянием и жестокими угрызениями совести.

Если визирь, в ведении которого находится государственная казна, будет уличен в воровстве, ему следует оставить похищенную сумму, если она не превышает его жалованья; если она вдвое больше, то у визиря нужно отнять его доходы, если же она втрое больше его жалованья, то следует отобрать все имущество провинившегося. В общении с должностными ли-

Тамерлан

цами я старался вести себя так, чтобы у них не появилось ни малейшего повода к измене. Я был неизменно справедлив, чтобы избежать собственных злоупотреблений властью, могущих послужить в ущерб государству.

Речи людей злых, завидующих визирям, не заслуживают ни малейшего внимания; у этих сановников вообще много врагов, завидующих им, потому что светские люди ищут благ мира.

Если только визирь покровительствует подобным людям, то он неизбежно становится их жертвой; если же он отталкивает их, они делаются его непримиримыми врагами.

Визирь Джагатай-хана¹⁰² был обвинен завистниками в утайке нескольких тысяч золотых монет. Султан, услышав это обвинение, позвал визиря и сказал ему с упреком: «Как же ты мелок! Визирь такого султана, как я, и крадешь такую ничтожную сумму!» Восхищенный подобным благоволением, умный визирь отдал хану все, что имел, и таким образом сохранил свой пост и имущество.

Если простой воин, нарушая свои обязанности, позволит себе поднять руку на слабого, пусть он будет отдан своей жертве, чтоб испытать такое же обращение, какое он позволил себе относительно нее.

Вельможа, который дурно обращался с народом, должен заплатить штраф сообразно с важностью преступления. Очень строго будет наказан правитель, которого признают взяточником.

Я считаю, что всякий, признанный виновным, должен подвергнуться или ударам кнута, или штрафу; два наказания

Уложение Тимура

сразу не должны допускаться. Каждый вор должен подвергнуться наказанию по закону Чингисхана, который носит название «Яса». Украденные ценности должны быть отняты у него и возвращены их законному владельцу.

Что касается других преступлений, как-то: выбивания зубов, отрезание носа или ушей, пьянства и разврата, то провинившиеся должны предстать перед диваном и перед духовными и гражданскими судьями. Первые будут решать дела уголовные, а вторые должны вести процессы, касающиеся гражданского ведомства, для представления их мне.

Уложение о визирях

Я требовал от визиря четыре необходимых качества: 1) благородство мыслей и возвышенность души, 2) тонкий и проныцательный ум, 3) опыт в обращении с народом, 4) терпимость и способность примирять. Человек, одаренный этими качествами, достоин принять участие в правлении: он будет хорошим исполнителем и мудрым советником. Ему можно верить предводительство над войском и дать власть над народом. Он достоин доверия, уважения, свободы действий.

В полном смысле слова визирь есть тот, кто умеет водворить порядок как в управлении, так и в финансовых делах. Визирем также можно назвать того, кто в исполнении своих обязанностей и во всех делах, касающихся управления государственными и денежными делами, ведет себя с неизменной добротой, неподкупностью и умеренностью, кто сам хорошо

Тамерлан

исполняет свои обязанности и от других требует того же. Его приказания и запрещения выказывают благородство и величие его души и чувств. Чуждый преступления и насилия, он не иначе произносит имя человека, как с целью сказать о нем доброе и хорошее. Злословие и клевета одинаково чужды его ушей и его языка. Если до него дойдет слух о злом умысле, то ловким поведением он сумеет заставить задумавшего нехорошее навсегда отказаться от своих замыслов. Наконец, добротою к собственным врагам он достигает того, что они переходят на его сторону и предлагают ему свою дружбу и уважение.

Визирь, который злословит сам или выслушивает дурное от других, вызывает распри, стремится погубить честного человека для удовлетворения своей ненависти, недостойн занимать свой пост. Злые, завистливые и мстительные люди не должны допускаться к руководству: их участие в управлении государством может подорвать его могущество.

Случай с правителем Малик-шахом представляет тому поразительное доказательство. У него был визирь Низам ал-Мульк, замечательно даровитый человек; но султан лишил своих милостей этого незаменимого помощника, чтобы возвысить на его месте человека злого и низкого. Дурное ведение дел, пороки и низость нового визиря подорвали в корне могущество империи. Из Аббасидов халиф Матассем Биллах подвергся той же участи. Он имел неосторожность сделать визирем человека по имени Алкуми, отличавшегося своим вероломным и мстительным характером. Недостойный визирь,

Уложение Тимура

у которого в душе таилась старая злоба против государя, обманул его своими коварными речами. Хулагу-хан, на честолюбии которого он сыграл, восстал против халифа, взял его в плен, и известно, что впоследствии случилось с этим доверчивым государем.

Визирь должен быть одарен качествами, которые отличают людей хорошего происхождения: он должен быть добродетельным, осторожным и милосердным. Благородные душой не отступают от долга, тогда как нельзя доверяться людям дурного происхождения¹⁰³.

Вполне заслуживает почестей тот визирь, который на своем высоком посту действует мудро и честно, который счастливо ведет все отрасли правления, не отклоняясь ни от религии, ни от чести.

Как только визирь без всякой разборчивости начнет пускать в ход дурные средства, начинают страдать могущество и величие державы. Мудрый визирь соединяет снисходительность с твердостью; он умеет держаться середины: излишек кротости может сделать его жертвой мошенников и честолюбцев; избыток же строгости может навсегда лишить его любви подданных. Своей добротой и умом такой визирь восстанавливает и поддерживает порядок при дворе и в государстве. Терпеливый и снисходительный, он умеет соединять строгость с добротой. На обладающего всеми этими качествами следует смотреть как на крайне нужного человека, потому что богатство и сила государя заключается в его землях, казне, войске, и только разумный визирь может поддержать

Тамерлан

и сохранить все эти владения. Если бы визирь и соединял в себе все вышеупомянутые необходимые качества, надобно еще, чтоб он не помнил всех упреков, которые могут быть адресованы ему, т. е. не был злопамятен. Если сердце его открыто для мести и вероломства, то можно ожидать неприятных последствий, можно опасаться тайных сношений с врагами государства, развала войска и расхищения казны.

Мудрый визирь одной рукой управляет войском, другой — сдерживает народ (на эти два пункта направлены все его заботы, все старания). Он дает и берет к стати. Искренность и правосудие управляют его поступками. Он предвидит исход всякого дела и не забывает о врагах. Деятельный и опытный, он всегда считается с населением государства, заботится о счастье народа, усилении войска и увеличении богатств. Занятый постоянно мыслью о том, что может способствовать благоденствию государства, он жертвует своей жизнью и личным благосостоянием, чтобы только отвратить зло, грозящее государству.

Он защищает интересы народа и все, что их касается. Таков был Низам Алмульк. Польза, которую он принес, искупила все ошибки, сделанные им, и, когда он хотел предпринять путешествие в Мекку, один дервиш помешал ему, сказав: «Добро, которое ты творишь, будучи визирем Малик-шаха, и счастье, которым благодаря тебе наслаждаются служители Аллаха, вполне заменят исполнение этого обычая».

Я слышал рассказ, что Али, сын Лакоти, визирь Гарун-ал-Рашида, после долгого служения благу народному хотел

Уложение Тимура

удалиться от дел. Один из высших духовных лиц написал ему по этому поводу следующее: «Долг обязывает тебя остаться при дворе халифа, потому что помощь и преимущества, которыми пользуются в твоё правление слуги Всевышнего, превышают все остальные твои дела».

Однажды спросили у великого Пророка: «Если б Аллах не возложил на вас миссии и не дал дара пророчества, какое бы занятие вы избрали?» «Служение монархам, для того чтоб быть полезным созданиям Всемогущего», — отвечал Пророк. Руководствуясь этим, я в своё время принял предложение визиря и главнокомандующего Ильяс-Ходжи, сына Туклук-Тимура, хана Джете.

Целью моей жизни я избрал благо народное и за заслуги Аллах возвел меня на трон.

Визирь, который удерживает в своей власти страну, заслуживает уважения и почестей. Ловкий и разумный визирь есть тот, который, руководствуясь своими соображениями, может умело воодушевить и объединить войска или же посеять в них раздор; умелыми действиями он может также завоевать симпатию неприятельских войск и привлечь их на свою сторону; полный внимания к интересам государя, доверием которого он пользуется, разумный визирь с помощью своей мудрости и прозорливости в состоянии преодолеть все преграды, устранить все препятствия и затруднения, могущие помешать успеху государя.

Когда я был захвачен в плен амиром Али-бегом Джаны-Курбаны и брошен в тюрьму, переполненную гадами, один

Тамерлан

из моих визирей по имени Азис-эд-дин явился ко мне на помощь. Он усыпил амира Али-бега Джаны-Курбаны, а тем временем я призвал все свое мужество и в бою завоевал себе свободу.

Низам Алмульк освободил таким же образом султана Малик-шаха из оков Кайсара¹⁰⁴.

Визирь, портрет которого я старался нарисовать, вполне заслуживает быть товарищем в управлении государством; он достоин уважения и почестей, на его речи смело можно положиться, ибо все, что он говорит, внушено ему мудростью.

Такой визирь, даже и при монархе-притеснителе, может исправлять все ошибки государя; если же визирь сам разбойник, он способен лишь внести беспорядок в управление государством.

Уложение о назначении предводителей¹⁰⁵ в войсках

Я приказал, чтобы триста тринадцать человек, избранных из среды самых верных слуг, были назначены войсковыми предводителями; я требовал, чтобы эти новые амиры обладали знатностью происхождения, соединенною с благородством души, умом, хитростью и смелостью, храбростью и осторожностью, решительностью и предусмотрительностью, бдительностью и настойчивостью. Каждый из них имел одного преемника.

В случае смерти какого-либо из амиров его заменял его преемник.

Эти триста тринадцать амиров были умны и одарены всеми талантами, необходимыми как на войне, так и в мирное время.

Правоверные на молитве.
Lane. Manners and Customs

Тамерлан

Опыт показывал мне, что для того чтобы быть способным к исполнению обязанностей амира, необходимо знать тайны военного искусства, не терять присутствия духа в решительный момент, не останавливаться ни перед какими трудностями, быть всегда в состоянии руководить своими воинами и, в случае возникновения каких-либо беспорядков, уметь тотчас же прекратить их.

Я приказал, чтобы среди амиров, о которых я только что говорил, четверо были наделены высшей властью и подчинялись лишь мне и моему главнокомандующему. Этот последний был лучшим из трехсот тринадцати амиров и имел право командовать как амирами, так и простыми воинами; когда же я сам становился во главе моего войска, он делался моим ближайшим помощником.

Непосредственно за амирами, наделенными высшей властью, следовало еще восемь человек, талантливых и достойных, каждый из которых командовал отрядом в двенадцать тысяч всадников.

Каждый из таких отрядов — всего их было восемь — создавался так: я вверял тысячу всадников одному из амиров, две тысячи — другому; третий, четвертый и пятый амиры командовали тремя, четырьмя, пятью тысячами всадников соответственно, и так вплоть до двенадцатого, который и был поставлен во главе двенадцати тысяч. Все эти амиры могли замещать друг друга: первый был помощником второго, второй — третьего, и так вплоть до двенадцатого. Таким образом, каждый из младших амиров в случае надобности мог за-

Уложение Тимура

менить старшего. Предводитель двенадцатитысячного отряда подчинялся одному из четырех амиров, наделенных высшей властью.

Из числа трехсот тринадцати предводителей я назначил сто десятников (ун-баши), сто сотников (юз-баши) и сто тысячских (мин-баши). Каждый из них добросовестно выполнял свои обязанности, не обременяя ими других, поскольку то, что должен исполнить ун-баши, не должно касаться юз-баши. Точно так же будет лишним юз-баши, если мин-баши будет исполнять его обязанности.

Уложение о повышении воинов от самого низшего до самого высшего чина

Те из воинов, которые отличаются на войне необыкновенною храбростью, могут возвыситься до звания ун-баши; при вторичном отличии они должны получить звание юз-баши, и, наконец, — мин-баши. Я не желаю, чтобы награждались проявления храбрости, когда они вызваны только стремлением избежать гибели; потому что это не превосходит самозащиты быка, направляющего свои рога против нападающего; необходимо обращать внимание на благородство и возвышенность чувства, руководящего воином в деле.

Если мин-баши со своими воинами опрокидывает отряд неприятеля в тысячу всадников, то ему можно доверить командование двухтысячным отрядом. Предводителю двухтысячного отряда, со своими воинами обратившему врага в бегство,

Тамерлан

можно доверить три тысячи всадников, и так могут повышаться все амиры, блестящим образом отличившиеся на поле боя. Простому воину в награду за оказанную храбрость можно увеличить жалованье. Воин, бежавший с поля боя, должен быть лишен права на участия в разделе добычи; но это можно простить ему, если он вынужден был бежать с поля боя из-за превосходства неприятеля. Тот, кто возвратится с поля боя, покрытый ранами, должен быть окружен почетом; его следует осыпать похвалами, так как его раны доказывают, что если и не сам он напал на неприятеля, то во всяком случае неприятель был близко к нему.

Мною было строго запрещено лишать воинов заслуженной награды. Поседевшие на военной службе не теряли ни жалованья, ни чина; их верная служба не забывалась. Тот, кто посвящает долгую жизнь, которую мог бы прожить спокойно, всем случайностям войны, достоин награды; он имеет право требовать богатств и отличий. Забывать о его заслугах, отказывать ему в награде было бы возмутительной несправедливостью.

Я стремился к тому, чтобы каждый воин, который своими трудами способствовал упрочению моего величия: выигрывая ли сражение, присоединяя ли царства или выказывая свою храбрость, всегда получал то, чего вправе был ожидать. Старые воины были глубоко почитаемы, речи их выслушивались, потому что все, что они ни говорили, было основано на опыте; они составляли славу моего государства, и дети их наследовали должности, которые ранее занимали они.

Уложение Тимура

Я запрещал предавать смерти пленных¹⁰⁶, предоставляя им на выбор: они могли вступить ко мне на службу или получить свободу. Так я даровал свободу четырем тысячам турок.

Если неприятельский воин, по окончании битвы, по исполнении законов соли по отношению к господину¹⁰⁷ искал у меня покровительства по необходимости или по доброй воле, то его принимали с почетом; ему следовало оказывать большое внимание, так как он был верен своему государю и долгу.

Таким образом я отнесся к Шир-Баграму. В битве, которую я дал амиру Хусайну¹⁰⁸, Шир-Баграм двинулся против меня и показал чудеса храбрости. Но впоследствии он был вынужден прибегнуть к моему покровительству и встретил у меня достойный прием.

Во время завоевания мною Балха амир Менгли-Буг предводительствовал неприятельским войском; перед битвой я сделал ему некоторые предложения с целью привлечь его на свою сторону; но, неизменно преданный хану Туклук-Тимуру¹⁰⁹, он выстроил свои войска и дал мне сражение, в котором был разбит наголову.

Впоследствии он добровольно преклонил предо мною колена; после этого я дал ему блестящий пост и своими благодеяниями сумел потушить в нем чувство мести, ибо я не пропускал удобного случая показать ему свою благосклонность и свое великодушие.

Менгли-Буг был храбрый воин; это он доказал блестящим образом, когда ему довелось сражаться за меня; он оказал мне неоценимую услугу в войне за Мидию (Азербайджан).

Тамерлан

Когда мои войска дрогнули перед войсками Кара-Юсуфа¹¹⁰, вдруг Менгли-Буг взял голову убитого вражеского амира, надел ее на копье и стал уверять воинов, что это голова Кара-Юсуфа, из-за чего в войске распространился слух, что предводитель вражеского войска убит. Это очень воодушевило моих воинов. Они атаковали неприятеля и обратили его в бегство. Я полностью приписал свою победу над Кара-Юсуфом находчивому Менгли-Бугу, которого я после всего повысил в должности.

Уложение о способах поощрения амиров и воинов щедротами и почестями

Я приказал, чтобы тот амир, который покорит царство или разобьет вражеское войско, получал почетный титул «храбрец», почетный знак (бунчук) и литавры¹¹¹. Я допускал его в свой совет и, наконец, давал ему в управление область с числом амиров, достаточным для того, чтоб составить его свиту. Амир, который одерживал победу над войском какого-нибудь принца, сына принца или же хана, получал такую же награду.

Так, когда амир Ингу-Тимур, который был послан мною против Урус-хана, возвратился победителем, я назначил его предводителем десяти тысяч человек, вручил ему бунчук и литавры и сделал его своим советником. Я назначил его правителем пограничной области с надлежащим числом амиров в свиту.

Завистники стали наговаривать на этого амира: они обвинили его в том, что он разорил область Урус-хана и присвоил

Уложение Тимура

себе ее богатства. Эти разговоры породили во мне равнодушные к Ингу-Тимуру. Но история Бахрама-Джубина, которая была мне известна, предостерегла меня от поспешных выводов. Вот эта история.

Хакан¹¹² во главе тридцати тысяч турок, жаждущих крови, выступил против Хормуза, сына Нуширвана. Этот молодой правитель выслал против врагов Бахрама-Джубина — визиря, советника и главнокомандующего войском своего покойного отца. Он дал ему тридцать две тысячи персов¹¹³, и Джубин вступил в сражение, длившееся три дня и три ночи. Хакан был разбит. Победитель известил о том тотчас же Хормуза и позже возложил к его стопам всю захваченную добычу.

Клеветники и завистники, выбрав подходящее время, осмелились произнести следующее: «Бахрам-Джубин оставил себе большую часть богатства хакана. Он скрыл осыпанные драгоценными камнями корону и кинжал, а также украшенные бриллиантами туфли». Жадность заставляет Хормуза забыть все заслуги Бахрама. Непростительная легковёрность побуждает его обвинить своего амира в измене; он посылает Джубину женское покрывало, ожерелье и цепь. Бахрам надевает ожерелье на шею, цепь на ноги, накидывает покрывало и, созвав воинов, в таком виде предстает перед ними. Увидев его, возмущенные воины проклинают Хормуза и отрекаются от верности своему государю¹¹⁴. Воодушевленные своим предводителем, они подступают к городу Мадаину, где находился дворец монарха, низвергают его с персидского трона и возводят на него Хорзу-Парвиза.

Тамерлан

Помня этот случай, я остерегался вызвать недовольство воинов Ингу-Тимура. Я призвал его и, сев на трон, велел выпустить всех желающих; затем вся добыча, захваченная у Урус-хана, была разложена посреди собрания; я сам разделил ее между Ингу-Тимуром и его храбрыми воинами; себе я не оставил ничего.

Амир, который выражает свою храбрость в деле, который разобьет неприятельский отряд, заслуживает повышения.

В одном сражении против хана Тохтамыша Табин-богадур смог захватить бунчук этого хана; этот подвиг стоил ему многих ран; злые завистники старались затемнить этот подвиг в моих глазах, но я не допустил этого. Я сделал предводителем храброго Табина и к прочим наградам присоединил почетный знак.

Если сотник или тысяцкий обратит в бегство неприятельский отряд, то первый из них достоин быть правителем какого-нибудь города, а второй — правителем области.

Юз-баши Барлас-богадур осмелился напасть на Тохтамыша во время войны, которую я вел с этим ханом. В награду за то, что он разбил неприятельскую армию, я назначил его правителем Хиссар-Шадман.

Мин-баши, который одержал верх в сражении, должен получить титул правителя области. Так, во время завоевания Каттура черная шайка¹¹⁵, которая уничтожила отряд Беран-Агмана, была разбита Мухаммед-заде; в награду за этот подвиг я дал ему области Кандоз и Кулаб. Каждый амир, который завоеует целое вражеское государство, может им пользоваться три года в виде награды.

Уложение Тимура

Храбрец, который отличился каким-либо подвигом, должен получить более высокий чин; ему также следует дать булаву, вышитый шатер, кинжал и лошадь. Его следует сделать десятником, пока второй и третий подвиги не возвысят его до чина сотника и тысяцкого.

Уложение о раздаче литавр и знамен

Я желаю, чтобы каждый из двенадцати амиров имел и литавры и знамя. Но главнокомандующий, кроме этого, должен иметь еще два почетных знака¹¹⁶.

Мин-баши получает знамя и трубу, а юз-баши и ун-баши — литавры. Амиры различных орд должны иметь отличительные знаки.

Амиры, завоевавшие область или разбившие наголову вражеское войско, будут возведены в чины. Первый амир будет возведен в ранг второго, второй в ранг третьего и так до двенадцатого, которому будут пожалованы знамя, значок и литавры.

Уложение о снаряжении войска

По моему приказу в военное время простые воины получали одну палатку на восемнадцать человек; каждый из них должен иметь две лошади, он должен быть снабжен луком, колчаном, мечом, вещевым мешком, шилом, пилой, топором и десятью иглами.

Заслуженные воины должны помещаться впятером в одной палатке, и каждый должен иметь шлем, латы, меч, лук,

Тамерлан

колчан и количество лошадей, предписанное указом¹¹⁷. Каждый ун-баши помещается в отдельной палатке и должен иметь кольчугу, саблю, лук, колчан; за ним должно следовать пять лошадей.

Юз-баши может вести за собою десять лошадей, иметь отдельную палатку, его вооружение может состоять из сабли, лука, колчана, булавы, кольчуги и лат и шлема.

Военный обоз мин-баши должен состоять из юрты, двух шатров, вышитого шатра и множества оружия, соответствующего его чину.

Другие предводители тысячных отрядов вплоть до главнокомандующего должны иметь все соответствующее их чину вооружение.

Мин-баши должен вести сто десять лошадей, предводитель двухтысячного отряда — сто двадцать лошадей, трехтысячного — сто тридцать лошадей и так до главнокомандующего, которому необходимо иметь не менее трехсот лошадей. Пеший воин может вооружаться саблей, луком и любым числом стрел, однако в бою ему необходимо иметь только предписанное законом количество.

Уложение для лиц, являющихся во дворец. Размещение дворцовой стражи и стражи в походе

Воины и их предводители не должны являться во дворец без шапок, без халата (бешмета), без сапог, без вакде и без сабли.

Двенадцать тысяч стражников, вооруженных с ног до головы, должны находиться вокруг дворца — справа, слева,

Уложение Тимура

впереди и позади. Ночная стража, которая сменяется каждую ночь, должна состоять из тысячи человек. В ней каждая сотня стражников находится под командованием юз-баши, который сообщает каждому из своих подчиненных пароль.

Я советую подобным образом размещать стражу в походе. Необходимо иметь двенадцать тысяч хорошо вооруженных всадников, чтобы назначать их в караул в продолжение дня и ночи. Эти двенадцать тысяч всадников следует разделить на четыре равные части, разместив их со всех четырех сторон вокруг лагеря, и каждая очередная смена должна стоять на страже в расстоянии полумили от лагеря.

Каждая такая часть должна посменно высылать в своем направлении — на север, на юг, на запад или на восток — передовой отряд, который должен находиться на некотором расстоянии от лагеря. В свою очередь, из передового отряда должны посменно высылаться конные разъезды. С их помощью в лагере будут известны сведения об окружающей обстановке.

В каждую часть внутреннего лагеря должен быть назначен человек, которому доверено наблюдение за продуктами, доставляемыми в лагерь купцами; он же отвечает за все кражи, которые там могут быть совершены; четыре отряда чопекунчей¹¹⁸ должны охранять лагерь, объезжая его вокруг, в некотором отдалении от передовых отрядов. Если на этом пространстве совершится кража или убийство, то ответственность падает на чопекунчей.

Тамерлан

Треть моего войска должна заботиться о боевом охранении; две трети — должны быть наготове для исполнения моих приказаний.

Уложение о служебных обязанностях визирей

По моему повелению в совет всегда входило четыре визиря.

I. Визирь областей и народа. Назначением этого визиря было сообщать мне все о делах, касавшихся управления в областях моей страны и ее гражданского населения.

Он отвечал за сбор податей и высказывал свои соображения о распределении всей массы сборов; он же давал мне точный отчет о количестве населения, о развитии торговли и о положении надзора за общественным порядком в государстве.

II. Военный визирь. Обязанности этого визиря состояли в представлении мне списков войск и в составлении отчетов о выдаче жалованья, в согласовании расположения отрядов для предупреждения их разбросанности и в сообщении совету обо всем, что касается военного дела.

III. Визирь путешествующих и покинутых имуществ¹¹⁹. Этот министр охранял от расхищения имущества людей умерших, бежавших; он же занимался налогами, которые уплачивались путешествующими. Он собирал установленные налоги со стад, пастбищ, прудов и лугов. Это был мой верный слуга,

Уложение Тимура

заботившийся о положении государственной казны и о передаче имущества умерших или отсутствующих лиц их законным наследникам.

IV. Визирь императорского двора. Он наблюдал за доходами и расходами двора, а также за тем, что выдавалось из казны и расходовалось на содержание лошадей и других вьючных животных.

Я назначил трех визирей в пограничных областях и внутри государства для неусыпного надзора за общественным порядком и управлением государственной собственностью. Эти семь визирей были подчинены главе моего совета¹²⁰. Обсудив с ними все текущие дела, он доводил их до моего сведения.

Я назначил чиновника¹²¹, обязанностью которого было докладывать мне о всех прошениях, которые поступали из моих войск и от моего народа, и о всех трудных делах, решение которых было по тем или иным причинам затруднено. Обязанностью представителя духовной власти было докладывать мне о состоянии средств, предназначенных для потомков Пророка, и о жалованье другим духовным лицам. Равно как и о распределении средств, которые выделялись из казны на дела веры.

Духовный судья докладывал мне о делах, касавшихся веры, а гражданский — о делах, относившихся к его ведомству.

Я требовал, чтобы все особо важные государственные дела, которые касались перемен и нововведений, распреде-

Тамерлан

ления войск и назначения амиров, рассматривались в закрытом совете. Я установил, чтобы в этом совете, помимо его членов, присутствовал лишь секретарь, человек испытанный, для ведения точных записей об этих тайных делах и их обсуждении.

Я приказал назначить несколько секретарей, которые поочередно должны были присутствовать в совете; они тщательно записывали все, о чем там говорилось. Записали историю моей жизни. В нее включены все суждения, которые я высказывал в совете, и отражено все то, что в нем происходило.

Уложение о назначении предводителей улусов¹²² и туменов¹²³

Я приказал, чтобы предводитель каждой орды и каждого тумена в военное время брал с собою в поход по одному всаднику из каждой юрты или каждого дома. Предводители орд получали особые знаки, которые позволяли им повсюду, где бы они не останавливались, получать для своих отрядов воду, продовольствие и фураж. Они были обязаны выводить в поле такое число всадников, которое соответствовало бы числу жилищ в их улусе или тумене. Я приказал, чтобы из числа сорока предводителей орд (оймаков) или начальников орд, которые признали мою власть, двенадцать получили мою тамгу¹²⁴, что возвышало их до положения моих доверенных лиц. Для этого я избрал предводителей орд Барласа, Тархана, Аргуна, Джалаир, Тулкачи, Дульди, Могула, Сельдуза, Туга, Кипчака, Ерлата и Татарии.

Уложение Тимура

В орде Барласа я назначил четырех главных амиров. Амиру Кодададу, которому я отдал область Бадакшана; Амиры: Яку, Ингу-Тимур и Солейман-Шах получили в управление каждый пограничную область. Сто человек из орды Барласа были возведены в звание мин-баши; наконец, Джелал-эд-дин был сделан амиром десяти тысячного отряда, а Абу-Сайид — девяти тысячного.

В орде Тархана я назначил Баязида амиром семи тысячного отряда, а двадцать воинов получили звание юз-баши.

В орде Аргуна — Таш-Хаджу амиром восьми тысячного отряда, а двадцать человек из этой орды — в мин-баши, юз-баши и ун-баши.

В орде Джалаир я назначил Тук-Тимура амиром восьми тысячного отряда, а Шир-Баграма — девяти тысячного; двадцать человек назначены в ун-баши и юз-баши.

В орде Тулкачи звание амира было оставлено за Алжету-Берди.

В орде Дульди то же звание дано Табан-богадуру и Сам-богадуру.

Тимур-Ходжа-Углан был амиром в орде Могула.

Ильчи-богадур — в орде Сельдуза, Али-Дервиш — в орде Туга.

Амир Сар-Буг — в орде Кипчак.

В орде Ерлата звание главного амира было дано амиру Муvidу, который женился на моей сестре, а Соляичи-богадур сделан амиром.

Это же звание получил Кунк-хан в Татарской орде.

Тамерлан

Двадцать восемь прочих оймаков, которые не получили там-ги, назывались просто начальниками племен. В случае войны они должны были явиться с числом воинов, указанным в приказе, к месту назначения.

Уложение, по которому должны строиться отношения между господином и слугой

Хороший слуга должен знать, что его господин вправе требовать от него то, что он сам требовал бы, имея слугу. Поэтому слуге следует быть неутомимо деятельным на службе. Если его господин после выражения самой искренней доброжелательности делается к нему равнодушным, то он должен обвинять в этом самого себя, а не господина.

Добрый слуга привязывается к господину и служит из расположения. Тот, кто, не зная дружбы, питает к своему господину лишь ненависть, навлечет на себя несчастье, тогда как успехи и благосостояние преданного слуги будут возрастать с каждым днем. Преданный слуга не оскорбляется выговорами или равнодушием своего господина, не питает злобы в своем сердце; он обвиняет самого себя в дурном обращении, если с ним обращаются плохо. Такой слуга заслуживает повышения. Корыстолюбивый слуга будет ленив в работе.

Тот, кто забывает свой долг и поворачивается спиной, когда в нем сильно нуждаются, не достоин внимания. Слуга, который способен отделаться извинениями или просить разрешения уйти накануне сражения, который ищет предлога для того,

Рай.
 Миниатюра с персидской денежной шкатулки

Злые духи (джинны) угрожают путешественнику.
 Миниатюра с персидской денежной шкатулки

Тамерлан

чтобы скрыться (таковым было поведение Булла и Тимур-Углана, покинувших меня в самый ответственный момент), — пусть имя такого слуги предастся забвению, и пусть Всевышний его накажет.

Государи не должны лишать подданного власти, раз уж они облекли его таковою. Пусть они остерегаются лишать власти того, кого до нее возвысили. Человек, за которым раз признаны достоинство и проницательность, не создан для того, чтобы быть низвергнутым. Если, по несчастью, такое оскорбление ему уже нанесено, то необходимо исправить это, возвысив оскорбленного вдвое более прежнего, и предоставить себя его великодушию. Однако, если у него в душе все же останется злоба и он задумает отомстить за себя, он должен будет понести за это наказание. Но слуга, который заботится о том, чтобы сохранить место в сердце своего господина, стоит на пути к своему благополучию.

Тот, кто после вынужденного или добровольного разрыва возвращается к своему господину, заслуживает внимания, так как он дает блестящее доказательство своего раскаяния, своей преданности.

Если слуга неприятеля, доказав свою храбрость в бою, попадал в плен или по доброй воле покидал своих, чтобы просить моего покровительства, я возвышал его и обращался с ним, как с верным моим подданным.

Менгли-Буг и Идер-Андуху¹²⁵, которые с амиром Абу-Сайидом ожидали меня во главе шести тысяч всадников, разбили меня на берегах реки Балх.

Уложение Тимура

Впоследствии эти амиры, не надеясь более на своего государя, перешли на мою сторону; я принял их с радостью и осыпал почестями. Я дал им области Исад, Шадман, Андижан¹²⁶ и Туркестан.

Если слуга разрывает цепи дружбы по наущению врагов своего господина, если, забыв право соли, он старается низвергнуть своего государя, я строго запрещаю его принимать; судьба, куда бы он ни скрылся, воздаст ему за неверность смертью.

Подданный, который оставляет своего господина в опасности и ищет дружбы других, не заслуживает никакого доверия; однако если прежние отношения позволяют все же рассчитывать на его верность, то его услугами можно пользоваться во всякое время, кроме военного. Ему следует оказывать величайшее внимание.

Визирь или просто подданный, который поддерживает близкие отношения с врагами, но под прикрытием этой дружбы действует в пользу своего господина, достоин стать в ряд самых умных друзей или рабов¹²⁷. Но раб, который изменяет своему господину и продает его, должен считаться врагом.

Нужно остерегаться клеветы, распространяемой против слуги, который поднимал оружие против врагов своего господина и выиграл сражение, или забывать добро, которое он сделал. За каждую услугу нужно платить в десять раз больше, чем она стоит, и в интересах собственной власти возвышать подобного раба, чтобы внушить другим такое же рвение и такое же усердие. Если целый отряд или только предводитель ре-

Тамерлан

шили перебежать к врагу, то таким воинам больше нет места в войске. Так, когда предводители отрядов Кеша¹²⁸ оставили меня, чтобы соединиться с Хаджи-Барласом, я не оказывал им больше никакого доверия.

Всякий повелитель, который добровольно отдает вверенную ему область врагу, подлежит смерти; но тот, кто сохранил свою область, должен быть осыпан наградами.

Предводитель, верность которого непоколебима в минуту неудачи, среди всех случайностей войны, воистину достоин имени брата. Жизнь дала мне возможность убедиться в этом. Когда предводители отрядов Кеши переметнулись к врагу, только амир Яку-Барлас остался возле меня, чтоб разделить мою участь. После этого я смотрел на верного Барласа как на брата и товарища; я дал ему звание главнокомандующего¹²⁹, а также управление областями Хиссар и Балх.

Уложение о правилах обращения с врагами и друзьями

Когда после завоевания Турана я утвердился в Самарканде на пике своего могущества, амиры Бадакшана, некоторые предводители орд тюркских и иноземных, которые тайно или открыто, с оружием в руках вредили мне, пришли в уныние, помня свое прежнее поведение; но, отдавшись на мою волю, они были смущены моим великодушием и благодеяниями. Я расточал милости и награды всем тем, которых я огорчил; путем почестей и чинов я старался их утешить.

Уложение Тимура

Я предал проклятию амиров Зельтуза и Зиттеха. Они возвели на трон Кабуль-шаха, потомка Чингисхана, и присягнули ему на верность и преданность. При вести о моем возвращении эти изменники, поправ самые священные обязанности, зарезали несчастного хана в надежде на мою благосклонность.

Завистник, являвшийся с намерением погубить меня, встречал с моей стороны столько знаков расположения, что, пораженный моим поведением, покрывался потом смущения.

Если друг испытанной верности искал у меня помощи, я не скупился помогать ему вещами и деньгами, потому что смотрел на него, как на товарища по несчастью.

Опыт научил меня, что только тот испытанный друг, кто никогда не оскорбляется, кто считает своими врагами врагов своего друга и кто в случае надобности охотно жертвует ради друга своей жизнью. Такова преданность многих моих амиров, зато и они не могли бы жаловаться на мою скупость.

Опыт убедил меня также в том, что благоразумные враги лучше безрассудных друзей. Амир Хусайн, внук Казгана, принадлежал к числу этих последних. Того, что он сделал мне по дружбе, враг не сделал бы в припадке ненависти.

Амир Кодадад говорил мне: «Береги твоего врага, как жемчужину или алмаз, но если ты найдешь камень «закх», сотри его так, чтобы не осталось и следа». Он же прибавил: «Когда враг сдастся и просит твоего покровительства, пощади его, отнесись к нему благосклонно». Поэтому-то я и принял милостиво Тохтамыш¹³⁰, который искал у меня убежища. Если враг, употребив во зло оказанную ему доброту, возобновляет неприязнь, пусть его судит Всевышний!

Тамерлан

Истинный друг не держит зла на своего друга или по крайней мере охотно принимает его извинения.

Уложение о порядке заседания в совете (диване)

Я повелел, чтобы мои сыновья, мои внуки и мои родственники, смотря по чину, занимали места вокруг трона, в виде кольца вокруг луны.

Потомки Пророка, судьи, ученые, богословы, старцы, вельможи и знать помещались справа от трона.

Главкомандующий, амиры десятитысячных и меньших отрядов, мин-баши, юз-баши и ун-баши садились слева по старшинству.

Председателю совета и визирям места — против трона; вельможи и наместники областей образовали второй ряд позади их.

Избранные воины, получившие титул храбрых богадуров, должны были садиться позади трона справа; предводители легкой кавалерии также занимали места позади трона, но слева.

Я приказал, чтобы предводитель первого отряда помещался напротив трона; предводитель стражников занимал пост у входа напротив трона; наконец, лица, ищущие правосудия, могли размещаться справа и слева.

Простые воины и придворные слуги, раз поставленные в ряды, не смели выходить из них.

Четыре придворных распорядителя, стоявшие справа и слева, позади и впереди трона, наблюдали за порядком прохож-

Уложение Тимура

дения собрания. Когда все присутствующие были на своих местах, я приказывал подавать народу тысячу блюд с различными кушаньями и тысячу хлебов. В моем закрытом совете подавалась также тысяча блюд, из которых пятсот я отсылал амирам орд и другим предводителям, назначая их каждому поименно.

Уложение о завоевании государств

Если какое-либо государство становится добычей тирании и в нем царствует насилие и жестокость, то долг каждого государя, верящего в торжество справедливости, вторгнуться в эту страну и приложить все усилия для искоренения поселившегося в ней зла. Всевышний сам вырвет такую страну из рук притеснителя и отдаст ее этому государю. Именно любовь к справедливости внушила мне мысль освободить Мавераннахр от притеснений со стороны узбеков.

Если в каком-либо государстве отмечается упадок веры, допускается пренебрежение к чудным делам Всевышнего или оскорбление Его избранных слуг, тогда государь-завоеватель обязан вторгнуться в это государство для восстановления там веры и закона Мухаммеда. Он твердо может рассчитывать на помощь Пророка.

Опираясь на это, я отнял столицу Индустана, Дели, у султана Махмуда (внука Фарси-Шаха), Малу-хана и Саренки. Я восстановил там во всей силе веру и закон. Я разрушил все языческие капища, воздвигнутые в стране. Если правитель

Тамерлан

злоупотребляет своею властью во вверенной ему стране и своими притеснениями доводит жителей ее до отчаяния, то всякий государь может освободить эту страну. При приближении такого освободителя все пути ему будут открыты. Таким образом я отнял Хорасан у государей из династии Карт. Лишь причины моего похода и виды на столицу этой страны стали известны, как Гиас-эд-дин сдал мне ее со всеми богатствами, которые были в его распоряжении.

Каждое государство, в котором безверие и ереси пустили глубокие корни и разделили народ и войско на многочисленные секты, легко может быть завоевано. Правоверный монарх не должен пренебрегать случаем в него вторгнуться. Именно это и побудило меня освободить Ирак-Аджеми и Фарсисан от презренных еретиков, которые разъединяли народ этой страны. Все они были уничтожены и я сохранил эту страну для истинных служителей Аллаха.

Если в стране народ исповедует веру, различную с верой потомков Пророка (Божья благодать да почет на нем), правоверный монарх должен завоевать эту страну, чтобы вывести ее народ из заблуждения. Так, когда я вступил в Сирию, то строго наказал тех, кто следовал ложному учению.

В начале своих завоеваний я усвоил себе четыре правила, которых я строго придерживался.

1) В своих походах я действовал осторожно, предварительно все хорошо обдумав.

2) Чтобы не ошибиться в своих предприятиях, я был чрезвычайно внимателен, осмотрителен и осторожен, и помощь

Уложение Тимура

Всевышнего содействовала успеху всех моих дел. Я старательно изучал характер и обычаи различных народностей; затем я, сообразуя свою деятельность с этим знанием, давал каждой из них правителя, который бы вполне ей соответствовал.

3) Я приблизил к себе триста тринадцать храбрецов знатного рода, испытанной смелости и редкого благоразумия. Они были так тесно связаны между собою, что составляли как бы одно целое, и поэтому никогда не расходились в своих планах, своих мнениях и своих действиях. Когда в отношении чего-то они говорили: «Мы сделаем это», — то так оно и было; они никогда не оставляли предприятия, не доведя его до конца.

4) Я не откладывал то, что можно сделать сегодня, на завтра, умел употребить кстати кротость, строгость, медлительность и поспешность и не прибегал к оружию в деле, которое его не требовало. Искусство завоевывать государства было для меня шахматной игрой, в которой я упражнялся в течение дня с людьми просвещенными; ночью же, в тиши моего кабинета, даже в постели, я обдумывал свои замыслы и способы их осуществления. В мыслях я тщательно прокладывал путь, ведущий к победам, — путь нападений и отступлений. Я обдумывал свое поведение относительно воинов: как я обойдусь с одним, какие приказания дам другому.

Постоянно опасаясь ошибиться, в любом деле я не упускал ни одной мелочи; обращался ласково и великодушно с теми амирами, которые были расположены ко мне, и ловко обхо-

Тамерлан

дил тех, которые выказывали мне неприязнь. Однако я считал неблагоприятным того, кто платил мне злом за добро.

Мой духовный наставник писал мне:

«В своих действиях ты должен согласоваться с повелениями Аллаха и Его Пророка и помогать возвеличению Мухаммеда в грядущем. Изгони из стран Всевышнего тех государей, которые, пользуясь благодеяниями Творца, восстают против Него и Его Пророка.

Пусть справедливость царит в твоём государстве, так как, по преданию, даже неверные долго могут сохранять свою власть; но она никогда не остается долго в руках тиранов.

Долг обязывает тебя искоренить те гнусности, которые нашли место в царстве Всевышнего. Они также влияют на людей, как дурная пища на тело. Поэтому постарайся искоренить их. Не ставь в заслугу тиранам того продолжительного благополучия, которое они нередко обретают на земле. Пойми причину продолжительного счастья злых притеснителей. Необходимо, чтобы все злодеяния и преступления, которые в своём сердце задумали эти люди, совершились, дабы негодование и гнев Божий разразился над виновными; настанет день, когда Всевышний обратит свое могущество против этих злодеев, этих безбожников, наказывая их оковами, заключением, отчаянием, голодом, болезнями и внезапной смертью. Настанет время, когда невинные, добрые и справедливые, преданные казни злодеями, будут причислены к лику жертв, ибо огонь, который загорается в болоте, пожирает одинаково и сухие и свежие травы. Не удивляйся при виде счастья и возвы-

Уложение Тимура

шения неверных, безбожных и злых, остерегайся впасть в заблуждение, говоря: “Злодеи нагромождают преступление на преступление, а их счастье увеличивается вместе с их злодеяниями”. Необходимо понять причину этого преуспеяния; вот она: обращаясь в мыслях к своему истинному благодетелю, они смогли бы отказаться от своих преступных привычек и постигнуть всю обширность своего долга. Но пренебрегая уплатить Всевышнему дань признательности, относясь равнодушно к служению Ему, забывая все милости, которыми Аллах и Пророк Его осыпали их, эти неблагодарные кончат тем, что сделаются предметом негодования и гнева Верховного Владыки».

Письмо моего духовного наставника побудило во мне желание вырвать царство Всевышнего из рук разбойников, неверных, мятежников, еретиков и злодеев, и я тотчас же начал серьезно думать о том, как сделать их изгнание или уничтожение более скорым.

Уложение об управлении в завоеванных государствах

В государстве, которое становилось подчиненным моей власти, я оказывал почет тем, которые были того достойны; я обращался с величайшим уважением и почтением с потомками Пророка, учеными и старцами, я назначал им жалованье, пенсии; вельможи этой страны становились как бы моими братьями, а сироты и бедные — моими детьми. Войско покоренной страны входило в состав моего войска, и я старался обрести любовь народа. Тем не менее я держал всегда своих

Тамерлан

подданных между страхом и надеждой. С добрыми, к какой бы народности они ни принадлежали, я обходился с добротой, но злые люди и изменники изгонялись из моего государства. Я удерживал людей трусливых и низких в положении, которого они заслуживали, не допуская их возвышения за известные пределы. Я был щедр к вельможам и знати. Врата справедливости были открыты во всех подвластных мне странах, в то же время я заботился, чтобы все пути к грабежу и разбою были закрыты.

Правитель покоренной страны оставался при своей должности; осыпая его благодеяниями, я мог вполне рассчитывать на его верность и преданность. Но непокорный не замедлял попадаться в свои собственные сети. Тогда я его замечал верным мне правителем — умным, справедливым, деятельным. Я приказал наказывать по закону «Яса» (закону Чингисхана) разбойников и грабителей с больших дорог и изгонять из моих владений бунтовщиков и изменников.

Я приказал, чтобы шуты были изгнаны отовсюду. В каждом городском квартале у меня были люди, которые должны были заботиться о безопасности народа и воинов. Все кражи, совершенные на их участках, лежали на их ответственности.

На больших дорогах была расставлена стража¹³¹, которая должна была обезопасить передвижение по ним. Путешественники и купцы имели право требовать, чтобы их вещи и богатства сопровождалась этой стражей, которая отвечала за каждую пропавшую вещь.

Судьям строго запрещалось осуждать и наказывать жителей по обвинениям людей подозрительных и неблагонадежных.

Уложение Тимура

Но если обвинение было основано на показаниях четырех человек, то на виновного налагался штраф, соразмерный с его преступлением.

Не позволялось снимать ни подушного сбора, ни пошлины в городах и предместьях. Ни один воин не имел права по своей воле занять постоем дом или присвоить себе стадо или другое имущество жителей.

Во всех делах, касавшихся народа какой-либо завоеванной страны, правителям было приказано строго соблюдать закон. Для уничтожения нищенствования я основал приюты, где бедные получали содержание.

Уложение о том, что нужно сделать для получения сведений о состоянии государств, областей, народа и войска

Я приказал, чтобы на всякой границе, во всякой области, в каждом городе и при больших отрядах войска находился человек, обязанностью которого было уведомлять двор о действиях и поведении правителей, народа и воинов, об общем положении моих войск, моих соседей. Он должен был представлять полный отчет о вывозе и ввозе товара, о прибытии и отбытии иностранцев и караванов всех стран. Эти соглашения при помощи своих связей должны были знать все действия ханов, иметь сведения о всех мудрецах и ученых, которые, хотя бы из самых отдаленных стран, были расположены перейти ко мне на службу. От их докладов я требовал самой

Тамерлан

строгой правдивости. Если кто-нибудь из них уклонялся от истины и не давал полного отчета о событиях, ему отсекали пальцы. Если в своих отчетах кто-либо из них опускал какой-нибудь похвальный поступок воина или представлял его в ложном свете, ему отрубали руку; наконец, если кто-нибудь из них из-за вражды или по злобе делал ложный донос, его предавали смерти. Я настоятельно требовал, чтобы известия от таких людей поступали ко мне ежедневно, еженедельно, ежемесячно.

Я содержал до тысячи всадников на верблюдах, тысячу человек легкой кавалерии и тысячу легковооруженных пеших воинов для исследования состояния пограничных областей и для разоблачения замыслов соседних правителей. По возвращении своем эти воины сообщали мне подробности своих открытий, и я мог поэтому предупредить многие случайности. Так, с их помощью я узнал о поражении Тохтамыша Урус-ханом. Когда побежденный обратился ко мне, я приготовился помочь Тохтамышу и объявил войну победителю.

Когда я задумал завоевать Индустан, эти воины известили меня о том, что в каждой области этого государства правители отделились от верховной власти и объявили себя независимыми. Саранк, брат Малу-хана, поднял знамя независимости в местности Мултана; султан Махмуд последовал его примеру в Дели; Малу-хан организовал армию в Лагоре; Морабек-хан изъявил притязания на верховную власть в государстве Канудж, так что во всем Индустане не было ни одной области, в которой верховная власть не была бы захвачена каким-нибудь частным лицом.

Уложение Тимура

Из всех этих данных я заключил, что можно было легко завладеть этой страной; но мои войска поначалу не разделяли моего мнения¹³², я был еще занят походом в Индию, когда меня известили, что Баязид¹³³ вторгся в мои владения и что грузины, перейдя свои границы, оказали помощь некоторым крепостям, которые были осаждены моими войсками.

Я понял, что беспорядки в Иране увеличатся, если мое пребывание в Индии продолжится. Поэтому я привел в порядок дела этой страны и поспешно прибыл в Мавераннахр, где и остановился на несколько дней. Затем направил свой путь в Анатолию и Грузию и овладел этими государствами.

Уложение об обращении с жителями покоренных стран. О средствах для содержания гробниц, святых и поборников веры.

Пожертвования на богоугодные дела

Я повелел, чтобы воины каждой покоренной страны принимались ко мне на службу сразу после того, как они признают мою власть; чтобы народ этой страны был огражден от всех тех бедствий, добычей которых делаются обычно побежденные; чтобы имущество жителей не подвергалось грабежу и расхищению. Я требовал, чтобы мои воины оказывали величайшее почтение потомкам Пророка, богословам, старцам, ученым; чтобы предводители орд, отцы семейств и земледельцы были ограждены от насилий.

Я отдал приказ, чтобы сайиды¹³⁴, доктора, старцы, ученые, дервиши, которые избирали для своего жительства мои вла-

Тамерлан

дения, получали пенсии и жалованье; чтобы бедные люди, не имеющие средств к существованию, получали бесплатную пищу и, наконец, учителя получали определенное содержание. Я давал средства на содержание гробниц святых отцов. Их гробницы снабжали коврами, средствами освещения и съестными припасами (для хранителей и паломников). Я приказал, чтобы округа Бакхав и Джилах заботились о содержании гробницы главы правоверных Али сына Абу-талиба¹³⁵ (да исполнит Аллах его славы). Я приказал, чтобы из деревень и окрестностей Кербалы, Багдада и других округов поступали средства на содержание гробницы имама Хусайна (да покоится он в мире), гробницы досточтимого Абдул-Кадера, образца святости, наконец, для могилы имама Абу-Ханифы (да благословит его Аллах) и для могил других святых и знаменитых светочей веры, покоящихся в Багдаде, пожертвованные суммы распределялись пропорционально заслугам святого.

Область Джалаир по моему приказу предоставляла средства на содержание гробниц имама Муса-Касима, имама Мухаммед-Наки и Сулеймана-Фарси. Область Кутех-Баст и окрестности Туса давали средства на содержание гробницы имама Али, сына Мусы.

Я сделал пожертвования и на гробницы каждого святого в Иране и Туране. Я приказал, чтобы они снабжались коврами, средствами освещения, съестными припасами.

Я повелел собирать нищих во всякой покоренной мною стране и выдавать им каждодневно порцию пищи; их отмечали особыми знаками, чтоб отнять у них возможность продолжать

Уложение Тимура

нищенствовать. Если кто-либо из этих нищих принимался за старое ремесло, его продавали в дальние страны или изгоняли, чтобы искоренить нищенство в моих владениях.

Уложения для сбора податей, благоустройства государства и безопасности жителей

При сборе податей нужно остерегаться слишком обременять ими народ, а то и опустошать области, потому что разорение народа ведет за собой обеднение государственной казны, а несостоятельность казны имеет следствием ослабление войска, что в свою очередь ведет к ослаблению власти.

Если народ желал сохранить прежний порядок управления, то согласовались с его желанием, в противном же случае подати собирались по установленным мною правилам. Подати определялись производительностью земель и соответственно установленными разменами. Например, если земледелец имел земли, орошаемые постоянными арыками, водопроводами или потоками, то доход с этих земель, если только эти воды текли непрерывно¹³⁶, делился на три части, причем $2/3$ оставались владельцу, а $1/3$ взималась сборщиком.

Если подданный желал платить деньгами, то часть сбора оценивалась в соответствии с текущими ценами (воины получали жалованье сообразно со стоимостью съестных припасов). Если же и подобное распределение не нравилось подданным, то подати взимались с трех десятин отдельно. С первой десятины подать составляла три меры, со второй — две меры,

Тамерлан

а с третьей — одну меру. Если подданный отказывался платить натурой, то меру пшеницы оценивали в пять серебряных мискалей, а меру ячменя — в 2,5 мискаля. Причем на него налагалась обязанность калакчи¹³⁷. Но сверх этого с народа не позволялось ничего требовать ни под каким предлогом. Что касается прочих доходов с почвы, то они делились на две части, с которых взималась треть или четверть.

Налоги на пруды, пастбища и другие ценные земельные угодья оставались без изменения; если же подданный был не доволен, то избирался другой порядок.

Строго воспрещалось собирать подати раньше уборки урожая, и уплата производилась в три определенных срока. Если подданные платили охотно, то дело обходилось без сборщика; если же в таковом была надобность, то он должен был действовать словом и влиянием, но никогда не должен был прибегать к палке, веревкам, кнуту, или цепям; он вообще не имел права прибегать к жестоким мерам против личности должника.

Земледелец, который разработал и оросил невозделанную землю или сделал годными для посева заброшенные земли, освобождался от податей на один год; на второй год он мог внести столько, сколько ему заблагорассудится; на третий же год он подчинялся общему постановлению о налогах. Если богатый землевладелец или человек могущественный притеснял бедного или причинял ему какой-нибудь убыток, то притеснитель отвечал за это своим имуществом, часть которого переходила угнетенному.

Что касалось земель заброшенных и никому не принадлежащих, то я предложил серьезно позаботиться о том, чтобы

Уложение Тимура

их возделывали. Если же земля оставалась без обработки по причине бедности ее владельца, то ему давались необходимые земледельческие орудия. Я приказывал расчищать засоренные арыки, исправлять и строить мосты на реках и воздвигать караван-сарай на расстоянии одного дня пути друг от друга. При караван-сараях находились смотрители и дорожная стража. Они заботились о безопасности путешественников и отвечали за украденное у них имущество. В каждом городе я приказал построить мечеть, общественную школу, монастырь, богадельню для бедных и убогих и больницу, при которой находился врач. Я требовал, чтобы в городах строились также здания городской управы и судебной палаты; я учредил особую стражу¹³⁸, следившую за засеянными полями и за безопасностью жителей.

В каждую область я назначил трех визирей. Первый был для народа. Он вел точный и верный счет податям, уплачиваемым подданными, докладывал мне о сумме их с объяснением, по какому праву и под каким наименованием они были взимаемы. Второй был для воинов. Он вел счет сумм, им выплаченных, и тех, которые им еще следовало выплатить. Третий наблюдал за собственностью отсутствующих¹³⁹, за полями, покинутыми на волю ветра. С согласия судьи и представителя духовной власти в руки этого визиря переходило имущество сумасшедших, неизвестных наследников и преступников, лишенных прав законом. Имущество умерших переходило к законным наследникам; если же таковых не оказывалось, это имущество передавалось богоугодным заведениям или же отсылалось в Мекку.

Тамерлан

Уложение о ведении войны, производстве атак и отступлений и боевом порядке

Если численность вражеского войска не превышает двенадцати тысяч всадников, то войну может вести главнокомандующий с двенадцатью тысячами воинов, набранных из орд, с соответственным числом мин-баши, юз-баши и ун-баши.

Приблизившись к неприятелю на расстояние одного дня, он должен мне дать о себе известие.

Я приказал разделить эти двенадцать тысяч всадников на девять отрядов и разместить их следующим образом: в центре — один отряд; правое крыло — три отряда; левое крыло — три отряда; затем главный передовой отряд и его прикрытие — другой отряд. Правое крыло должно состоять также из передового отряда и правого и левого отрядов позади передового. Левое крыло точно так же имеет свой передовой отряд и два отряда позади него.

При выборе места для битвы предводитель должен иметь в виду четыре условия:

- 1) близость воды;
- 2) удобство размещения всего войска;
- 3) выгоду положения, при котором можно было бы видеть все неприятельское войско; особенно важно, чтобы солнце не светило прямо в лицо воинам и не ослепляло их.
- 4) поле битвы должно быть обширно и ровно.

Перед битвой предводитель должен построить свои ряды по намеченному плану; раз построенное в боевой порядок войско должно двигаться вперед, не уклоняясь ни вправо, ни влево.

Уложение Тимура

Как только воины завидят неприятеля, они должны издать боевой клич: «Аллах Акбар»!¹⁴⁰

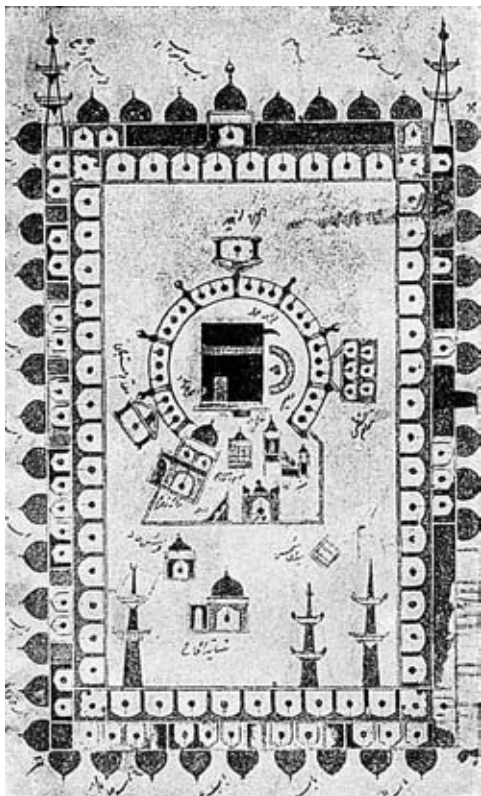
Если уполномоченный¹⁴¹, находящийся в войске по моему приказу, заметит, что предводитель войска не справляется со своими обязанностями, он может заменить его другим, предварительно сообщив амирам и воинам о данном ему мною полномочии.

Предводитель совместно с уполномоченным должен осведомиться о численности неприятеля, сравнить его оружие с вооружением своих воинов, чтобы сообразить, в чем его силы слабее неприятельских, и пополнить недостатки. Внимательно следя за передвижениями своих отрядов, предводитель отмечает, продвигаются ли они медленно и стройно или двигаются в беспорядке. Он должен хорошо различать действия противника, нападает ли он всеми своими силами или же производит атаки отдельными отрядами. Главное искусство предводителя состоит в умении предугадать, когда неприятель нападает или отступит, затевает ли он новый план атаки или же придерживается прежнего. В этом последнем случае воины должны стойко выдержать натиск, потому что храбрость есть не что иное, как терпение в момент опасности. Пока неприятель не начнет дела, не следует выступать ему навстречу; но лишь только он сделает шаг вперед, нужно направить соответственно движение всех своих девяти отрядов. В чем же заключается обязанность главнокомандующего? Руководить движениями своих отрядов и не теряться во время опасности. Он должен быть решителен в своих действиях, на каждый

Тамерлан

отряд он должен смотреть как на особый род оружия, как-то: стрелу, топор, палицу, кинжал или саблю, которые он употребляет лично, смотря по надобности. Предводитель должен смотреть на себя и на свои девять отрядов, как на атлета, который борется всеми частями своего тела: ногой, рукой, головой, грудью. И тогда можно надеяться, что неприятель, подавленный этой последовательностью натиска, будет наконец побежден.

Предводитель начинает тем, что двигает вперед главный передовой отряд, поддерживаемый передовым отрядом правого крыла, а затем и передовым отрядом левого крыла, что позволит произвести натиск на противника с трех сторон. Если выдвинутые войска дрогнут, то следует послать для подкрепления один из двух оставшихся отрядов правого крыла; после этого — один из двух оставшихся отрядов левого крыла. Если победа еще не верна, то следует выдвинуть вперед оставшиеся отряды правого и левого крыла и донести мне о ходе дела. Дождавшись прибытия моего знамени, возлагая все надежды на помощь Всевышнего, главнокомандующий сам вступает в схватку, считая меня самого как бы участвующим в деле; не подлежит сомнению, что с помощью Аллаха девятая атака обратит в бегство неприятеля и доставит ему победу. Чрезвычайно важно, чтобы главнокомандующий не поддавался увлечению, чтобы он управлял всеми передвижениями своих войск; если он будет вынужден лично принять участие в деле, то пусть делает это, не слишком рискуя собою, так как смерть предводителя имеет самые нежелательные последствия: она воодушевляет врагов.

Мечеть в Мекке с Каабой.

Миниатюра из персидской книги о путешествиях, 1576 г.

Частное нью-йоркское собрание

Тамерлан

Итак, главнокомандующий должен вести свои действия с ловкостью и благоразумием, не позволяя себе увлекаться, потому что безрассудная смелость — дочь бесов; он не должен ставить себя в такое положение, из которого нет выхода.

Порядок битвы для моего победоносного войска

Если неприятельское войско превышает двенадцать тысяч человек, не достигая, однако, сорока тысяч, то командование моим войском может быть поручено одному из моих сыновей с назначением под его руководство двух главных и нескольких амиров с отрядами и ордами, так чтобы численность всего войска доходила до сорока тысяч. Мои непобедимые войска должны думать, что я будто бы лично нахожусь в войске, чтобы не терять благоразумия и храбрости.

Я приказал, чтобы мою кибитку, как счастливое предзнаменование, отправили вперед и чтобы ее сопровождали двенадцать отрядов с предводителями во главе; эти предводители должны правильно действовать, не забывая ни одного из двенадцати правил¹⁴², которые я предписал для установления боевого порядка, для разрыва передовых линий противника и, наконец, для атак и отступлений.

Хороший предводитель, узнав о числе вражеских амиров, должен им противопоставить не меньшее число своих; он должен решить, какого рода воинов нужно поставить во главе войска: будут ли это лучники, или копейщики, или люди, вооруженные саблями. Внимательный к передвижению своего

Уложение Тимура

противника, он должен сообразить, начинает ли неприятель битву медленно, посылая в дело отряд за отрядом, или же в бой бросается все вражеское войско; он должен наблюдать за всеми путями, ведущими к полю битвы и играющими роль как для атаки, так и для отступления, а также должен попытаться уяснить себе план дальнейших действий неприятеля.

Может случиться так, что, выказывая притворную слабость, враги обратятся в бегство, но не следует поддаваться этой хитрости. Военачальник, глубоко изучивший военное дело, понимает весь механизм битвы; он знает, какой отряд нужно послать в дело. Его благоразумие помогает всему. Он не затрудняется дать сражение. Он предугадывает планы своего противника, видит цель всех его передвижений и пускает в ход все возможные средства, призванные расстроить замыслы неприятеля.

Из сорока тысяч всадников предводитель может сформировать четырнадцать отрядов и разместить их следующим образом: из трех он выстроит свою линию и назовет ее центром. Три отряда составят заднее прикрытие правого крыла. Один из этих трех отрядов получит название передового (этого прикрытия). Из трех отрядов, составляющих левое крыло заднего прикрытия, один также будет служить этому прикрытию передовым.

Три других отряда будут помещены впереди заднего прикрытия правого крыла; они составят его фронт. Один из этих трех отрядов послужит передовым отрядом фронта правого крыла. Левое крыло будет состоять из такого же числа отря-

Тамерлан

дов и размещенных перед левым крылом прикрытия, и они будут составлять его фронт. Один из них будет служить передовым отрядом фронта левого крыла, подобно предыдущему. Затем предводитель выстроит главный передовой отряд перед центром войск. В составе этого передового отряда будут: стрелки из луков, воины, вооруженные саблями, копейщики — храбрые и опытные воины, которые будут сражаться, издавая громкие крики, чтоб попытаться внести беспорядок в ряды неприятельского передового отряда. От главнокомандующего не должно ускользнуть ни одно движение противной стороны, и тот самоуверенный амир, который двинется вперед, не имея на то приказания, должен подвергнуться наказанию.

Всегда внимательно следя за передвижением войск противника, главнокомандующий не должен спешить с наступлением до тех пор, пока не получит к тому прямого вызова со стороны неприятеля. И раз уж противник открыл наступление, то главнокомандующий, прежде чем действовать, должен отметить про себя, как неприятель начинает битву, и только затем он должен попытаться отразить противника; если это удастся, главнокомандующий должен понять, собирается ли неприятель продолжать атаку, или же, согласуясь с требованиями обстоятельств, начнет отступать, чтобы снова напасть, когда наступит удобное для этого время.

Должно также остерегаться преследовать войско, которое без видимой причины обращается в бегство, потому что оно может иметь в тылу сильное подкрепление.

Уложение Тимура

В обязанности главнокомандующего входит следить, направляет ли неприятель в бой все свои силы или действует только правым и левым крылом. В последнем случае он должен сначала противопоставить ему свой центральный передовой отряд, затем двинуть передовые отряды правого и левого крыла для подкрепления центрального. После этого в бой вступят оставшиеся отряды правого и левого крыла фронта.

Если после семи атак не выяснится, на чьей стороне перевес, то следует отправить в бой передовые отряды заднего прикрытия правого и левого крыла, чтобы увеличить число атак до девяти. Если и после этого не последует победы, то можно пустить в ход по одному из оставшихся отрядов заднего прикрытия правого и левого крыла. Если и эти усилия окажутся бесполезны, то следует отправить в бой последние отряды заднего прикрытия. Может быть, успех тогда определится.

Если эти тринадцать приступов не определяют победителя, то главнокомандующий должен двинуть вперед свой центр; пусть он горой вырастет в глазах неприятеля и обрушится на него тяжело и мерно. Пусть главнокомандующий прикажет своим храбрецам¹⁴³ обнажить сабли, а лучникам — пустить град стрел; наконец, если и после этого победитель не выяснится, то командующий должен сам броситься в бой, не колеблясь и не теряя из виду моего знамени¹⁴⁴. Если вражеское войско превышало сорок тысяч человек, то тогда я приказывал амирам, мин-баши, юз-баши, ун-баши и другим воинам стать под мое победоносное знамя¹⁴⁵.

Предводители отрядов должны были исполнять мои приказания совершенно точно. Амир, дерзнувший не исполнить или

Тамерлан

нарушить мой приказ, предавался смерти, а его преемник замещал виновного. Из сорока отрядов, сформированных из орд, я выбирал двенадцать, которым и дал отличительные знаки.

Предводители двадцати восьми отрядов, не имеющих отличительного знака, шли позади центра; мои сыновья и внуки располагались со своими войсками справа от центра; родственники и союзники помещались слева. Это были запасные отряды, которые оказывали помощь там, где в ней нуждались. Шесть составляли заднее прикрытие правого крыла, а еще один — служил им передовым отрядом.

Заднее прикрытие левого крыла было сформировано по тому же образцу; оно также имело свой передовой отряд. Я поставил шесть отрядов впереди заднего прикрытия правого крыла, и они составляли фронт правого крыла. Еще один отряд, поставленный впереди, служил передовым этому фронту.

Тот же порядок существовал и для левого крыла, которое также имело свой передовой отряд фронта. Впереди обоих крыл помещались шесть отрядов, сформированных из опытных воинов испытанной храбрости, и это был мой главный передовой отряд. Два ун-баши легкой кавалерии и один тяжелой служили мне лазутчиками.

Всем предводителям отрядов (всего их было сорок) строго запрещалось вступать в бой без приказа, но они должны были быть всегда готовыми к выступлению. Как только они получали такое приказание, то выступали, постоянно наблюдая при этом за передвижениями неприятеля.

По мере того как главный передовой отряд вступал в схватку, предводитель последовательно выдвигал вперед все свои

Уложение Тимура

шесть отрядов, чтобы смешать неприятельские ряды; командующий правым крылом — свои шесть отрядов им на помощь и сам лично вступал в дело. Предводитель передового отряда левого крыла должен сделать то же самое, чтобы поддержать сражающихся: он должен выступить во главе своих отрядов, и тогда, может быть, с помощью Всевышнего, выдержав эти 18 атак, ослабевший неприятель обратится в бегство.

Если же противник продолжает выказывать стойкость, то предводителям запасных отрядов правого и левого крыла следует выдвинуть свои передовые отряды. Эти отряды, ринувшись на противника, могут его смять и уничтожить. Если наши надежды на это все же окажутся тщетными, то предводителям отрядов заднего прикрытия остается только двинуть последовательно своих воинов и самим лично, во главе их, врезаться в неприятельские. Если же и эти отряды ослабнут и дрогнут, то настала минута, когда предводители-мирзы, командующие запасными отрядами правого крыла, и родственники государя, стоящие во главе таких же отрядов левого крыла, должны ринуться на врагов.

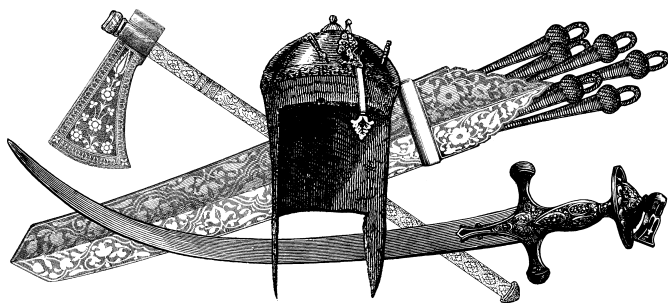
Все их внимание должно быть обращено на командующего неприятельской армией и на его знамя; пусть они неустрашимо атакуют вражеские ряды. Главная их задача заключается в том, чтобы захватить этого предводителя и его знамя. Если после всех этих усилий враг все же будет держаться, тогда наступит очередь отборного войска центра и храбрецов, выстроенных позади его; они должны устремиться все вместе, чтобы произвести общую атаку, причем сам государь также должен броситься с храбростью и твердостью в самый пыл сражения.

Тамерлан

Так я поступил в битве с Баязидом. Я приказал мирзе Миран-Шаху, который командовал правым крылом, стремительно напасть на левое крыло войск турецкого султана мирзе Султан-Махмуд-хану и амиру Сулейману, которые вели левое крыло моих войск, атаковать неприятельское правое крыло. Мирза Абу-Бекр, под предводительством которого находились запасные отряды правого крыла, получил приказание атаковать центральную часть войска Баязида Молниеносного, которая располагалась на возвышенности. Сам же я стал во главе своих избранных воинов и вместе с предводителями орд пошел прямо на Кайсара.

Его войска были опрокинуты с первого натиска; Султан-Махмуд-хан бросился преследовать побежденного и, взяв его в плен, привел в мою палатку. Придерживаясь тех же принципов, я одержал победу над Тохтамыш-ханом и овладел знаменем этого хана.

Если неприятель, отличающийся доблестью, обратит в бегство передовые отряды правого и левого крыла, как и отряды заднего прикрытия, если он пробьется к центру войска, то государю ничего больше не остается, как вложить ногу храбрости в стремя терпения, чтобы отразить и уничтожить неприятеля. В сражении против шаха Мансура, наместника Дели, когда этот принц пробился ко мне, я лично сражался с ним, пока не поверг его в прах¹⁴⁶.

Примечания

¹ В то время как Туклук-Тимур завоевывал Мавераннахр, на которую он предъявил права, несколько князей из числа его вассалов восстали против него в Джете. Это восстание и советы Тимура, бывшего тогда лишь простым амиром, побудили хана оставить Мавераннахр, чтобы водворить порядок в собственном государстве.

² Т. е. Джайхун (Яксырт), которая, протекая на севере Мавераннахра, отделяет ее от Туркестана и Джете, где находился тогда хан Туклук-Тимур. Эта река, протекая мимо Ходжента, принимает имя этого большого города, пограничного между Ферганой и Мавераннахром.

³ Хаджи-Барлас — дядя Тимура. Хаджи-Барлас и Баязид были предводителями орд в Мавераннахре.

⁴ Во всех значительных предприятиях мусульмане имеют обычай открывать на удачу Коран и брать первый стих первой попавшейся страницы, чтобы попытаться предугадать хороший или плохой исход дела. Этот

Тамерлан

род гадания называется «истихара». Христиане иногда советуются со священными книгами тем же образом. Ту же роль играли и пророческие книги Сивиллы.

⁵ См. Коран, глав. XII. Тимур намекает на покровительство, которое патриарх снискал в Египте для своего семейства.

⁶ 1359 г. (761 г. хиджры). Возраст Тимура — 25 лет.

⁷ 1360 г. (762 г. хиджры). Возраст Тимура — 26 лет.

⁸ *Качули-богадур* и *Кабыль-хан* — два сына Тумене-хана. Кабыль-хан был прадед Чингисхана, а Качули-богадур восьмым предком Тимура. Тумене-хан имел своим преемником в царстве монголов своего сына Кабыль-хана. Кабыль-хану же наследовал Бурхан-богадур. Можно предположить, что в договоре, заключенном между двумя братьями (чтобы угодить, без сомнения, их отцу Тумене-хану), было оговорено, что ханское достоинство переходит в наследство в семью старшего Кабыль-хана, между тем как младший Качули-богадур, как и его потомство, должен исполнять должность визирия и главнокомандующего у хана, и что между потомками двух братьев должно существовать прочное согласие. Тимур из племени «качули» счел себя обязанным уступить этому договору, на который указал ему Туکلук-Тимур, по прямой линии потомок Кабыль-хана через Чингисхана.

⁹ *Узбеки* — то же, что *Джете* в этом сочинении.

¹⁰ *Сайид* («господин») — имя, которое дают потомкам Мухаммеда.

¹¹ Тимур происходил из этого племени, главой которого был его дядя Хаджи-Барлас, один из незначительных феодалов — владетелей Мавераннахра.

¹² Так называются четыре первые халифа — Абу-Бекр, Омар, Осман и Али.

¹³ Это первая глава Корана «Сура Фатиха», которую набожные мусульмане произносят, когда хотят получить благословение неба.

Уложение Тимура

¹⁴ Это были три его спутника и, без сомнения, три пехотинца.

¹⁵ Этот туркмен носил имя Ахмад.

¹⁶ Он оставил ее в Бухаре-Зейдеке, в одном из городов Бухары.

¹⁷ С его другими женами, т.е. гаремом.

¹⁸ Если верить одному персидскому автору, именно после этого боя Тимур стал одноруким (с усохшей рукой) и хромым. Он был в то время простым амиром.

¹⁹ Собственно «ночь собрания». Так мусульмане называют пятницу. Этот день также священен для них, как суббота для иудеев и воскресенье для христиан. Мусульмане собираются в мечети, имам или священник произносит молитву и хутьбу, или проповедь, в которой молится за Мухаммеда, его потомков и царствующего князя.

²⁰ Это первая из пяти молитв, которые мусульмане обязаны произносить каждый день в разные часы.

²¹ Дословно: «поставил их себе под мышки». Это самое большое изъявление дружбы, какое может дать татарин; когда он опустит руку на вашу голову, то ваше дело становится его делом.

²² Это все изъявления благосклонности, употребляемые жителями Востока. И у них нет ничего более выразительного. Мусульманин очень любит свой дюльбенд (неправильно называемый тюрбан), его сабля ему не менее дорога, а подарок халата есть еще одно сильное изъявление дружбы. Наилучший знак отличия, который может дать азиатский феодал, это прислать свой халат.

²³ Тимур имел уже 800 тысяч, когда шел на Баязида.

²⁴ Т. е. река Джайхун, протекающая через город Термез на границах Мавераннахра.

²⁵ Это были амир Сулейман, Муса, Джагуй-Барлас, Джелал-эд-дин и Хиндук-Барлас.

Тамерлан

²⁶ Дословно: «чтобы погасить пламя их гнева водой благоразумия».

²⁷ Амиру Абу-Сайиду.

²⁸ Дословно: «так как они многочисленны, то нужно опасаться, чтобы первый взгляд их не поразил моего войска». Жители Востока думают, что люди известного рода могут причинить величайшее несчастье одним своим взглядом.

²⁹ Т. е. в Мавераннахре и соседних странах.

³⁰ Первый из этих амиров был Куч-Тимур, второй — Тимурин-Туклан, остальные — Сарык-богадур, Сангум-богадур и Туклук-Ходжа, брат Ходжи-бега.

³¹ Туклук-Сальдур и Кайхоср.

³² Джагуй-Барлас, Ингу-Тимур, амир Сулейман и амир Джелал-эд-дин.

³³ 1362 г. (763 г. хиджры).

³⁴ Амиры Муайяд-Арлад, Кара-богадур и Ирак-богадур.

³⁵ Т. е. воды реки Джайхун, которая протекает мимо Ходжента и отделяет Мавераннахр от Туркестана.

³⁶ Это был один из дервишей.

³⁷ Халифом.

³⁸ Незначительный владетельный князь в Мавераннахре. Недовольный своим ничтожным владением, он стремился сделаться главным правителем Мавераннахра и кончил тем, что был убит.

³⁹ Т. е. Джайхун у города Амуйэха.

⁴⁰ Галог, брат Хызра.

Уложение Тимура

⁴¹ Хусайн был схвачен в Балхе и убит двумя амирами, давно жаловавшимися на его жестокость, в апреле 1370 г. по Р. Х. (771 г. хиджры). Возраст Тимура — 35 лет.

⁴² В апреле 1381 г. (783 г. хиджры).

⁴³ Правитель Золотой Орды, потомок Туши (Толуя), сына Чингисхана.

⁴⁴ Тохтамыш тоже потомок Туши и соперник Урус-хана.

⁴⁵ По смерти Урус-хана, который прожил немного времени после своего поражения, Тохтамыш был посажен Тимуром на трон Золотой Орды. Это случилось в 1376 г. (778 г. хиджры).

⁴⁶ 1382 г. (784 г. хиджры).

⁴⁷ Это случилось 18 ноября 1387 г. (789 г. хиджры).

⁴⁸ Этот хан Золотой Орды и Кипчака, о котором было упомянуто выше, воспользовался отсутствием Тимура, своего благодетеля, чтобы напасть на его государство.

⁴⁹ 26 апреля 1393 г. (793 г. хиджры).

⁵⁰ 1391 г. (793 г. хиджры).

⁵¹ Чтобы дать понять важность этого обещания, кстати будет рассказать читателю об употреблении большого знамени повелителя в Азии. Во все времена и теперь еще его отступление или исчезновение определяет ход битвы. Его форма достаточна, чтобы распознать его; оно всюду сопровождает отряд, предводимый лично повелителем; воины никогда не теряют его из виду. Когда они видят его развевающимся, то они в полной уверенности, что повелитель не покинул их; но лишь оно исчезнет или отступает, то это бывает причиной их бегства и рассеяния.

⁵² Это название, которое мусульмане дают Багдаду.

⁵³ Посол хотел выразить, как он презирал султана.

Тамерлан

⁵⁴ В октябре 1393 г. (795 г. хиджры).

⁵⁵ 1395 г. (797 г. хиджры).

⁵⁶ Жители Востока очень привязаны к обычаям их стран, и в особенности к языку. Арабы хвалятся тремя вещами: во-первых, их чалмой, которая, будучи положена на их голову, придает им такой величественный вид; во-вторых, их мечом, который так хорошо служит им для отсечения голов; в-третьих, их языком, которым они выражаются столь красноречиво. Неудивительно, что они держатся так своего языка, даже считается, что на нем говорят в раю.

⁵⁷ В марте 1398 г. (800 г. хиджры).

⁵⁸ Афганцев.

⁵⁹ Когда Муса сдал крепость Тимуру, последний позволил ему удерживать крепость в течение некоторого времени в своей власти; Тимур дал ему воинов и припасы, чтобы Муса мог защищать крепость, и вскоре после этого сам посетил ее.

⁶⁰ В январе 1399 г. (801 г. хиджры).

⁶¹ В мае 1399 г. (801 г. хиджры).

⁶² Курдистан.

⁶³ Туран заключает в себе Мавераннахр и Туркестан.

⁶⁴ Эти знаменитые доспехи, которые надевал Тимур при важных обстоятельствах, слыли за выкованные самим царем Давидом в мастерской одного кузнеца. Однако сделавшим их был не Давид, а Иппократ, царь Грузии, который, будучи взят в плен и освобожден татарским завоевателем, дал ему это вооружение, как залог своей верности.

⁶⁵ 1400 г. (803 г. хиджры).

⁶⁶ Баязид I Молниеносный, султан Оттоманской империи.

Уложение Тимура

⁶⁷ Сын Баркука, султан Египта и Сирии, как и его отец.

⁶⁸ Дамаск был взят 3 января 1401 г. и сожжен в марте 1401 г. (803 г. хиджры).

⁶⁹ Прозвище Баязида.

⁷⁰ Осада продолжалась 40 дней. Тимур вошел в Багдад 23 июля 1401 г. (803 г. хиджры).

⁷¹ Мекка и Медина.

⁷² 10 апреля 1402 г. (804 г. хиджры).

⁷³ 16 июля 1402 г.

⁷⁴ Сюда он пришел в июле 1404 г. (807 г. хиджры) и умер в том же году в Отраре по дороге в Китай, который он хотел завоевать.

⁷⁵ Т.е. монгольские орды, а может быть, орда Туркестана.

⁷⁶ Аджемы и таджики.

⁷⁷ Буквально: «моя соль его схватила», т. е. он вспомнил о том, что был на службе у Тимура и что этот государь кормил его. У восточных народов «правом соли» называется род союза, который заключают двое, вкушая вместе пищу. Нет ничего священнее этого права; оно уничтожает самую непримиримую вражду. Известно, с каким ожесточением арабы преследуют убийц своих родителей. Это считается у них столько же долгом, сколько и честью, и удовлетворение этой мести называется «кровавой местью». Тем не менее если убийца добьется возможности разделить с противником пищу или только предложить ему хлеб-соль то великая вражда между ними исчезает.

⁷⁸ Наказание даже сильно провинившихся детей и родственников Тимура, как правило, ограничивалось тюрьмой, однако в «Истории Тимур-бека» пишется, что когда Тимур осаждал Дамаск, то султан Хусайн, его внук,

Тамерлан

принял сторону сирийцев. По взятии города этот молодой мирза был закован в цепи и его дед, прежде чем даровать ему свободу, приказал дать ему столько ударов палкой, сколько предписано законом Чингисхана.

⁷⁹ Это сравнение кажется недостаточно точным.

⁸⁰ Дословно: «которое возшло на востоке моего сердца».

⁸¹ Человек, обладающий высшей духовной властью, у мусульман называется «садр».

⁸² Т. е. «вакуфы».

⁸³ Т. е. мутаваллиев. Только главные мечети имеют мутавалля.

⁸⁴ *Мухтасиб* — чиновник, наблюдающий на рынке за съестными припасами.

⁸⁵ Империя Тимура — прежде всего государство, находящееся под охраной Аллаха.

⁸⁶ *Сахиб Кыраз* (господин двух созвездий).

⁸⁷ *Хиджра* — переселение (бегство) Пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 году. Год хиджры является началом мусульманского летоисчисления.

⁸⁸ Хасан-хан, сын Аргуна и внук Хулагу.

⁸⁹ 1304 г. (703 г. хиджры).

⁹⁰ Этот двенадцатый и последний имам должен прийти в конце веков, чтобы обратить всех людей в ислам.

⁹¹ Кутб шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади, личность благочестивая, потомок Мухаммеда. Он предсказал Тимуру его будущее величие, и Тимур с этого времени всегда оказывал ему почет, обращался к нему за советами в делах затруднительных.

⁹² Шейхи.

Уложение Тимура

⁹³ До сих пор татары никогда не употребляют в разговоре слов: «дочь», «жена». Когда же нужно упомянуть лицо женского пола, то они употребляют иносказания: «население моего дома», или «короткие ноги», или еще «жители моего гарема». Слово «гарем» соответствует русскому слову «святилище», «сераль» — слову «дом». Следовательно, «гарем-сераль» можно перевести как «святилище дома».

⁹⁴ Рум — значит Анатолия. Речь идет о войне Тимура с Баязидом, где последний был захвачен в плен.

⁹⁵ I, III и X сословия кажутся с первого раза одним и тем же, т. е. к ним принадлежат люди духовные, но при внимательном чтении в этих сословиях заметно различие. I сословие составляют шейхи, потомки Али и богословы. III сословие составляют люди, избранные из представителей простого народа, наиболее набожные и отличающиеся строгой жизнью. К X сословию Тимур причисляет анахоретов, удалившихся от мира для изучения Корана и созерцательной жизни.

⁹⁶ В Персии дети воинов получали жалованье с двухлетнего возраста.

⁹⁷ Вероятно, этот камень служил границей на скачках, которые производились по кругу.

⁹⁸ В Индостане сохранился еще обычай назначать воину плату, равную стоимости его лошади. Особо заслуженные воины имеют при себе две или три лошади, на которых сидят их слуги, и они получают соответственное жалованье.

⁹⁹ Вероятно, амиры не получали разрешение на определенную сумму, но пользовались доходами с известного участка.

¹⁰⁰ Вероятно, простым воинам не уплачивалось жалованье в казначействе; там они получали только разрешение, по которому в провинциях им выдавалось содержание.

¹⁰¹ В тексте: «я его делал дервишем», т. е. «я осуждал его на нищенство»; дервиш — значит нищий, отсюда и произошло название этого религиозного ордена у турок. Дервиши живут только подаянием.

Тамерлан

¹⁰² Второй сын Чингисхана.

¹⁰³ Лучшее доказательство того, что сам Тимур не был сыном пастуха, как утверждали некоторые авторы.

¹⁰⁴ Императора Византии.

¹⁰⁵ Эмиры.

¹⁰⁶ Шариф-эд-дин говорит о ста тысячах гебров, взятых в плен и убитых под стенами Дели.

¹⁰⁷ Дословно: «верный праву соли». Для воина «право соли» составляло жалованье, которое он получал; это жалованье обязывало его подвергать опасности свою жизнь за того, от кого он получал плату.

¹⁰⁸ Внук амира Казгана и двоюродный брат Тимура.

¹⁰⁹ Верный «праву соли» в отношении Туклук-Тимура, хана Джете.

¹¹⁰ Конфликт Тимура с Кара-Юсуфом послужил главным поводом для начала войны между Тимуром и Баязидом Молниеносным, турецким султаном.

¹¹¹ *Нонарех* — ударный инструмент; знак отличия его владельца; в него ударили в определенные часы дня; так же использовался в бою.

¹¹² *Хакан* — титул древних царей Туркестана.

¹¹³ Д. Эрбло уверяет, что Бехрам взял только 12 000 человек.

¹¹⁴ Юэ-баши и мин-баши.

¹¹⁵ Так называется род разбойников, живших в Катурских горах в Бадакшане, по дороге в Индию.

¹¹⁶ *Туман-туг* и *чер-туг* — это два рода знамени или копий с наконечниками из известных фигур, обозначающих чин военачальника, которому они принадлежат.

Уложение Тимура

¹¹⁷ От двух до четырех лошадей.

¹¹⁸ Род объездной команды.

¹¹⁹ Саир, или хеван, — так называлась любая собственность, по той или иной причине оставшаяся без владельца.

¹²⁰ Диван-бег.

¹²¹ Ирз-бег — чиновник, который заботился о том, чтобы эти прошения достигали престола.

¹²² Улус — родоплеменное сообщество кочевников, становище кочевников (орды), селение, район.

¹²³ Тумен — название корпуса в десять тысяч человек или области, способной выставить такое число воинов.

¹²⁴ Тамга — знак собственности, принадлежности; тавро.

¹²⁵ Это были амиры Туклук-Тимура, хана Джете.

¹²⁶ Андижан — город Мавераннахра, зависящий от Ферганы.

¹²⁷ «Раб монарха», по мнению Шардена, почетный титул у восточных народов.

¹²⁸ Кеш, родина Тимура.

¹²⁹ Титул эмира Аломара. Он был один из четырех главных военачальников, назначенных из племени Барласа.

¹³⁰ Тохтамыш-хан, которого Тимур возвел на трон Золотой Орды и который впоследствии объявил войну своему благодетелю.

¹³¹ Это учреждение существовало в Персии еще в XIX в., где все дороги охранялись гораздо лучше, чем в Европе.

¹³² Тимур все же повел свои войска в Индостан под предлогом восстания там мусульманской веры.

Тамерлан

¹³³ Султан Османской империи, который был разбит и взят в плен Тимуром.

¹³⁴ Потомки Пророка Мухаммеда.

¹³⁵ Все упомянутые здесь святые очень почитаемы мусульманами.

¹³⁶ На Востоке находится много рек, ручьев и источников, которые текут только в известное время года.

¹³⁷ Повинность в выполнении фортификационных работ.

¹³⁸ Эта стража имела название «караулчи».

¹³⁹ Лица, неизвестно где находившиеся и о которых нет никаких сведений.

¹⁴⁰ Бог велик.

¹⁴¹ «А'риз лакшер» — тот, кому поручено производить смотр войскам, как военный комиссар или инспектор.

¹⁴² Эти правила не приведены в персидском переводе.

¹⁴³ Т. е. избранному отряду, который составляет резервный корпус.

¹⁴⁴ Тюрки брали на войну знамя своего государя, хотя он мог и не участвовать в походе. Исход битвы часто зависел от этого знамени, так как его исчезновения было достаточно, чтобы воины обратились в бегство.

¹⁴⁵ Это значит, что тогда Тимур сам командовал своей армией.

¹⁴⁶ Шаха Мансура убил сын Тимура, бросив отрубленную голову врага к ногам отца.